

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения
2022
Том 22
Выпуск 2

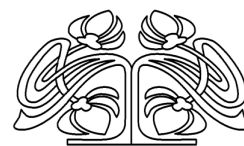
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

Издаётся с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Шамина И. Н.** Описание Коломенской епархии 1701–1702 гг. по данным рукоприкладств, помет и скреп в переписных книгах 144
- Морозова Е. Н., Раскин Д. И.** «Замечание на статью “Аристократия и интересы дворянства”» Н. А. Милютина 152
- Аленичева Н. В.** Концепция «брутализации» общества и ее возможности для анализа Великой российской революции 158
- Карамышева С. Н.** In memoriam. Профессор К. А. Копержинский: «Отец сначала был учителем древних языков, потом стал священником» 164
- Демидова Е. И., Саранцев В. Н.** Проблема золотовалютных резервов советского государства в 1920–1930-е годы 172
- Никонов В. В.** На пороге Большого террора: диакон старообрядческих моленных Иван Афанасьевич Власов и дело московского неокружнического старообрядческого духовенства 1937 года 179
- Савенков Э. И.** Ключевые аспекты военно-бытовой повседневности воинов-танкистов в годы Великой Отечественной (на примере 50-й и 51-й танковых бригад) 187

Всеобщая история

- Кузьмин Д. И.** Польское направление внешней политики Пржемысловичей во второй половине XIII века 194
- Желобцов Ф. Ф.** Парламентская борьба в Турции на страницах еженедельника «Акис» (50-е годы XX века) 201
- Растворцева А. Н.** Проблемы сотрудничества России и Германии в борьбе с пандемией COVID-19 207
- Черевичко Т. В.** Туризм как инструмент «мягкой силы» международной политики 214

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Воевода Алексей Пантелеевич Чириков: страницы биографии 219
- Соловьев П. К.** «Раскольники кривоулицкие больше всех употребляют насилия...»: о становлении единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии (1850–1860-е годы) 234
- Митрохин В. А.** Рабкрин Саратовской губернии: социально-политическая практика (1920-е годы) 243
- Юдина Т. В.** Становление и развитие государственной системы здравоохранения в Царицынской – Сталинградской губернии в 1920-е годы 250
- Данилов В. Н.** Саратовская деревня в годы Великой Отечественной войны: мобилизационная политика государства и практика выживания 256
- Ванин А. А.** Влияние на развитие пространства крупного советского города применения «горьковского» метода жилищного строительства во второй половине 1950-х годов (на примере Саратова) 269
- Грибов Р. В.** Советский опыт повышения эффективности производства в организациях нефтегазового комплекса Саратовской области в 1950–1980-е годы 275

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “История. Международные отношения”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77–76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7)

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rf.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 23.05.22.

Подписано в свет 31.05.22.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16.3 (17.5).

Тираж 100 экз. Заказ 53-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;
– оптимальный объем 300–500 знаков;
– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: imo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Shamina I. N.** Description of the Kolomna Diocese of 1701–1702 according to the data of assault, litter and paper clips in the census books 144
- Morozova E. N., Raskin D. I. N. A.** Milyutin's "Comments" on the article "Aristocracy and the interests of the nobility" 152
- Alenicheva N. V.** The concept of "brutalization" of society and its possibilities for analyzing the Great Russian Revolution 158
- Karamysheva S. N.** In memoriam. Professor K. A. Koperzhinsky: "My father was first a teacher of ancient languages, then he became a priest" 164
- Demidova E. I., Sarantsev V. N.** The problem of the gold and foreign exchange reserves of the Soviet state in the 1920–1930s 172
- Nikonov V. V.** On the threshold of the Great Terror: Deacon of the Old Believers Ivan Afanasievich Vlasov and the case of the Moscow Neocircular Old Believers clergy of 1937 179
- Savenkov E. I.** Key aspects of military everyday life of tank soldiers during the Great Patriotic War (On the example of the 50th and 51st tank brigades) 187

World History

- Kuzmin D. I.** The polish direction of Przemysl's foreign policy in the second half of the XIII century 194
- Zhelobtsov F. F.** Parliamentary struggle in Turkey on the pages of the "Akis" weekly (50s of the 20th century) 201
- Rastvortseva A. N.** Problems of Russia and Germany cooperation in the fight against the COVID-19 pandemic 207
- Cherevichko T. V.** Tourism as an instrument of "soft power" in international politics 214

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Voevoda Alexey Panteleevich Chirikov: Pages of biography 219
- Solovyev P. K.** "The Krivolutchie schismatics use violence the most...": About the formation of the same faith in the Nikolaevsk district of the Samara province (1850–1860s) 234
- Mitrokhin V. A.** Workers' and Peasants' Inspectorate in the Saratov governorate: Social and political practice (1920s) 243
- Yudina T. V.** Formation and development of the state healthcare system in Tsaritsyn – Stalingrad province in the 1920s 250
- Danilov V. N.** Saratov village during the Great Patriotic War: The mobilization policy of the state and the practice of survival 256
- Vanin A. A.** The impact of the "Gorky" method of housing construction on large Soviet city space development in the second half of the 1950s (On the example of Saratov) 269
- Gribov R. V.** Soviet experience of increasing production efficiency in the organizations of the oil and gas complex of the Saratov region in the 1950–1980s 275

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

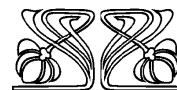
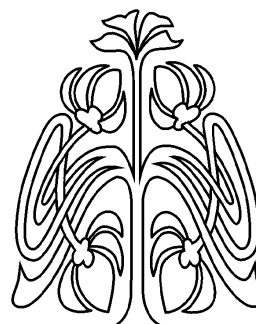
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

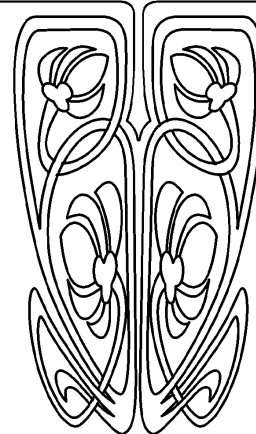
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 144–151

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 144–151

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-144-151>

Научная статья

УДК [271.2-772(470.311):930.2+322(470+571)]|1701/1702|

Описание Коломенской епархии 1701–1702 гг. по данным рукоприкладств, помет и скреп в переписных книгах

И. Н. Шамина

Институт российской истории Российской академии наук, Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Шамина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра источниковедения истории России, shaminy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6741-0974>, Author ID: 477232

Аннотация. В статье ставится задача выяснить, как проходила перепись 1701–1703 гг. в Коломенской епархии, и установить, кто принимал участие в практическом проведении переписных мероприятий, организованных Монастырским приказом в ходе начального этапа церковной реформы Петра I. Основное внимание уделено изучению рукоприкладств, помет и скреп на листах переписных книг Коломенского архиерейского дома и монастырей Коломенской епархии.

Ключевые слова: Коломенская епархия, переписные книги 1701–1703 гг., Монастырский приказ, стольники, дьяки

Для цитирования: Шамина И. Н. Описание Коломенской епархии 1701–1702 гг. по данным рукоприкладств, помет и скреп в переписных книгах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 144–151. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-144-151>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Description of the Kolomna Diocese of 1701–1702 according to the data of assault, litter and paper clips in the census books

I. N. Shamina

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow 117292, Russia

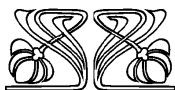
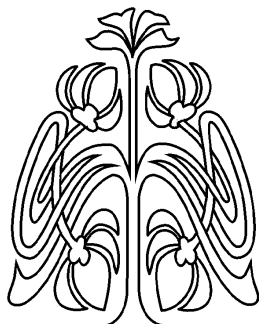
Irina N. Shamina, shaminy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6741-0974>, Author ID: 477232

Abstract. The article aims to find out how the census of 1701–1703 took place in the Kolomna diocese and to establish who took part in the practical conduct of the census events organized by the Monastery Order during the initial stage of the church reform of Peter I. The main attention is paid to the study of entries on the sheets of the census books of the Kolomna Episcopal House and monasteries of the Kolomna diocese.

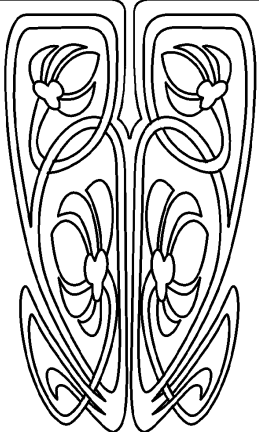
Keywords: Kolomna Diocese, census books 1701–1703, Monastyrskiy prikaz, stolniki, dyaki

For citation: Shamina I. N. Description of the Kolomna Diocese of 1701–1702 according to the data of assault, litter and paper clips in the census books. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 144–151 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-144-151>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Описание архиерейских домов, монастырей и церквей в 1701–1703 гг.¹ являлось одним из наиболее масштабных мероприятий начального этапа церковной реформы Петра I [1, с. 35]. Отправной точкой переписи послужил именной указ царя от 31 января 1701 г., которым предписывалось «Дому Святейшаго патриарха приказным и дворянам и всякаго чину домовым людям и домовым монастырям, и всем вотчинам Святейшаго патриарха и монастырей, и всех архиереев домам их и вотчинам и всего Московскаго государства всем мужским и девичьим монастырям, слугам и вотчинам их, судом и расправою и всякими сборы ведать и переписать в Монастырском приказе... А для переписки... послать из царедворцов людей добрых» [2, с. 139]. Главной задачей описания было определение размеров богатств Церкви, которые переходили в ведение воссозданного 24 января 1701 г. Монастырского приказа во главе с боярином А. И. Мусиным-Пушкиным.

Данная перепись уже неоднократно привлекала внимание исследователей. Первым о существовании переписных книг, составленных по инициативе Монастырского приказа в начале XVIII в., упомянул М. И. Горчаков. Он указал, что этот источник представляет собой «драгоценнейший материал для истории русской жизни конца XVII и начала XVIII веков во всех отношениях» [3, с. 137]. И. А. Булыгин использовал 23 сохранившиеся переписные книги с описанием четырех архиерейских домов и 149 монастырей. Он отметил, что, будучи практически единовременной, перепись охватила разные звенья церковной организации в России. По мнению исследователя, она положила начало «полной секуляризации церковных владений и имущества» [1, с. 79]. Е. Н. Швейковская, рассматривая вопрос об обеспеченности крестьянских хозяйств надельной землей в конце XVII – начале XVIII в., остановилась на характеристике переписной книги Вологодского архиерейского дома и пришла к выводу о том, что переписные книги начала XVIII в. подводят итог состоянию вотчины в конце XVII в. и служат «отправной точкой для XVIII в.» [4, с. 52].

Изучение переписных книг 1701–1703 гг. продолжилось в XXI в. Н. В. Соколова изучала описания церковно-монастырских владений начала XVIII в. в Нижегородском уезде, проанализировала организационные принципы и практику проведения переписи в этом регионе [5]. Большое внимание переписи 1701–1703 гг. уделила М. С. Черкасова. Она рассмотрела механизм проведения этого описания в Вологодском уезде, остановившись на социально-экономических вопросах, ответы на которые дает источник. Это численность населения в монастырских вотчинах, численность монастырских слуг и размер их жалованья, формы и размер налогообложения крестьян и др. [6]. Изучавший переписные книги

Вологодского архиерейского дома, Н. В. Башнин пришел к выводу, согласно которому предпринятое Монастырским приказом в 1701 г. описание «дало государству документы, на основании которых можно было составить полное представление о хозяйстве и имуществе Вологодского дома Св. Софии» [7, с. 114]. Часть материалов переписи опубликована [8; 9, с. 137–200, 248–260; 10; 11 и др.].

Однако вопрос о том, кто непосредственно принимал участие в практическом проведении переписных мероприятий 1701–1703 гг., до сих пор специально не изучался. М. С. Черкасова, разбирая описания Вологодского архиерейского дома и монастырей Вологодского уезда, заключила, что для переписи, помимо стольников из Монастырского приказа, привлекались также архиерейские слуги и выборные от крестьян. Последние предоставляли свои «скаски», по которым можно уточнить хронологию описания в епархии [12, с. 81]. Источников же, где бы сохранились сведения об участниках переписных мероприятий, на сегодняшний день не обнаружено. В настоящем исследовании предпринята попытка дать ответ на данный вопрос. Для этого использовались рукоприкладства, пометы и скрепы, оставленные на листах переписных книг Коломенского архиерейского дома и монастырей Коломенской епархии.

Описание владений Церкви в начале XVIII в. осуществляли переписчики – в большинстве своем стольники, направленные в уезды по распоряжению Монастырского приказа. М. Горчаков установил, что их насчитывалось 40 чел. [3, с. 136]. Помимо стольников, монастыри и архиерейские дома описывали дворяне и другие лица. В Монастырском приказе переписчики получали три вида документов: наказы, составленные на основании правительственных указов, «памяти по наказу» с перечислением всего, что нужно описать, и «грамоты с прочетом», подтверждающие их полномочия, в которых перечислялись обязанности местных властей по организации переписи [13].

Приехав в монастырь или архиерейский дом и получив от местных властей документы, а также все необходимое для составления описаний, переписчики приступали к работе. Им следовало описать монастырские храмы, находящиеся в них иконы и церковную утварь, ризницы, библиотеки и «казну» (монастырские документы), привести сведения о монахах и монастырских работниках и др. Полученные в ходе переписи данные они должны были внести в особые «тетрати», а последние переправить в Монастырский приказ «безо всякаго мотчания» [14, л. 1–2].

Основная масса дошедших до наших дней переписных книг 1701–1703 гг. хранится в фонде 237 (Монастырский приказ) РГАДА. В их числе и переписная книга Коломенской епархии [15].

Рукопись включает в себя описание Коломенского архиерейского дома (л. 1–229 об.), а также коломенских Спасо-Преображенского (л. 230–278), Голутвина (л. 279–368), Бобренева (л. 369–396) монастырей; каширских Саввиной (л. 420–429 об.) и Соколовой (л. 431–437) пустыней; тульских Иоанно-Предтеченского (л. 479–577) и Успенского (л. 578–607); орловских Введенского (л. 664 об. – 667) и Успенского (л. 667 об. – 682 об.), а также крапивенского Троицкого (л. 687–689) монастырей. Завершают книгу описания Брусенского монастыря Коломны (л. 693–712) и Николаевской пустыни на р. Гнилуше в Коломенском уезде (л. 713–729 об.). В книге содержатся также описания приходских церквей, расположенных в Туле, Орле и Каширском уезде.

Переписная книга Коломенской епархии имеет двойную нумерацию листов. Первая выполнена чернилами того же цвета, что и основной текст, вторая – очевидно, архивная, – карандашом. При этом первая нумерация карандашом же перечеркнута. Вероятно, проставление новой нумерации и перечеркивание старой шло параллельно. Часть листов, изначально составлявших рукопись и первоначально пронумерованных, отсутствует. Вторая – архивная – нумерация пропусков не имеет, поэтому далее за основу берется именно она.

Как следует из преамбул к переписным книгам, описанием владений Коломенской кафедры занимались два стольника. Архиерейский дом, монастыри Коломны, Тулы и их владения в Коломенском, Каширском и Тульском уездах описывал стольник Иван Васильевич Кикин (1660–1723 гг.). Известно, что в 1674/75 г. он был стольником княгини Натальи Кирилловны Нарышкиной: «Великия государыни царицы и великия княгини Натальи Кириловны стольники и в числе других написан Иван Васильев сын Кикин. Под именем его другою рукою значится: и сентября в 10-й д[ень] 184 году, по верстанью в разряде, учинен ему вклад вновь поместной пятьсот пятьдесят четьи, денег из четверти двадцать пять рублей» [16]. Род Кикиных был связан с Коломной. С XVI в. его представители являлись владельцами деревни Щурово вблизи города. В начале XVIII в. деревней владел младший брат Ивана Васильевича Александр, один из ближайших сподвижников Петра I. Позже, однако, он сблизился с царевичем Алексеем Петровичем и в 1718 г. был арестован и казнен. После казни А. В. Кикина по приказу Петра I его старшие братья Петр и Иван попали в опалу. Но Иван Васильевича не казнили, а без назначения на должность сослали в Астрахань [17, с. 250], где, по всей видимости, он и закончил свои дни.

Описания монастырей и их владений в Орле, Орловском уезде и Крапивне составил стольник Михаил Терентьевич Толубеев. Он же, судя по скрепам, описал владения Коломенского архиерейского дома в Епифанском уезде.

Переписные книги монастырей и архиерейских домов 1701–1703 гг. – это документы хозяйственного учета и отчетности монастырской и архиерейской администраций. В них содержатся сведения о храмах и других постройках, ризнице, библиотеке, о составе братии и работников, а также хозяйстве архиерейского дома и монастырей – продовольственных запасах, семенах, скоте, инвентаре и т. д. Приводятся и описания вотчин, которые составлялись для определения тягоспособности монастырских и архиерейских крестьян.

Очевидно, описание Коломенской епархии началось весной 1701 г. с архиерейского дома. Из преамбул к переписным книгам монастырей следует, что во второй половине мая – начале июня стольник Кикин перешел к описанию монастырей Коломны (см. об этом ниже). Судя по всему, в работе непосредственное участие принимала монастырская администрация, о чем красноречиво свидетельствует переписная книга тульского Иоанно-Предтеченского монастыря, составленная уже в 1702 г. Так, при подсчете денег в монастырской ризнице переписчик руководствовался сведениями, предоставленными игуменом и казначеем: «А по скаске игумена Корнилия да казначея монаха Иосифа те де денги вкладчиков крайчего Кирилы Алексеича Нарышкина сто рублей, боярыни вдовы Анны Петровны Хитрово сто же рублей. А последние семдесят восемь рублей разных вкладчиков. Игумен Корнилий руку приложил. Казначей монах Иосиф руку приложил. И те денги запечатаны и до указу великого государя отданы казначею монаху Иосифу Богданову. Казначей монах Иосиф Богданов руку приложил» [15, л. 505]. Казначей Иосиф подтвердил также информацию о торговых лавках, которыми владел монастырь: «А по сказке козначея монаха Иосифа, тое де лавкою ныне владеет и впредь владеть с 14-го октября по 6 число туленину посадскому человеку Афонасью Шурупову по закладной записи. А им де с той лавки никакова доходу не идет. И впредь до вышеписанного числа иметь ничего не мочно. Казначей монах Иосиф сказал и руку приложил» [15, л. 532].

Переписные книги монастырей, составленные стольником Кикиным, содержат весьма интересный документ – «Указ по наказу», который стольник зачитывал в архиерейском доме и в каждом описываемом им монастыре. Текст представляет собой пересказ отдельных пунктов царских указов от 31 января [2] и 11 марта 1701 г. [18] и в большей степени касается обустройства монашеского быта. В источнике тексты этих указов помещены после перечисления монахов, служащих и других насельников. В архиерейском доме свои рукоприкладства под документом, о том, что «указ слышали», оставили казначей иеромонах Сергей, приказные

Разрядного приказа иеромонахи Филарет и Никифор, «житенной службы иеромонах Павел... чашник иеромонах Софроний», а также «архиепископле дому дому дворецкой Иван Кормозов» [15, л. 90 об. – 91]. В монастырях расписывались настоятели, казначеи и другие монашествующие, а также монастырские слуги. В частности, в коломенском Голутвине монастыре «игумен Иов токовы великаго укаса слышал и руку приложил. Иеромонах Филагрий вместо казначея монаха Илариона по иво велению руку приложил. Иеромонах Иоасаф таков великаго государя указ слышал и руку приложил. Житеняя службы старец Матвей таков великаго государя указ слышал и руку приложил. Голутвина монастыря слушка Федка Суров таков великаго государя указ слышал и вместо того ж монастыря служек Костянтина Порошина, Осипа Свищева по их велению и за себя руку приложил» [15, л. 317 об.].

В небольших монастырях подписи под указом оставляли только настоятель и казначеи. Например, в коломенском Бобренево монастыре это были игумен Сильвестр и «вместо казначея монаха Ионы» иеромонах Никон [15, л. 392]. В женском Брусенском монастыре подпись поставил архимандрит коломенского Спасо-Преображенского монастыря [15, л. 710 об.]. Возможно, сама настоятельница Брусенского монастыря оказалась безграмотной. О том, что в XVI–XVIII вв. насельницы женских монастырей были в основном безграмотными, упоминает, в частности, немецкий исследователь Х. Рюсс [19, с. 250]. Следует заметить, что рукоприкладств, помет и скреп настоятельниц женских монастырей не удалось обнаружить ни в одной из изученных мною переписных книг начала XVIII в.

В вотчинах также зачитывался указ Петра I. В нем шла речь о недопустимости приема в деревни «беглых салдат и никаких служилых людей и дворцовых волостей, и помещиковых, и вотчинниковых, и ничьих беглых людей и крестьян» [15, л. 122 об.]. Этот же указ предписывал приказчикам не разорять крестьянские хозяйства, не брать взяток и пр. Его подписывали вместо старост и крестьян, как правило, приходские священники. В вотчине Коломенского архиерейского дома с. Борисово указ подписали сразу 5 священнослужителей [15, л. 109 об.]. Иногда, как, например, в архиерейском с. Бел Колодезь, подпись оставлял приказчик [15, л. 193 об.].

Рукоприкладствами священников сопровождаются записи раздела переписной книги Коломенского архиерейского дома «Коломенского уезду коломенских соборных попов», где приведены размеры их денежного и натурального дохода. Каждый священник оставлял подпись после сведений о себе. В ряде случаев эту информацию заверяли другие лица: «Священник Иоан Павлов и вместо священников Тимофея Федорова, Иоанна Леонтьева руку приложил»,

«Священник Василей вместо соборной церкви пономарей Фетки Романова с товарищи руку приложил» и др. [15, л. 222–222 об.].

В конце разделов переписных книг архиерейского дома и монастырей присутствуют также пометы: «Справил Петрушко Филипов. Справил Васко Шонуров». Об этих людях известно из содержания переписной книги Коломенского архиерейского дома. Это были подьячие архиерейского Разрядного приказа. Отец Василия Шонурова также служил подьячим при архиерее, а сам Василий занимал должность с 1691/92 г. Петр Филиппов был сыном монастырского служки из Федоровского монастыря Переславля-Залесского, но уже в 1668/69 г. пришел вместе с отцом в Коломну и «с того году был в доме в детях боярских». На должность подьячего Разрядного приказа он поступил в 1677/78 г. [15, л. 77 об. – 78]. Как видим, служащие архиерейского дома контролировали и перепись монастырей Коломенской епархии.

Участие в переписи представителей архиерейской и монастырской администрации подтверждают также скрепы, оставленные на нижних полях переписных книг. Так, на листах 1–23 переписной книги Коломенского архиерейского дома, где описана Троицкая церковь (без ризницы), оставил скрепу церковнослужитель Петр: «К сим церковным переписным книгам коломенския соборная церкви ключарь поп Петр руку приложил». Ключарь Петр Алексеев действительно указан в рукописи в числе служителей Успенской соборной церкви Коломны [15, л. 222 об.]. Листы 26–56, где описана архиерейская ризница, заверил иподдиаконом Павел Григорьев. Он числится среди служителей архиерейского дома: «Павел Григорьев, казался Коломенского уезду села Новлянского попов сын. Во архиерейском доме работает со 183-го году» [15, л. 78 об. – 79]. На листах с описанием казенной палаты, в том числе кладовой и архиерейской «казны» (л. 59–71) оставил скрепу казначей архиерейского дома иеромонах Сергей. Наконец, листы 94–99, где находится раздел «Конюшенные книги», заверил «вместо конюшого Василья Ослопова» подьячий архиерейского дома Григорий Попов. К сожалению, в переписной книге архиерейского дома подьячий с таким именем не обнаружен.

Также на нижних полях листов переписных книг монастырей Коломенской епархии имеются скрепы настоятелей монастырей и казначеев. Причем переписную книгу коломенского Голутвина монастыря вместо казначея Илариона «по ево велению» подписал иеромонах Хрисанф [15, л. 280–321]. Очевидно, казначей Голутвина монастыря был безграмотным, поскольку и «Указ по наказу з запискою» вместо него подписал другой человек (см. выше). Однако иеромонаха с именем Хрисанф среди братии Голутвина

монастыря также обнаружить не удалось. Переписную книгу Бобренева монастыря заверил только игумен Сильвестр [15, л. 370–396]. Аналогичную картину видим, например, со скрепами на переписных книгах небольших орловского Богоявленского монастыря [15, л. 667 об. – 682 об.] и Троицкого монастыря г. Крапивны [15, л. 687–689].

Скрепы на полях женских коломенского Брусенского и орловского Введенского монастырей оставили другие лица. Так, вместо настоятельницы Брусенского монастыря Агафьи листы заверил священник этого монастыря Евтихий [15, л. 694–704]. К сожалению, информации о нем в переписной книге нет. Вместо игуменнии орловского Введенского монастыря Евдокии листы заверил подьячий Афанасий Оловенников [15, л. 663 об. – 667], о котором известно, что он являлся составителем отказных книг. В архиве монастыря указана «Выпись с отказных книг отказу орловского подьячего Афонаस्या Оловенникова на монастырскую землю деревни Дубовика с урочища 203-го году февраля 5 числа за рукою воеводы Петра Чичерина и за ево, Афанасьевою, рукою» [15, л. 671].

На листах переписной книги тульского женского Успенского монастыря скрепы представителей администрации отсутствуют. Не сопровождают они и описания каширских домовых Соколовой и Саввиной пустыней. Относительно каширских пустынь можно предположить, что приписанные к Коломенскому архиерейскому дому, эти небольшие, практически безлюдные обители в дополнительном заверении не нуждались. Однако тульский Успенский монастырь к числу таковых не относился. На момент описания в монастыре проживали 40 монахинь [15, л. 594–600 об.], и он, таким образом, являлся одним из наиболее крупных монастырей Коломенской епархии. Можно предположить, что скрепы поставить просто забыли или по какой-то причине не успели.

Описанные скрепы могут уточнить и в какой-то мере дополнить содержание переписных книг. Так, например, в переписной книге тульского Иоанно-Предтеченского монастыря из скрепы становится известной мирская фамилия (прозвище) казначея Иосифа: «К сим переписным книгам города Тулы Предътечева монастыря, что на Туле, казначей монах Иосиф Богданов руку приложил» [15, л. 480–526]. Скрепа на листах переписной книги Николаевского монастыря на р. Гнилуше позволяет несколько уточнить месторасположение последнего: «К сим переписным книгам Николаевские пустыни, что на *старом городищи* на речке Гнилуши строитель иеромонах Тихон руку приложил» [15, л. 714–729]. Вероятно имеется в виду группа курганов вблизи современной деревни Патрикеево (Раменский район Московской области).

Переписные книги вотчин архиерейского дома и монастырей Коломенской епархии скреп представителей администрации не имеют. Это было характерно и для описаний других регионов [11, с. 125–131].

После завершения переписи «тетрати» с описаниями передавались в Монастырский приказ. Отметки об этом также присутствуют на листах переписных книг. Они, как правило, помещались на верхних полях листов, открывающих новый раздел описания. Так, например, на л. 101 переписной книги Коломенского архиерейского дома записано: «1702-го февраля в 2 день принять высмотря и против указу и записать в книг и выписать»; на л. 110 – «1702-го июня в 30 день поданы с отпискою, учинить по помете на той отписке». На первом листе переписной книги коломенского Бобренева монастыря значится: «1701-го июля в 23 де[нь] поданы с отпискою взять к отпуску высмотря и выписать» [15, л. 370].

В некоторых подобных записях указаны имена людей, передавших описания. В Коломенской епархии это был стряпчий архиерейского дома Иван Четвертов, который, как следует из источника, в момент переписи жил «на Москве» [15, л. 75 об.]. Он же передал и переписные книги монастырей, в частности описание вотчины Спасо-Преображенского монастыря и описание Николаевской пустыни на р. Гнилуше. Стряпчий Крутицкого архиерейского дома Родион Валков передал описание архиерейской вотчины в Елифанском уезде. В такого рода пометах фигурирует также стряпчий Голутвина монастыря Федор Иванов сын Юрьев, передавший в Монастырский приказ переписную книгу коломенских Спасо-Преображенского и Голутвина монастырей [15, л. 230]. Описания каширских Саввиной и Соколовой пустыней, судя по помете, передал в приказ подьячий Марк Мелменев [15, л. 418], описания приходских церквей в Каширском уезде – «стольника Петра Кикина человек ево Иов Акимов» [15, л. 397].

Если соотнести даты, указанные в этих записях, с датами, приведенными в преамбулах переписных книг, можно установить, сколько времени занимало составление той или иной переписной книги. Так, стольник И. В. Кикин приступил к описанию коломенских монастырей в мае 1701 г. 21 мая он приехал в Спасо-Преображенский монастырь [15, л. 231], описание Бобренева монастыря началось 28 мая [15, л. 370], Брусенского – 31 мая [15, л. 693], Голутвина – 2 июня [15, л. 280]. В Монастырский приказ, судя по указанным пометам, эти описания поступили 23 июля и 27 августа. Получается, что описание четырех монастырей Коломны стольник Кикин осуществлял одновременно и завершил его в течение двух – трех месяцев.

Дальнейшая работа над описаниями продолжалась в стенах Монастырского приказа. Из полученных с мест материалов формировались переписные книги, как правило, объединяющие описания владений одной духовной корпорации или епархии. Очевидно, на этом этапе скрепы на листах переписных книг оставляли дьяки Монастырского приказа. По словам И. А. Булыгина, штаты Монастырского приказа включали обычно двух–трех дьяков. Исследователь установил, что в 1701 г. в приказе служили дьяки Ефим Зотов, Иван Шапкин и Герасим Потапиев [1, с. 81]. В расходной книге Монастырского приказа за 1701–1702 гг. упоминаются также дьяки Иван Иванов и Гавриил Окуньков [20].

На листах переписных книг Коломенской епархии имеются скрепы троих из них: Герасима Потапиева, Ивана Иванова и Гавриила Окунькова. Так, на переписной книге Коломенского архиерейского дома скрепы последовательно оставили все три дьяка: Герасим Потапиев – на листах 1–8, 9–18, 19–27, 28–37, 38–47, 48–56 об., 57–65, 66–71, 72–80, 81–89, 90–99, 99 об. – 100, 110–114 об.; Иван Иванов – на листах 222–228, 229–229 об.; Гавриил Окуньков – на листах 101–108 и 109–109 об. Сопоставление скреп и находящихся на данных листах датированных фрагментов текста свидетельствуют о том, что дьяк Герасим Потапиев скреплял своими скрепами материалы, поступившие в Монастырский приказ весной–летом 1701 г., Иван Иванов – осенью 1701-го и с весны 1702 г. Зимой 1701/02 г. скрепы оставлял Гавриил Окуньков.

Эти наблюдения подтверждает, в частности, переписная книга вологодского Спасо-Каменного монастыря. Отдельные части этой книги поступили в Монастырский приказ осенью 1701 г. и весной 1702 г. На всех имеется скрепа дьяка Ивана Иванова [9, с. 16]. Однако при описании вотчин Вологодского архиерейского дома картина оказалась иной. Так, на составленных в 1702 г. описаниях владений архиепископа в Сосенском и Молоцком станах Московского уезда, а также приписной Антониевой пустыни в Сямской волости Вологодского уезда и ряда других вотчин скрепы оставил дьяк Герасим Потапиев [11, с. 126–127]. Это может свидетельствовать о том, что все дьяки Монастырского приказа выполняли обязанности по заверению переписных книг разных епархий одновременно или часто сменяли друг друга.

Данное наблюдение позволяет и приблизительно датировать те части переписных книг, о времени составления которых из источника неизвестно. Так, например, переписная книга Коломенского архиерейского дома не имеет начала и, соответственно, преамбулы. Очевидно, что источник составлялся в 1701 г. Это можно предположить по косвенным признакам. Так, именно 1701 г. в переписной книге архиерейского дома

назван «нынешним». Вероятно, описание началось весной 1701 г., поскольку, как уже упоминалось, в конце мая – начале июня стольник Кикин перешел к переписи имущества коломенских монастырей. Описание вотчины, расположенной в Коломенском уезде, скорее всего, происходило осенью 1701 г., в период уборки зерновых, о чем, в частности, свидетельствуют записи: «А яровой хлеб еще не прятан», «ерового хлеба овса семдесят копен... а умолот овсу еще не опятан» [15, л. 153 об. – 154, 143 об. – 144]. Скрепы дьяков Герасима Потапиева и Ивана Иванова на соответствующих листах рукописи подтверждают эту датировку.

По смене дьяческих скреп можно установить, что переписные книги вотчин монастырей Коломенской епархии также составлялись отдельно от самих монастырей, хотя из содержания источников это непонятно: описания вотчин следуют сразу за описанием монастырей. Если переписные книги монастырей Коломны составлялись в конце весны – летом 1701 г., то их вотчины, имеющие на своих листах скрепы дьяка Ивана Иванова, очевидно, описывались осенью 1701 г. вместе с владениями архиерейского дома в Коломенском уезде. Это, безусловно, было логично. Тогда же, 8 октября 1701 г., как следует из преамбулы переписной книги, составлялось описание Николаевской пустыни на р. Гнилуше в Коломенском уезде [15, л. 714].

Необходимо отметить, что скрепы дьяков есть не на всех листах рукописи. Иногда оказываются пропущены ими целые разделы описаний. Так, в частности, дьяк Герасим Потапиев заверил лишь описание с. Николаевского архиерейской вотчины, расположенного в Епифанском уезде. Описание с. Борисова в Каширском уезде заверил дьяк Гавриил Окуньков. Описания остальных архиерейских вотчин дьяческих скреп не имеют.

Обращает на себя внимание и то, что часть скреп дьяков имеют пропуски отдельных элементов. Так, на первом сохранившемся листе рукописи, где находится описание Коломенского архиерейского дома, скрепа «дь / як / Ге / ра / си / м / Па / та / пи / ев» начинается с элемента «Ге», из чего следует, что, скорее всего, в документе были утрачены первые два листа. В скрепе на листах 19–27 отсутствуют элементы «па» и «та»; на листах 57–65 – элемент «дь» и т. д. Как уже говорилось, часть первоначально нумерованных листов оказались утрачены, и пропущенные элементы дьяческих скреп, вероятнее всего, находились именно на этих листах.

Очевидно, что первоначальная (позднее зачеркнутая) сквозная нумерация листов с описаниями была сделана до того, как дьяки оставили на листах свои скрепы. Затем собранные в нужной последовательности пронумерованные листы переплетались в одну книгу. Скорее всего, данная работа проводилась в Монастырском приказе. Об этой деятельности, в частности,

неоднократно упоминается в расходной книге Монастырского приказа 1701–1702 гг.: «Переплетчиком от переплету книг прошлого 1701-го и нынешнего 1702-го году за две приходные о зборе денежной казны з земли Донского монастыря с оброчных дворовых мест по четыре алтына», «переплетчику Якову Сидорову от переплету книги и за кожу шесть алтын четыре денги» [20, л. 51 об., 56 об.]; и др.

Вероятно, при переплете книг некоторые листы, имеющие на полях лишь скрепы дячков, были изъяты. Это были чистые листы, без записей, поскольку смысловых лакун в текстах переписных книг не обнаружено. Видимо, только после этого уже готовую рукопись заверяли стольники, проводившие описание, – И. В. Кикин и М. Т. Толубеев. Их скрепы присутствуют на всех листах книги в соответствии с новой нумерацией и при этом не имеют пропусков отдельных элементов.

Таким образом, рукоприкладства, пометы и скрепы на переписных книгах Коломенской епархии 1701–1702 гг. позволяют определить круг лиц, непосредственно участвовавших в их составлении. На местах это были прежде всего представители архиерейской и монастырской администрации (настоятели, казначеи), монахи, заведовавшие различными хозяйственными службами, священники, а также приказные служащие – подьячие, стряпчие и др.

При поступлении материалов переписи в Монастырский приказ их заверяли дячки. Позднее, очевидно тогда, когда все материалы описаний с разных мест полностью собирались, из них составлялась подборка по епархиям или отдельным владельцам, и «тетрати» с описаниями получали единую нумерацию листов. После этого книги переплетались, причем листы, не имевшие записей, могли изыматься. Этим можно объяснить отсутствие части листов по первоначальной нумерации и потери некоторых элементов дяческих скреп. Самыми последними уже готовые переписные книги заверяли стольники, составившие описания.

Примечания

¹ И. А. Булыгин датировал описание 1701–1705 гг. [1, с. 35]. Эту датировку, однако, пока подтвердить не удалось: судя по сохранившимся переписным книгам, описание в основном завершилось в 1701–1703 гг.

Список литературы

1. Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М. : Наука, 1977. 328 с.
2. Об описи Патриаршего дома Патриарших приказных служителей и Дворян, домов Архиерейских, монастырей и вотчин Патриарших, Архиерейских и монастырских ; о переходе монахам и монахиням из одного монастыря в другой ; о недержании бельцов в монастырях и о

непозволении монахам писать в кельях. Именной. 1701, Января 31 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание Первое : в 45 т. СПб., 1830. Т. 4 (1700–1712). № 1834. С. 139–140.

3. Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1868. 159 с.

4. Бакланова [Швейковская] Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М. : Наука, 1976. 225 с.

5. Соколова Н. В. Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII в. : Опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвузовский тематический сборник научных трудов / под ред. В. Н. Никулина. Калининград : Российский государственный университет им. И. Канта, 2008. С. 44–60.

6. Черкасова М. С. Государственная ревизия вологодских монастырей в начале XVIII в. // Управление и экономика : опыт, теория, практика : материалы научно-практической конференции (Вологда, 10–11 апреля 2009 г.). Вологда : Северо-Западная академия государственной службы, 2009. С. 132–145.

7. Башнин Н. В. Церковная реформа Петра I : историко-ведческий аспект (по материалам Вологодского архиерейского дома Св. Софии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 113–130.

8. Шамина И. Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2 (17/18). С. 17–107.

9. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / изд. подгот. О. Н. Адаменко, Н. В. Башнин, М. С. Черкасова при участии А. П. Анишиной, Н. А. Бараевой, Е. А. Виноградовой, А. Н. Красикова, С. Н. Смольникова, И. Н. Шаминой. Вологда : Древности Севера, 2011. 495 с.

10. Шамина И. Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4 (47/48). С. 96–226.

11. Башнин Н. В. Переписные книги вотчин Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2019. 400 с.

12. Черкасова М. С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда : Вологодский государственный университет, 2021. 260 с.

13. Шамина И. Н. Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701–1703) // Российская история. 2021. № 4. С. 60–73.

14. Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260 (Коллекция столбцов). Оп. 1. Д. 12075.

15. Переписная книга Коломенской епархии // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 237 (Монастырский приказ). Оп. 1. Ч. 1. Кн. 58.

16. Валуев Д. А. Родословная роспись Кикиных. URL: <https://kikin.ru/rodoslovnaya-rospis-kikinyh.html> (дата обращения: 22.01.2022).

17. Сульдина Л. В. Из истории рода Кикиных // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 25–33.

18. О непокупке в дом Патриарший поместных и вотчинных земель, о восприещении духовным властям и монастырям меняться землями с помещиками ; об отдаче на откуп оброчных статей в вотчинах патриарших, архиерейских и монастырских ; о строении каменных зданий в монастырях ; о назначении для управления монастырских вотчин вместо посельских старцов, приказчиков ; о непозволении грекам, армянам и индейцам жить по найму

в монастырях ; о ведомстве Печатного двора в Монастырском приказе и о монастырской прислуге. Именной. 1701, Марта 11 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание Первое : в 45 т. СПб., 1830. Т. 4 (1700–1712). № 1839. С. 159–160.

19. Рюсс Х. О женских монастырях России раннего Нового времени... [рец.] // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 248–251.

20. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 28.

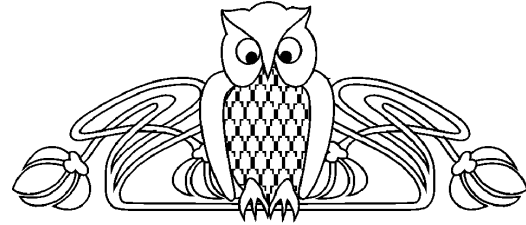
Поступила в редакцию 23.01.2022; одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 23.01.2022; approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 152–157
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 152–157
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-152-157>

Научная статья
УДК [94+070.13+323.311](470+571)|18|+929[Милютин+Безобразов+Александр II]

«Замечание на статью “Аристократия и интересы дворянства”» Н. А. Милютина

Е. Н. Морозова¹✉, Д. И. Раскин²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4420-8156>, Author ID: 723910

Раскин Давид Иосифович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России, d.raskin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7421-7809>, Author ID: 74394

Аннотация. Публикуемые «Замечания» Н. А. Милютина на статью В. П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства. Мысли и замечания по поводу крестьянского вопроса» раскрывают малоизвестный эпизод правительственной политики в области печати в период разработки крестьянской реформы и реформы местного самоуправления. Рассмотрение статьи В. П. Безобразова на специальном заседании Совета министров и последовавшие за этим цензурные репрессии демонстрируют как противоречивость отношения верховной власти к периодической печати, так и личные позиции Александра II и Н. А. Милютина в отношении политических амбиций дворянства в ходе обсуждения проектов реформ.

Ключевые слова: Н. А. Милютин, В. П. Безобразов, Александр II, цензура, дворянство, крестьянская реформа, реформа местного самоуправления, Совет министров

Для цитирования: Морозова Е. Н., Раскин Д. И. «Замечание на статью “Аристократия и интересы дворянства”» Н. А. Милютина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 152–157. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-152-157>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

N. A. Milyutin's "Comments" on the article "Aristocracy and the interests of the nobility"

E. N. Morozova¹✉, D. I. Raskin²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²St. Petersburg State University, 5 Mendeleevskaja line, St. Petersburg 199034, Russia

Elena N. Morozova, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4420-8156>, Author ID: 723910

David I. Raskin, d.raskin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7421-7809>, Author ID: 74394

Abstract. N. A. Milyutin's "Comments" on the article "Aristocracy and the interests of the nobility. Thoughts and remarks on the peasant issue" by V. P. Bezobrazov reveal an under-reported episode of government policy in the field of the press during the development of peasant and local self-government reforms. Consideration of V. P. Bezobrazov's article in a special meeting of the Council of Ministers and the subsequent censorship repressions demonstrate both the inconsistency of the attitude of the supreme power to the periodical press and the personal positions of Alexander II and N. A. Milyutin regarding the political ambitions of the nobility during the discussion of draft reforms.

Keywords: N. A. Milyutin, V. P. Bezobrazov, Alexander II, censorship, nobility, peasant reform, reform of local self-government, Council of Ministers

For citation: Morozova E. N., Raskin D. I. N. A. Milyutin's "Comments" on the article "Aristocracy and the interests of the nobility". *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 152–157 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-152-157>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Среди бумаг Н. А. Милютинина сохранились черновые заметки («Замечание») по поводу статьи В. П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства. Мысли и замечания по поводу крестьянского вопроса», опубликованной в журнале «Русский вестник» (1859 г., № 1, 11, 17, 24).

Эти заметки не только отражают позицию Н. А. Милютинина в отношении претензий дворянства на особую роль в местном управлении (самоуправлении), но и раскрывают некоторые подробности истории кратковременного «романа» верховной власти с печатью.

Исследователи неоднократно отмечали, что первоначальный период подготовки Великих реформ 1860-х гг. ознаменовался стремлением правительства привлечь на свою сторону общественное мнение путем некоторого ослабления цензурного гнета [1, с. 65–74]. В частности, была предпринята попытка создания специального органа для руководства сферой печати, не приведшая, впрочем, к каким-либо результатам [2, с. 25].

Очевидно, результатом проявления высочайшего внимания к литературе стало представление императору (с января 1859 г.) ежемесячных обозрений публикаций в главных российских журналах. Составление таких обозрений было возложено на чиновника особых поручений при Главном управлении цензуры, а в ноябре того же года появилось распоряжение о доведении до императора сведений обо всех статьях, в которых проявляется «склонность к нововведениям» [3, с. 25–28].

Такие обозрения действительно стали представляться императору Александру II. Подписывал их Н. А. Муханов. В них получила отражение и статья В. П. Безобразова, причем 15-е по счету обозрение содержало характеристику ее последней части [4, л. 23–27 об., 114–118, 137–140]. В этом обозрении достаточно объективно изложены основные положения публикации Безобразова, причем никаких указаний на неблагонамеренность ее содержания не имелось. Казалось бы, ничто не предвещало грозу, разразившуюся в декабре 1859 г.

15 декабря последовала телеграмма Московского цензурного комитета министру народного просвещения (очевидно, в ответ на запрос последнего) о том, что цензор Д. А. Наумов одобрил «заключительную статью» Безобразова без рассмотрения в комитете [5, л. 11]. В тот же день цензор представил в комитет объяснение, в котором указывалось, что в статье изложены общие мысли о самоуправлении, о качествах и достоинствах государственного человека и т. д., и В. П. Безобразов лишь заканчивает свой труд «изображением некоторых отрывочных мыслей об обязанностях, лежащих на русском дворянстве». Вместе с тем вся первая половина статьи была посвящена теоретическим вопросам самоуправления. Подобного рода

«общие серьезные рассуждения по части законодательства» теоретического и исторического характера «не только никогда не запрещались, но одобрялись». Д. А. Наумов ссылаясь на Устав о цензуре [6, с. 5–5, 10, 18] и на то, что мысли Безобразова о дворянстве «если не ошибаюсь, не противоречат высочайшей воле», выраженной в рескрипте по крестьянскому вопросу и обнаруженных речах императора к дворянству разных губерний. Основная мысль Безобразова, согласно которой «дворянское сословие по своему положению и значению обязано всеми средствами содействовать правительству в деле управления», по мнению цензора, не противоречила ни общим законам, ни цензурным правилам [5, л. 3–4 об.].

В сущности цензор Д. А. Наумов был совершенно прав, как и автор ежемесячного обозрения, также не усмотревший в статье Безобразова ничего опасного. Статья действительно носила и вполне теоретический, и вполне умеренный характер. Тем не менее она вызвала личное недовольство Александра II, так как император увидел в ней проявление требований дворянской оппозиции, уже давно внушавшей ему беспокойство.

17 декабря (в час пополудни) [7, л. 5 об.] состоялось заседание Совета министров, созванное по личному повелению Александра II, одно из немногих, посвященных только одному вопросу. Во всеподданнейшем докладе А. П. Суковкина утверждалось, что «хотя от министров не поступало бумаг к докладу в Совет министров, но вследствие Вашего императорского величества повеления обсудить в совете статью В. П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства» он испрашивает разрешения назначить заседание 17 декабря» [8, л. 125].

Результатом этого заседания стал циркуляр министра народного просвещения по цензурному ведомству от 23 декабря 1859 г. В нем в жесткой форме критиковалась статья В. П. Безобразова и другие статьи, подобные ей: «Некоторые из помещенных в последнее время в периодических изданиях статей обратили на себя внимание государя императора как не соответствующие общим правилам Цензурного устава и не сообразные с духом наших государственных учреждений. Сверх того являлись статьи с подложными подписями официальных лиц». Среди первых императору «благоугодно было в особенности указать» на статью В. П. Безобразова, а ко вторым он отнес опубликованное в «Московских ведомостях» (№ 274) подложное письмо орловского губернатора Сафоновича и напечатанный в «Русской газете» (№ 6) «Отзыв к дворянам Елецкого уезда» предводителя дворянства Стаховича (к тому времени уже давно умершего). Но, судя по всему, главное возмущение Александра II вызвала именно статья

В. П. Безобразова. Последовало высочайшее повеление, объявленное циркуляром от 23 декабря: «1) Статей, касающихся прав дворянства на совещания по общественным и государственным делам, впредь не допускать к печати в повременных изданиях. 2) Статьи, поступающие в редакции периодических изданий за подписью правительственных лиц, печатать не иначе, как по тщательному удостоверению в действительной присылке оных от сих лиц. 3) Подтвердить цензорам, все вообще статьи, представляющие какое-либо сомнение или по направлению, или по содержанию сочинения, отнюдь не разрешать к печати собственно властью, а непременно вносить на рассмотрение комитета» [9, с. 449–450]. Этим же высочайшим повелением получил отставку цензор Д. А. Наумов [5, л. 7].

Так Александр II выразил свое накопившееся раздражение по поводу «дерзостей» печати. Статья Безобразова послужила только предлогом для перехода от попыток использовать печать для подготовки общественного мнения к готовящимся реформам к политике цензурных репрессий и ограничений с целью устранить помехи для правительства на пути проведения преобразований сверху. Дальнейшие цензурные реформы, включавшие и значительное смягчение цензурного режима, были обусловлены логикой реформ 1860-х гг., но кратковременный «роман» власти с печатью остался далеко позади.

Хотя деятельность Совета министров носила негласный характер [10, с. 81], слухи о заседании Совета министров (как бывало и ранее) [3, с. 136] просочились далеко за стены Зимнего дворца. 1 февраля 1860 г. на страницах «Колокола» появилась заметка, авторство которой небезосновательно приписывается А. И. Герцену. «Правда ли, что статья В. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства», помещенная в «Русском вестнике», была разбираема в Комитете министров под предводительством государя? Правда ли, что за немедленное прекращение журнала был... отгадайте... раз, два... десять... Николай Милютин? А против такой николаевской меры – Горчаков? Правда ли, что В. Безобразову (как некогда Чаадаеву) запретили писать, – отчего не запретили ему думать, быть умным человеком и пр.?» [11, с. 233–234, 536].

Неудивительно, что А. И. Герцен указывал в этой заметке на Комитет министров. Деятельность Совета министров, заседания которого всегда проходили под председательством императора, носила, как говорилось выше, негласный характер. Репрессий ни в отношении «Русского вестника», ни в отношении В. П. Безобразова не было, пострадал лишь цензор и – в силу новых цензурных ограничений – вся русская периодическая печать. В заседании Совета министров 17 декабря Н. А. Милютин не принимал, да и не мог принимать участия. В состав Совета министров входили министры и главноуправляющие,

а также особо назначенные лица, но Милютин в их число не входил. Товарищи министров в случае отсутствия министра могли замещать его (в отличие от Комитета министров) лишь по особому приглашению [12, л. 9]. Н. А. Милютин (очевидно, в силу своего временного положения) замещал С. С. Ланского на заседаниях Комитета министров крайне редко, например, в декабре 1859 г. – ни разу [10, с. 80]. Можно предположить, что Герцен пользовался не очень точными слухами, о чем свидетельствует и заключительная фраза его заметки.

Отрицательное отношение Н. А. Милютина к главным мыслям заключительной части статьи В. П. Безобразова (с которым Н. А. Милютин был знаком лично) [13, с. 160] совпало с позицией Александра II.

В статье В. П. Безобразова содержались многие положения, звучавшие в то время как в нелегальной, так и в легальной печати. Автор под влиянием популярных тогда в дворянских кругах идей А. де Токвиля осуждал централизацию и бюрократизацию во Франции и видел именно в Англии образец правового государства, основанного на всеобщности законов, с широким развитием самоуправления. В. П. Безобразов, будучи сторонником государственной теории самоуправления, считал, что «естественная аристократия» может «оказать великие услуги государству и обществу своим участием в государственном управлении. На группу этих людей и должно опираться самоуправление», которое вознаградит их «за утрату гражданских привилегий» [14, с. 49–51].

Эта статья появилась в разгар противостояния власти и дворянства в лице губернских дворянских комитетов. Аристократическая фронда выступала с требованиями «олигархической конституции». Такие требования представлялись в данный момент наиболее опасными и Александру II, и Н. А. Милютину, боровшемуся с любыми поползновениями дворянства в своих проектах затрагивать проблемы государственного устройства России. В частности, во «Всеподданнейшей секретной записке», подписанной С. С. Ланским (автором которой принято считать Н. А. Милютина), указывается, что дворянские комитеты стремятся изменить принятые правительством начала, создать «единомысленные» «разноцветные партии», губительные «как для правительства, так и для народа». Правительству же полезно иметь «отзывы не о коренных началах, которые признаны неизменными, не о развитии их, которое принадлежит самому правительству, а единственно только о применении проектированных общих начал к особенным условиям каждой местности. Посему не должно развиваться мечтаниям: будто бы избранные комитетами члены призываются для разрешения каких-либо законодательных вопросов или изменений в государственном устройстве». Александр II был

абсолютно согласен с такой постановкой вопроса и собственноручно начертил: «Нахожу этот взгляд правильным и согласным с моими собственными убеждениями» [1, с. 90–94].

Совершенно неприемлемыми и для Н. А. Милютина, и для императора были и идеи дворянского конституционализма. В записке, по всей видимости, принадлежавшей перу Н. А. Милютина, можно найти текстуальные совпадения с «Замечаниями...». В ней говорится, что все нападки дворянства являются следствием «совершенного незнания отечественного быта и крайней незрелости в мыслях», и «при таком низком уровне нашего общества не приходится мечтать о сословном управлении и новой конституции... Дворянство как сословие ничем не доказало своих административных знаний и способностей... Бог знает, что случится, если увидят себя крестьяне под властью дворянского сословного самоуправления» [15, л. 9].

«Замечания» Н. А. Милютина на статью В. П. Безобразова представляют собой черновую записку, написанную явно второпях и в нервном возбуждении с большим количеством исправлений, так что перо рвало бумагу, а многие зачеркнутые слова и фразы трудно читаемы (Н. А. Милютин, по характеристике его друзей, был вообще человеком «нервического склада») [1, с. 92].

Текст «Замечаний» написан на 4-х листах писчей бумаги с оборотами. На первой странице слева – зачеркнутая карандашом надпись: «Замечание на статью: «Аристократия и интересы дворянства» (название статьи В. П. Безобразова дано в сокращении). Документ заканчивается датой: «Декабрь 1859».

Каждый лист поделен на две равные части: справа идет основной текст, слева – поля со вставками. Это был распространенный в России в XIX в. (восходящий еще к Сперанскому) канцелярский прием, применявшийся при подготовке различных проектов, записок, докладов и т. п.

«Замечания» Милютина датированы декабрем 1859 г. Судя по тому, что история с увольнением цензора Д. А. Наумова началась еще до заседания Совета министров, созванного 17 декабря по инициативе Александра II, результат этого заседания был предreshен. Недовольство императора статьей В. П. Безобразова возникло вопреки положительной оценке Главного управления цензуры (обозрение подписал входивший в узкий круг приближенных императора Н. А. Муханов). Но такова была личная позиция Александра II.

Поскольку С. С. Ланской был вызван на заседание Совета министров, специально посвященное обсуждению статьи В. П. Безобразова, есть все основания полагать, что свои «Замечания» Н. А. Милютин писал по просьбе (поручению) министра.

Поставленный в необходимость срочно (видимо, накануне заседания, т. е. 16 декабря) дать характеристику статье Безобразова, Милютин, с одной стороны, не мог скрыть своего отрицательного отношения к идеям, высказанным в этой статье (тем более, что такое же отношение Александра II уже проявилось), с другой стороны, роль вдохновителя цензурных репрессий ему явно претило. Отсюда и «нервический» характер рукописи, и направленность его редакторской работы над «Замечаниями». Вставки на полях заметно смягчают первоначальный текст. Например, при редактировании Милютин подчеркивает, что нет оснований обвинять автора во вредных намерениях, вместо указания на необходимость «положить предел» дворянским «преступным притязаниям», он в окончательном варианте предлагает лишь «зорко следить, чтобы они не находили себе пищи даже в общих и отвлеченных рассуждениях по вопросам государственного права».

В результате заседания Совета министров восторжествовала (возможно, под влиянием позиции Милютина, озвученной Ланским) в основном именно эта, сравнительно умеренная позиция. В. П. Безобразов и «Русский вестник» никаким репрессиям не подверглись, но появился цензурный циркуляр с запрещением впредь статей «касающихся прав дворянства на совещания по общественным и государственным делам». А расплатиться за все пришлось ни в чем не повинному цензору.

Замечание на статью «Аристократия и интересы дворянства»

Статьи об аристократии, помещенные в четырех книжках Русского Вестника, представляют большей частью выписки из сочинений некоторых немецких ученых (Дункера¹, Рилия², Гнейста³ и других), которые в противоположность французским ультрадемократическим идеям доказывают необходимость высших классов в правильно развитых гражданских обществах, что⁴ подтверждают⁵ как общими философскими рассуждениями⁶, так и историческими⁷ данными. Эта часть рассматриваемых статей⁸, в части теоретической или отвлеченной, не выходит⁹ из¹⁰ предметов, подлежащей ученой¹¹ разработке¹² и по направлению своему¹³, вообще весьма примирительному, может быть признана совершенно¹⁴ благонамеренною. Затем лишь местами¹⁵ особенно в последней статье заключены¹⁶ намеки на Россию, а в конце прямо сделаны выводы, относящиеся до нашего дворянства.

При всей неясности изложения, явном смешении понятий и совершенной непрактичности рассуждений¹⁷ нельзя не заметить стремления, чтобы дворянству (или правильнее¹⁸, землевладельцам) предоставлено было самоуправление

участие в¹⁹ общественных делах или так называемое самоуправление²⁰, хотя под этим именем²¹ говорится²² большей частью себе (которое, в известной степени, допускается и нашими²³ законами), но²⁴ местами то же²⁵ слово принимается как будто²⁶ в смысле управления общего или государственного, что²⁷ было бы²⁸ очевидно противно основаниям нашего законодательства²⁹.

Последнее, впрочем, нигде прямо не выражено, и по внимательному прочтении статьи, я далеко не убежден, чтобы такова была действительно³⁰ цель³¹ ее. По крайней мере нет³² достаточной причины положительно обвинять автора³³ в таковом³⁴ намерении, (т. е. нет того, что называется *corpus delicti*)³⁵.

Не могу однако же скрыть, что подобные толкования, возбуждаемые³⁶ даже неумышленно, при настоящем положении дел весьма вредны, если не по своим практическим³⁷ последствиям, то по нравственному³⁸ влиянию на известную³⁹ среду общества.

Некоторые из противников крестьянского дела даже позволяли себе указывать на необходимость предоставления политических прав дворянству взамен⁴⁰ упраздняемого крепостного права. Побуждения тут ясны с одной стороны – желание⁴¹ выставить пугало в глазах правительства и тем запутать вопрос; с другой – волновать умы дворянства, которые, при настоящих ожиданиях находятся⁴² конечно⁴³ не⁴⁴ в нормальном положении.

Подобные притязания, лишённые вечной прочной основы на русской почве, противные всем народным⁴⁵ верованиям и убеждениям, наконец, несогласные, – как я⁴⁶ полагаю⁴⁷, – с общим⁴⁸ духом и понятиями самого дворянства, – и⁴⁹ могут⁵⁰ волновать лишь людей крайне близоруких или ослепленных страстями. Тем не менее⁵¹ такие притязания⁵², очевидно, терпимы быть не могут, и потому необходимо зорко следить, чтобы они не находили себе пищи даже в общих и отвлеченных рассуждениях по вопросам государственного права.

Декабрь 1859.

РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–2 об.

Примечания и комментарии

- ¹ Имеется в виду Максимилиан Дункер (1811–1886), немецкий историк, политический деятель, публицист, представитель немецкой «исторической школы», противник демократии, монархист.
- ² Имеется в виду Вильгельм Генрих Риль (1823–1897), немецкий публицист и историк консервативного направления, автор книги «Гражданское общество» («Die bürgerliche Gesellschaft») (1851).
- ³ Имеется в виду Рудольф Генрих Гнейст (1816–1895), немецкий юрист, публицист, политический деятель национал-либерального направления, автор книги «Дворянство и рыцарство в Англии» («Adel und Ritterschaft

in England») (1853), видный представитель так называемой государственной теории самоуправления (в России ее придерживались В. П. Безобразов, А. Д. Градовский, Н. М. Коркунов), рассматривавший местное самоуправление как часть государственного управления.

- ⁴ «Что» вставлено поверх текста.
- ⁵ Зачеркнуто: «это».
- ⁶ «Рассуждениями» вставлено поверх текста.
- ⁷ Зачеркнуто: «исследованиями».
- ⁸ Зачеркнуто: «заключает».
- ⁹ Зачеркнуто: «, как встарь»,».
- ¹⁰ Зачеркнуто: «предметов».
- ¹¹ Зачеркнуто: «poleмики, но по направлению».
- ¹² Зачеркнуто: «и вообще избежала некоторых из выраженных идей, в духе».
- ¹³ Зачеркнуто: «ее общее направление».
- ¹⁴ Зачеркнуто: «весьма».
- ¹⁵ Часть текста с «и по направлению своему» до «Затем, лишь местами» вставлена на полях.
- ¹⁶ Зачеркнуто: «очевидные».
- ¹⁷ Зачеркнуто: «этого рода».
- ¹⁸ Зачеркнуто «лучше».
- ¹⁹ Зачеркнуто: «делах государственных».
- ²⁰ Подчеркнуто в документе; «или так называемое самоуправление» вставлено на полях.
- ²¹ Зачеркнуто: «самоуправление».
- ²² Зачеркнуто: «местами».
- ²³ Зачеркнуто: «прежними».
- ²⁴ Зачеркнуто: «в других местах».
- ²⁵ Зачеркнуто: «слово».
- ²⁶ «как будто» вставлено карандашом поверх текста.
- ²⁷ Зачеркнуто: «уже прямо».
- ²⁸ «было бы» вставлено сверху карандашом.
- ²⁹ Зачеркнуто: «Впрочем, это последнее более выражено лишь в направлении, чем в выражениях и ясно можно заметить лишь из общего направления статьи, частные же выводы, прямо примененные к России, не заключают в себе таких преступных указаний».
- ³⁰ Зачеркнуто: «мысль».
- ³¹ Зачеркнуто: «статьи».
- ³² Зачеркнуто: «нет ничего, что позволяло»
- ³³ «автора» вставлено сверху карандашом.
- ³⁴ Зачеркнуто: «подобном, действительно [?] преступном».
- ³⁵ Состав преступления (лат.) Абзац вставлен на полях.
- ³⁶ Зачеркнуто: «и не косвенные намеки подобного рода».
- ³⁷ Подчеркнуто в документе.
- ³⁸ Подчеркнуто в документе.
- ³⁹ Зачеркнуто: «часть».
- ⁴⁰ Зачеркнуто: «утрачиваемого».
- ⁴¹ Зачеркнуто: «желание запутать вопрос».
- ⁴² Зачеркнуто: «не должны быть».
- ⁴³ Зачеркнуто: «совершенно»
- ⁴⁴ «Не» вписано карандашом.
- ⁴⁵ Зачеркнуто: «инстинктам»
- ⁴⁶ Зачеркнуто: «убежден».
- ⁴⁷ «полагаю» вставлено карандашом.

⁴⁸ «общим» вставлено карандашом.

⁴⁹ Зачеркнуто: «не».

⁵⁰ Зачеркнуто: «могут быть доступны лишь люд[ям]

⁵¹ Зачеркнуто: «но».

⁵² Зачеркнуто: «необходимо, по мнению моему, срочно следует прекратить (зачеркнуто и сверху вписано: положить предел) всякому проявлению подобных преступных притязаний, в какой бы форме они не проявлялись».

Список литературы

1. Морозова Е. Н. Н. А. Милютин : замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного самоуправления). Саратов : Издательство Саратовского университета, 2019. 208 с.
2. Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации 1860-х – начала 1860-х гг. М. : Книга, 1974. 208 с.
3. Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. 207 с.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 772 (Главное управление цензуры). Оп. 1. Д. 4427.
5. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 5070.
6. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого изданный. Изд. 1857 г. Т. 14 : Свод уставов о цензуре. СПб. : Тип. Второго отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. 909 с.
7. РГИА. Ф. 1275 (Совет министров). Оп. 1. Д. 109.
8. РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 4.
9. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год : напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. СПб. : Типография Морского министерства, 1862. 407 с.
10. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 : в 4 т. Т. 1 : Высшие государственные учреждения / отв. ред. Н. П. Ерошкин ; отв. сост. Д. И. Раскин. СПб. : Наука, 1998. 302 с.
11. Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 14. М. : Издательство АН СССР, 1958. 709 с.
12. РГИА. Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 1. Д. 2705.
13. Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов / вступ. ст. С. В. Бахрушина. М. : Издательство Сабашникова, 1929. 293 с.
14. Безобразов В. П. «Аристократия и интересы дворянства. Мысли и замечания по поводу крестьянского вопроса». Статья 3-я // Русский вестник. 1859. Т. 23, сент. Кн. 1. С. 49–51.
15. РГИА. Ф. 869 (Милютины). Оп. 1. Д. 1151.

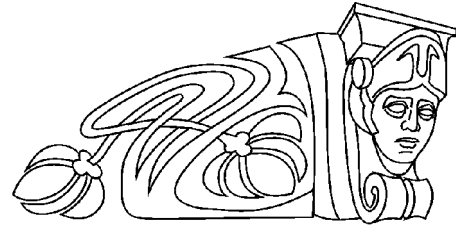
Поступила в редакцию 24.10.2021; одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 24.10.2021; approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 158–163
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 158–163
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-158-163>

Научная статья
УДК [355.48:316.42](100)|1914/1918|:930(4–15):323.272(470+571)|1917|

Концепция «брутализации» общества и ее возможности для анализа Великой российской революции

Н. В. Аленичева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Аленичева Наталья Владимировна, аспирант кафедры истории России и археологии, aleni4ewa.nat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-2667>, Author ID: 895818

Аннотация. В статье анализируется зарубежная историография по проблеме «брутализации» общества после Первой мировой войны. В частности, рассматриваются работы историков университетов Западной Европы, которые не имеют изданий на русском языке. Предпринимается попытка соотнести выводы зарубежных исследователей о влиянии Первой мировой войны на «огрубение» европейского общества с событиями, происходившими в России после 1917 г.

Ключевые слова: историография, военизированное насилие, брутализация, российская революция, вооруженные формирования, гражданская война

Для цитирования: Аленичева Н. В. Концепция «брутализации» общества и ее возможности для анализа Великой российской революции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 158–163. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-158-163>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of “brutalization” of society and its possibilities for analyzing the Great Russian Revolution

N. V. Alenicheva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia V. Alenicheva, aleni4ewa.nat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-2667>, Author ID: 895818

Abstract. The article analyzes foreign historiography on the problem of “brutalization” of society after the First World War. In particular, the works of historians of Western European universities, which do not have publications in Russian, are considered. The author attempts to correlate the conclusions of foreign researchers about the impact of the First World War on the “coarsening” of European society with the events that took place in Russia after 1917.

Keywords: historiography, paramilitary violence, brutalization, Russian revolution, armed groups, civil war

For citation: Alenicheva N. V. The concept of “brutalization” of society and its possibilities for analyzing the Great Russian Revolution. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 158–163 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-158-163>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первая мировая война занимает более важное место в исторической памяти народов центральной Европы, нежели в российском обществе. Европейские историки на протяжении XX в. часто обращались в своих работах именно к проблемам «La Grande Guerre» и ее последствиям в условиях революционных событий в Европе в 1920–1930-е гг.

В российской историографии существует термин «военизированное насилие», применяе-

мый для оценки деятельности различных военизированных формирований, в том числе в 1917–1920 гг. Этот термин впервые появился в зарубежной историографии в 1930-е гг. и использовался для характеристики вооруженных политических формирований, созданных и функционирующих по военному принципу в фашистских государствах. Позже его стали применять и для обозначения формирований, принимающих уча-

стие в антиколониальных и постколониальных конфликтах.

Современные зарубежные исследователи рассматривают проблему «военизированного насилия» в рамках концепции «брутализации» общества после Первой мировой войны. Почти утвердившимся в трудах различных авторов считается вывод о том, что Первая мировая война вскрыла человеческую жестокость, которая в обычных условиях не имела бы таких масштабов. Во время войны стирались привычные нормы и модели поведения, что повлияло на активизацию насилия различных форм уже в послевоенное время. Такие процессы нашли отражение в термине о «брутализации» общества.

Широкое освещение через призму концепции «брутализации» получила история Веймарской республики. К числу первых работ, в которых рассматривался тезис о «брутализации» европейского общества после Первой мировой войны, относится книга историка французского происхождения Георга Моссе «Fallen soldiers» 1990 г. [1], который фактически дал импульс для других исследователей к рассмотрению культурной истории Первой мировой войны.

Моссе как раз таки обосновывал существование прямой причинно-следственной связи между опытом солдат, полученным на фронте и опытом насилия, применяемым в период прихода к власти национал-социалистов в Германии, а также деятельностью фрайкоров. Военный опыт, по утверждению Моссе, привел к умалению моральных ценностей и банализации убийства. Кроме того, Г. Моссе одним из первых задумался о судьбе военизированных формирований, возникших после Первой мировой войны.

Как и Г. Моссе, Э. Пикар видел проявление неограниченного насилия, возникшего после Первой мировой войны, в гражданских войнах и геноциде в некоторых странах [2, р. 4].

Антуан Про в статье «Границы жестокости: убийство на Западном фронте в 14–18 гг. XX в.» также находит взаимосвязь между прошедшей войной и разрушенными ограничениями, когда «убийство становится не только законно, но и ценится как таковое» [3, р. 6]. А. Про отнюдь не отрицает, что такие убийства могли сопровождаться чувством вины и даже приводит данные эмпирических социологических исследований, свидетельствующих о том, что большая часть солдат на фронте стреляли и целились не по конкретным солдатам противника и при этом не желали крови и убийства, а вели огонь по вражеским позициям в общем, для собственной защиты: «Не более 15% солдат действительно вели огонь по позициям или живой силе противника, в то время, как по крайней мере 80% имели такую возможность» [3, р. 8].

Продолжая рассуждать о возможных настроениях и чувствах солдат на фронте, А. Про, вновь

опираясь на результаты социологических исследований, включает в число ветеранов как настоящих убийц, получавших удовольствие от факта убийства, так и случайных убийц, солдат, которые не убивали даже когда представлялась возможность» [3, р. 9].

Обращаясь к послевоенным военизированным формированиям, исследователи отмечают похожий состав групп, применяющих насилие. Лектор Дублинского Тринити-колледжа, специалист по истории войны за независимость Ирландии 1919–1921 гг., Энн Долан, рассматривая состав ирландских фрайкоров, отмечает существование в них экстремистов, безразличных к своему делу и служащих исключительно ради жалования [4, с. 331]. Таким образом, модели поведения и настроения отдельных членов различных военизированных формирований, образованных в межвоенное время, были достаточно пестрыми.

Если исходить из основных тезисов концепции «брутализации», то можно утверждать, что Гражданская война в России также стала одним из проявлений неограниченного насилия в послевоенный период. Военизированными вооруженными формированиями, возникшими после Первой мировой войны, стали в том числе отряды Красной и Белой гвардий. Красная гвардия, сформированная из рабочих, крестьян, солдат и матросов, имела схожую организацию с боевыми дружинами 1905 г. Ее комплектация происходила из числа добровольцев разного возраста, но преимущественно молодых, многие из которых имели опыт военных действий.

В целом тезис о «брутализации» европейского послевоенного общества вызывает многочисленные дискуссии, связанные с различными его аспектами, в частности, своего рода «выборочной брутализацией». Г. Моссе и поддержавший основные положения его теории А. Про подчеркивали, что из ряда «брутализированных» послевоенных европейских обществ исключаются некоторые страны, в том числе Франция и Великобритания. Более того, ветераны этих двух стран в свое время утвердились именно на пацифистских позициях. Этот и некоторые другие факты сформировали среди оппонентов Моссе и Про точку зрения, не рассматривающую военный опыт фронтовиков как основополагающую причину военизации и огрубения, т. е. повышения степени насилия, применяемого в послевоенных обществах. Так, Бенъямин Циманн [5] и Ричард Бессел [6] отмечали, что военный опыт не следует рассматривать как единое целое ввиду сословных и классовых различий в восприятии войны, т. е. разной реакции на военный опыт. По их мнению, демобилизация солдат была встречена населением положительно, следовательно, вчерашние солдаты отказывались от прошлого опыта. Авторы объяснили выводы Моссе как следствие незначительной выборки

источников. Выступая против некоторых тезисов «брутализации», Циман и Бессел приводят данные состава фрайкоров и НСДАП, отмечая, что первые состояли не только из ветеранов, но и молодых людей, не имевших военного опыта, а НСДАП во главе с прошедшим войну Гитлером включал в себя 22–24-летних, т. е. тех, кто пережил войну еще в детском возрасте.

Однако для Моссе брутализация – это комплексный процесс, и огрубение общества не представляется его самым важным аспектом. Он отмечает роль в «брутализации» процесса мифологизации войны и тиражирование военного опыта среди населения стран, потерпевших поражение в Первой мировой войне. На фоне поражения в войне и дискуссиях о ее причинах в этих странах не удалось создать культ памяти. Так, в Германии в отличие от Франции и Великобритании не было ни одного памятного места или памятного дня, посвященного Первой мировой войне. Такой вывод можно переложить и на понимание Первой мировой войны в советском государстве.

Гражданская война, сопровождавшая ее интервенция и приход к власти Советов, исключили траур и создание мемориалов в память об «империалистической» буржуазной войне. Конечно, в СССР 1920-х гг. память о Первой мировой войне существовала и выражалась в других коммеморативных формах, например в юбилейных кампаниях, проводимых в рамках агитационно-пропагандистской работы, в том числе посредством Коммунистического интернационала. Такие мероприятия были призваны решать задачи текущей обстановки, формируя образ Первой мировой войны как захватнической и империалистической. Однако посредством юбилейных кампаний предполагалось распространять коммунистические идеи в западных странах, привлекать на свою сторону новые силы. 1 августа воспринимался не как день памяти жертв войны, а носил «характер боевого смотра революционных пролетарских сил» [7, с. 909].

В 1930-е гг. в немногочисленных работах историков, посвященных Первой мировой войне, внимание смещается на «виновников» развязывания войны. Роль царской России уходит на второй план, а в авангарде главных подстрекателей этой войны становится сначала Великобритания, а после прихода к власти НСДАП – Германия. «Краткий курс...» изменил образ мировой войны, ориентируясь на текущую обстановку. Память о войне как трагедии и подвиге народа практически перестала существовать.

Возвращаясь к тезису о «выборочной брутализации», обратимся к Дирку Шуману [8]. Исследователь нашел причину более активного применения опыта насилия в странах, потерпевших поражение после Первой мировой войны, в том, что внутренне более стабильные Франция и Великобритания применили свой потенциал

насилия в колониях, в то время как Германия после 1918 г. такую возможность утратила. Однако эмпирические данные, подтверждающие эту гипотезу, еще не приводились, поэтому сложно ответить на вопрос: стал ли уровень насилия в колониях этих стран выше, чем до начала конфликта?

Еще одной составляющей рассматриваемой концепции является понимание «культуры войны». Э. Пикар употребляет термин «культура войны» как многомерное, исторически динамичное понятие, измерение которого связано с определением войны и вооруженного насилия как «особого феномена цивилизации, формированием понятийного аппарата, с анализом мировоззренческих проблем войны и критическим разбором различных ее интерпретаций» [2, р. 2–3]. По мнению автора, «культура войны» характеризуется глубиной и общностью ненависти, ощущаемой и выражаемой как солдатами, так и тылом. Эта ненависть проявлялась во всей своей злобе на «внутренних фронтах», через жестокость языка и образов, исходя непосредственно от самого населения [2, р. 2].

А. Про также отмечал прямую взаимосвязь огрубения общества и жестокости отдельных индивидов, так как последнее является самим условием первого [3, р. 11]. Обратившись к ситуации в Российской империи в середине войны, можно заметить взаимосвязь настроений солдат, дезертиров и изменений взглядов населения городов, в которых их мнения распространялись [9, с. 557].

«Культура войны» в понимании Пикара имеет связь с процессом мифологизации войны и последующим ее тиражированием в качестве инструмента мобилизации населения, т. е. с тем явлением, которое обозначил еще Г. Моссе.

Как рычаг воздействия на массы Первая мировая война использовалась большевиками при обсуждении вопроса о мире, который после событий февраля 1917 г. стал одним из самых острых в России. Первым декретом советской власти стал именно Декрет о мире, составленный В. И. Лениным. Его издание было главным шагом Советов в соперничестве за лояльность армии со Ставкой. Очевидно, что советской власти требовалось как можно скорее вырвать армию из рук старых военных властей. Глава СНК в качестве рычага воздействия на армию использовал апелляцию к массам. И вопрос о мире – один из принципиальных вопросов революции, «отражающий чаяния народа, обычных солдат и матросов» – был главным козырем в борьбе с «милитаризованной Ставкой».

Ставка же упорно вкладывала в головы офицеров мысль о том, что большевики с подачи союзников стремятся к заключению предательского мирного договора. Во многом эскалация конфликта, связанная с пониманием целей данного договора, и продолжающаяся борьба за армию

подтолкнули к началу Гражданской войны в России.

Большинство зарубежных авторов, рассматривающих огрубение европейского общества, сходятся и во мнении о том, что термин «культура войны» и концепция «брутализации» имеет давнюю историю, и за последние 20 лет исследователи все чаще стали обращаться к данному вопросу. В частности, Г. Моссе в работе «Брутализация в европейский кампании» продолжает развивать теорию о том, что военизированные формирования вместе с «брутализацией» имеют более давнюю историю и не ограничиваются периодом, отсчет которого начался после Первой мировой войны. Принимая облик местного ополчения, партизанского движения или народных ополчений, вооруженных отрядов, дополняющих силы правопорядка, военизированные формирования играли значительную роль во времена военных поражений, в частности в Испании, Австрии и Пруссии, России, во время Наполеоновских войн, когда регулярные армии были не способны остановить французское наступление [10, p. 185].

Отличительная черта новых движений в XX в. состояла в том, что они появились после завершения столетнего периода, в течение которого национальные армии стали нормой, а современные полицейские силы, уголовные кодексы и тюрьмы способствовали полному закреплению мало кем оспаривавшейся монополии на насилие в руках государства. Эта монополия была разрушена одновременно с тем, как мировая война сменилась многочисленными мелкими конфликтами. Поскольку это происходило в рамках общей трансформации государственных форм, социальных структур и политических идеологий, военизированное насилие стало иметь двойное значение – как сила, влиявшая на исход военных конфликтов, а также как новый источник политической власти и государственной организации. Военизированное насилие приобрело наряду с военно-оперативным политическое и символическое влияние [10, p. 185–186].

О символическом влиянии военизированного насилия рассуждает аспирант Берлинского университета Гумбольдта Джулия Айхенберг в работе «Из солдат-в штатские, из штатских-в солдаты: Польша и Ирландия после Первой мировой войны». Рассматривая проблему «брутализации» общества в начале XX в., она также подчеркивает идею об «ультрамаскулинном» характере военизированного насилия в послевоенных обществах, и, по ее мнению, история Ирландии и Польши – подтверждение этого правила. Д. Айхенберг обращает внимание на участие в военизированных формированиях, возникших после Первой мировой войны, не только ветеранов, но и примкнувших к ним подростков и женщин, не имевших военного опыта. Поддерживая вывод об исчезновении принципа «ограничения насилия» в период Первой мировой

войны и после нее, Айхенберг отмечает и размывание большинства социокультурных реалий: возраста, пространства, различий между маскулинностью и феминностью и др.

Своеобразные «афтершоки» войны подчеркивались ветеранами, для которых не были новыми аскетизм, насилие и оружие. Этот опыт и его влияние на других членов общества можно оценить и вкладом военизированных группировок в формирование нации. По мнению Д. Айхенберг, их роль оставила «неудобное и пагубное наследие, препятствовавшее признанию вклада «неожиданных» комбатантов, т. е. детей, подростков и женщин, и затруднившее их интеграцию в национальную память» [11, с. 316].

Такие препятствия в процессе интеграции Д. Айхенберг видит в их опасности для нового стабильного политического режима. В первую очередь потому, что военизированные группировки не соблюдали социальные функции вне военного времени, а также из-за того, что выступали альтернативой для национального мифотворчества и самолегитимации.

В большинстве стран в ходе преобразования догосударственных военизированных формирований в национальную армию прославляли только тех солдат, которые соответствовали своим социальным положением стандарту здоровых молодых людей как основы новой нации, рожденной в горниле войны [11, с. 317].

Таким образом, опыт войны и его мифологизация имели различные трактовки в зависимости от цели их использования. Применима эта формула трансформации из «защитающего» в «угрожающего» и к российской действительности. К примеру, преобразования, происходившие с Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) после революции 1917 г., можно рассматривать как пример процесса, описанного выше. Хотя и ВЧК нельзя назвать чем-то стихийно возникшим после революционных событий, так как ее появление стало обоснованным для большевистского правительства в декабре 1917 г., этот орган в годы революции и Гражданской войны представлялся и именовался как чрезвычайная комиссия, как «разящее орудие против бесчисленных заговоров, покушений на Советскую власть...» [12, с. 327].

Позже, в 1922 г., ВЧК преобразуется в ГПУ НКВД РСФСР. Это было связано, в первую очередь, с административно-управленческими преобразованиями новой власти, происходившими в тот период в большинстве ведомств. Однако не последнюю роль играл тот фактор, что образ ВЧК рождал аллюзии на репрессии и жестокость периода хаоса – Гражданской войны. Факты репрессий и риторика обвинительных приговоров против большевиков в конце 1920–1930 гг. можно считать примером борьбы с «альтернативой для национального мифотворчества и самолегитимации» нового руководства страны. Рассматривая дальнейшие события

в СССР, можно сделать вывод, согласно которому частичное военизированное насилие применялось и для легитимации контрреволюционного дела уже после его поражения.

Энн Долан в своей работе «Британская культура военизированного насилия в ирландской войне за независимость» рассматривает схожие явления на «ирландской почве». Он предлагает вниманию случай, произошедший с майором Генри Проктером в палате общин в 1933 г. Во время дебатов представитель Лейбористской партии высказался в его адрес, отметив: «что ему (Проктеру. – Н. А.) за время пребывания в рядах «черно-коричневых» в Ирландии удалось приобрести большой опыт в сожжении домов, нежели в их строительстве» [4, с. 339]. Таким образом, лейборист оскорбил его, причислив к группе «черно-коричневых». Это, по мнению автора, подтверждает факт существования в перцепции британского общества 1930-х гг. чувства дискомфорта от военизированного прошлого страны.

Причисление к «черно-коричневым» означало оскорбление, унижение и позор, это вызывало ассоциации с недисциплинированностью и беспорядком, с репрессиями и убийствами, которые стали характерными особенностями ирландской войны за независимость. Э. Долан замечает важную деталь: «Ирландское насилие вызвало яростную контрреакцию против политического насилия в Великобритании» [4, с. 339].

Изложенное заставляет задуматься над проблемой «брутализации» российского общества в период Великой российской революции 1917–1922 гг. Популярно в этой связи мнение У. Розенберга о том, что происходившие в различных регионах Российской империи революции политические, национальные конфликты с первых месяцев 1917-го до осени 1918 г., могли и не быть насильственными по своей природе. Однако сосредоточение властных ресурсов в руках меньшей по численности, но имеющей общую цель большевистской партии зимой 1917/18 г. в разгар Первой мировой войны дало мощный толчок революционному насилию, последствием которого стало возникновение армии, «чьей основной целью являлись жестокие репрессии против революции, и в первую очередь – против революционеров» [13, с. 37]. Параллельно с этим в России революционеры организовывали формирования, действовавшие наряду с Красной армией, например, вооруженные отряды при комбедах и др.

Отчасти с некоторыми положениями концепции «брутализации» и военизированного насилия соглашались и советские ученые, занимавшиеся историей Красной армии. Еще в советской историографии утвердился вывод о том, что советское правительство, регулируя и контролируя деятельность различных вооруженных формирований, объединило всех ей лояльных в отряды

красноармейцев, а несогласные были подвергнуты уничтожению [14].

В современной европейской историографии популярной при выборе темы исследования стала концепция «брутализации» общества в странах Европы после «Великой войны». Повышение уровня жестокости общества, стирание рамок дозволенного и неограниченное насилие, а также квазивоенные формирования и банды, возникшие после войны, стали символами периода конца 1910–1920 гг. в России, Ирландии, Восточной и Центральной Европе. Состав таких военных формирований был крайне пестрым: в них входили «целенаправленные убийцы» и воюющие за жалование или идею; мужчины, вернувшиеся с фронта, и женщины с подростками, но большинство из них уже имели к этому моменту какой-либо военный опыт.

Несмотря на то, что проблема «брутализации» возникла не впервые в начале XX в., «культура войны» вошла в повседневность некоторых обществ и просуществовала долгое время. «Афтершоки» Первой мировой войны проявлялись на протяжении нескольких последующих десятилетий. Однако все причастные к опыту военизированного насилия лишь выборочно интегрировались в национальную память народов СССР и некоторых европейских стран.

Список литературы

1. Mosse G. L. *Fallen soldiers : Reshaping the Memory of the World Wars*. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1990. 264 p.
2. Picard E. A propos d'une notion récente : la culture de guerre // *Frédéric Rousseau. Guerres, paix et sociétés*, 1911–1946, Atlande, 2004. P. 667–674. fhalshs-00585931. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00585931/document> (дата обращения: 10.06.2021).
3. Prost A. 'Les Limites de la brutalisation : tuer sur le front occidental en 14–18' // *Vingtième siècle : Revue d'Histoire*, 5, January–March. 2004/1. № 81. P. 5–20.
4. Долан Э. Британская культура военизированного насилия в ирландской войне за независимость // *Война во время мира : Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 : сборник статей / ред. П. Герварт, Д. Хорн. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 325–349. URL: https://royallib.com/read/kattser_nikolaus/voyna_vo_vremya_mira_voenizirovannye_konflikti_posle_pervoy_mirovoy_voyni_19171923.html#0 (дата обращения: 11.12.2021).*
5. Ziemann B. Germany after the First World War – A Violent Society? Results and Implications of Recent Research on Weimar Germany // *Journal of Modern European History*. 2003. № 1. P. 80–95.
6. Bessel R. *Germany after the First World War*. Oxford : Clarendon Press, 1993. 325 p.
7. Международный день против империалистической войны // *Коммунистический интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна*

- и пленумов ИККИ / под ред. Бела Куна. М. : Партийное издательство, 1933. С. 908–911.
8. *Schumann D.* Europa, der erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuität der Gewalt? // *Journal of Modern European History*. 2003. Vol. 1. P. 23–43.
9. *Аленичева Н. В.* Социально-психологические факторы восприятия революционных событий 1917 года в солдатской среде (по материалам Саратовской губернии) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения*. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 544–558. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-554-558>
10. *Mosse G.* De la Grande Guerre au totalitarisme. La brutalisation des sociétés européennes. Paris : Hachette Littératures, «Histoires», 1999. 291 p.
11. *Айхенберг Ю.* Из солдат – в штатские, из штатских – в солдаты : Польша и Ирландия после Первой мировой войны // *Война во время мира... : сборник статей / ред. Р. Герварт, Д. Хорн*. С. 301–325.
12. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 44 : Июнь 1921 – март 1922. М. : Издательство политической литературы, 1970. 725 с.
13. *Розенберг У.Г.* Революция и контрреволюция : синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // *Война во время мира... : сборник статей / ред. Р. Герварт, Д. Хорн*. С. 35–63.
14. *Герман А. А.* Военно-боевая работа большевиков Нижнего Поволжья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985. 248 с.

Поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 13.12.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 164–171

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 164–171

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-164-171>

Научная статья

УДК 271.2-726.3(470.311)+929Копержинский

In memoriam. Профессор К. А. Копержинский: «Отец сначала был учителем древних языков, потом стал священником»

С. Н. Карамышева

Байкальский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11

Карамышева Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, irk-svetlana961@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6107-9566>, Author ID: 337778

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования, позволившего конкретизировать не только малоизвестные факты из истории семьи профессора К. А. Копержинского, но и те социально-исторические обстоятельства, которые обусловили появление в автобиографических анкетах постреволюционного периода клишированной формулировки «отец сначала был учителем, потом стал священником».

Ключевые слова: профессор К. А. Копержинский, священник А. А. Копержинский, подольское духовенство, церковная реформа, Александр II

Для цитирования: Карамышева С. Н. In memoriam. Профессор К. А. Копержинский: «Отец сначала был учителем древних языков, потом стал священником» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 164–171. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-164-171>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

In memoriam. Professor K. A. Koperzhinsky: “My father was first a teacher of ancient languages, then he became a priest”

S. N. Karamysheva

Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk 664003, Russia

Svetlana N. Karamysheva, irk-svetlana961@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6107-9566>, Author ID: 337778

Abstract. This article presents the results of a study that made it possible to specify not only little-known facts from the history of Professor K. A. Koperzhinsky's family but also those social and historical circumstances that led to the appearance of the clichéd formulation “my father was first a teacher, then he became a priest” in the autobiographical questionnaires of the post-revolutionary period.

Keywords: Professor K. A. Koperzhinsky, priest A. A. Koperzhinsky, Podolsk clergy, church reform, Alexander II

For citation: Karamysheva S. N. In memoriam. Professor K. A. Koperzhinsky: “My father was first a teacher of ancient languages, then he became a priest”. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 164–171 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-164-171>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Любая автобиография, являясь по сути вынужденным или преднамеренным актом означивания и официализации частной жизни, может содержать в себе как нарочито презентативные моменты, так и тщательно завуалированные факты. Наиболее показательны в этом плане автобиографии и (или) биографии тех людей, жизненный путь которых оказался сопряженным с глубокими социальными разломами и катаклизмами, когда линия человеческой жизни жестко и неоднократно дробилась по прецеденту «до» и «после», а привычные мотивационные ори-

ентиры и общезначимые социальные стандарты подвергались кардинальной трансформации и переосмыслению. К разряду таких жизнеописаний принадлежит и биография известного слависта и литературоведа профессора Константина Александровича Копержинского (1894–1953), в которой, несмотря на солидный корпус исследовательских работ биографического и библиографического характера, до сих пор присутствует ряд пробелов, появившихся не без участия самого биографанта. Так, при непосредственном обращении к материалам личного дела профес-

сора К. А. Копержинского в анкете, заполненной биографантом 24 декабря 1937 г. при оформлении на работу в Иркутский государственный педагогический институт, нами был обнаружен ряд исправлений-дорисовок, а именно, в графе «Отец» и в графе «Мать» ранее написанное и частично подтертое «из духовенства» исправлено на «из мещанства» [1, л. 8]. Впрочем, данное исправление можно рассматривать в качестве невольной, непреднамеренной ошибки, допущенной при заполнении анкеты, так как в графе «Социальное происхождение» К. А. Копержинский конкретно указал на то, что «Отец был сначала учителем древних языков, затем стал священником» [1, л. 8], в связи с чем возможно и допустимо отнесение наличия исправлений-дорисовок в автобиографической анкете профессора К. А. Копержинского к разряду косвенных подтверждений ситуации сословного трансферта, возникшей в результате принятия отцом К. А. Копержинского священнического сана. Тем не менее, именно обнаружение факта подчистки и дорисовки в вышеуказанных графах послужило отправной точкой нашего исследования.

Формулировки типа «отец сначала был учителем, потом стал священником» достаточно частотны для автобиографий постреволюционного периода. Они присутствуют как в жизнеописаниях представителей высшего эшелона академической науки, в частности, в биографиях академика АН ЭССР профессора Б. А. Ларина [2, с. 80], академика АН СССР профессора С. В. Лебедева [3] и некоторых других, так и в автобиографических анкетах, хранящихся в архивных личных делах работников региональных организаций Наркомпроса РСФСР и сотрудников советских административных учреждений, что явилось прямым следствием и отдаленным по времени результатом церковной реформы 1870-х гг., в ходе которой все духовные учебные заведения утратили сословноцентричный характер. В связи с этим обер-прокурор Святейшего синода граф Д. А. Толстой, давая оценку первому этапу церковной реформы, отмечал во всеподданнейшем отчете за 1873 г.: «После изменения в сословном устройстве духовенства, внесённого законом 26 мая 1869 г., и с открытием по новым уставам духовно-учебных заведений более свободного доступа к приобретению духовного образования и к достижению церковных степеней лицам из всех сословий, оказалось вполне согласным с общею мыслью, принятою в основание таких изменений, допустить большее сближение духовенства с другими сословиями...» [4, с. 413].

Сословная трансграничность духовных училищ, семинарий и академий, а также внесословные преференции, в том числе предоставление иносословным возможности обучения на «полном церковном коште», не только открывали

представителям низших сословий наиболее благоприятные пути по выходу из податного состояния, но и обусловили необходимость изменения традиционного подхода к формированию корпуса приходского священничества и перевода ряда локально значимых традиций на общезначимый уровень посредством принятия Святейшим синодом соответствующих решений и определений по духовно-учебному ведомству. Речь в данном случае идет о проблеме осознанного и ответственного вступления выпускников духовных училищ и семинарий на путь священнического служения, так как «индифферентист во фраке не так вреден для церкви, как в рясе» [5, с. 405]. Как следствие – обращение к опыту православных епархий юго-западной части Российской империи, где посвящению в духовный сан традиционно предшествовало так называемое «нудительное служение», то есть кандидат в священники обязывался определенное время отслужить в качестве причетника или же учителя церковно-приходской школы, что, с одной стороны, позволяло приходской общине оценить в условиях повседневности все достоинства и недостатки будущего священника, а с другой – для самого кандидата являлось «самоиспытанием его призвания и его способностей к священному сану» [5, с. 405].

На уровне епархий процесс перевода традиции «нудительного служения» в сугубо прагматическую плоскость начался с 1873 г., причем касался он в основном конкретной категории выпускников средних духовно-учебных заведений, а именно тех, кто был принят по Уставу от 26 мая 1869 г. и обучался за счет епархиальной казны. Так, согласно Высочайше утвержденному 16 апреля 1869 г. Журналу присутствия по делам православного духовенства в правилах, принимаемых правлениями духовных училищ и семинарий, появились пункты, подобные этому: «Казённокоштные воспитанники духовных семинарий, в случае непоступления их на священно и церковно-служительские места, обязаны прослужить за каждые два года содержания в семинарии год на учебной службе: окончившие курс со званием студента – в духовных училищах, а окончившие курс по второму и третьему разряду – начальных народных школах... В случае же выхода таковых воспитанников в другую службу ранее назначенного срока, они обязаны возратить сумму, употреблённую на их содержание, по расчёту семинарского правления...» [6, с. 83]. Вместе с этим правлениям средних духовно-учебных заведений предписывалось в обязательном порядке указывать в дипломах и свидетельствах казеннокоштных выпускников на то, что «предъявители означенных документов, в случае поступления их на гражданскую службу, обязаны возратить духовному ведомству сумму, употреблённую на их содержание»

[6, с. 82]. Это в конечном итоге и привело к появлению, начиная с 1873 г., в послужных списках значительного числа приходских священников записей о наличии двух- или трехлетнего опыта учительской деятельности вне зависимости от их сословного происхождения.

Таким образом, формулировка «отец сначала был учителем, потом стал священником» в постреволюционных анкетах могла быть как простой констатацией сугубо ситуативного, возникшего в результате стечения обстоятельств, факта семейной истории, так и попыткой завуалировать сословное происхождение и вписаться в формирующуюся онтологию нового социального порядка, в которой за представителями высших сословий закрепилось определение «бывшие люди» (например: «...Зафиксирован ряд случаев активной поддержки и организации таких учреждений, которые не могут быть актуальными на сегодняшний день, являясь часто убежищем для выброшенных из жизни «бывших людей» (некоторые учреждения Академии наук)» [7, с. 458]). Именно данное обстоятельство и обусловило необходимость нашего выхода за рамки традиционной конспективно-хронологической представленности биографического материала и обращения к историко-семейному аспекту, тем более что достаточно сильное влияние близкородственных отношений на процесс формирования жизненного пути К. А. Копержинского прослеживается уже на уровне общеизвестной биографической хронологии.

Итак, конец лета 1872 г. для семьи приходского священника Александра Ивановича Копержинского, настоятеля Свято-Михайловской церкви в местечке Студеницы Ушицкого уезда, выдался волнительно-радостным, но вместе с тем и горестным. Во второй половине июля было получено официальное подтверждение того, что средний сын Александр зачислен по результатам вступительных испытаний в первый класс низшего отделения Подольской духовной семинарии [8, с. 348], а через две недели стало известно, что и дочь Анна в числе восемнадцати девиц духовного звания принята в пансионерки Каменец-Подольского женского училища [9, с. 371–372]. Впрочем, семейные радости длились недолго – в последних числах августа скоропостижно скончался глава семейства [10, с. 423], и более двух тысяч душ обоего пола окунулись в тревожное ожидание, потому что умер не просто священник, прослуживший при местечковом приходе без малого 30 лет, а ушел из жизни представитель духовной династии, окормлявшей и направлявшей приходскую жизнь местечка Студеницы на протяжении века. Род Копержинских священствовал при Свято-Михайловском приходе с конца 60-х гг. XVIII в.: «До 1799 г. Матвей Копержинский (или Копежинский), до 1844 г. сын его Иоанн и до

1872 г. внук Александр» [11, с. 777]. Даже существовала небезызвестная легенда об обретении иконы «Богоматери с предвечным младенцем», в которой Копержинские выступали в качестве бессменных хранителей старинной святыни. Согласно преданию священная реликвия, ранее принадлежавшая древнему православному монастырю, была случайно найдена мальчишками-пастухами, спрятавшимися от грозы в пещере горы Горошковой, расположенной близ местечка Студеницы, а затем передана ими в приход Студеницкой Успенской церкви. Во время эпидемии чумы, бушевавшей на Подолии в 1770 г., икона обрела чудодейственные свойства и уберегла местное население от мора. В 1791 г. обветшалую от времени Успенскую церковь разобрали, а икону торжественно перенесли к алтарю вновь возведенной Свято-Михайловской церкви (об обретении иконы см.: Официально-церковная версия, составленная на основе донесения А. И. Копержинского от 1866 года [12, с. 405–407], и «простонародный» вариант [13, с. 23–26]). И хотя Подольский историко-статистический комитет не нашел в архивах Подольской епархии каких-либо упоминаний о существовании Студеницкого монастыря, да и проверка возраста иконы оказалась невозможной, в связи с тем что в 1853 г. на ней полностью был обновлен красочный слой, тем не менее она была известна как чудодейственная не только в Подолии, но и в Заднестровье, и ежегодно 24 июня при большом стечении богомольцев отмечался местечковый православный праздник, или отпуст обретения иконы «Богоматери с предвечным младенцем» [12, с. 406]. К этой же дате приурочивалась первая летняя ярмарка, другая проходила в начале августа в Яблочный Спас. Путешественник-киевлянин, на досуге решивший заняться этнографическими изысканиями, так описывал августовскую ярмарку в местечке Студеницы: «Особенно бросается в глаза огромное количество фруктов: яблок, груш, слив и арбузов, занявших почти половину площади, и необыкновенная их дешевизна: я покупал прекрасные, большие груши и яблоки самых лучших сортов по копейке десятков, не торгуясь, и ещё давали одну штуку в придачу... Не даром Студеница, по количеству производимых в ней фруктов, считается садом целого Подолья; всё местечко утопает в садах, из которых сухие плоды расходятся чуть ли не по всем городам южной Руси» [14, с. 68]. Только чернослива продавалось до 1 500 бочек на сумму около 35 000 руб. в год [11, с. 776].

Летние и осенние ярмарки, приуроченные к значимым церковным праздникам, обеспечивали не только относительно высокий уровень доходности крестьянских хозяйств и материальное благополучие прихода Свято-Михайловской церкви, но и регулярное пополнение епархиальной казны в части обязательных платежей

и пожертвований. Поэтому глава Подольской епархии на внезапно освободившееся место, не проводя традиционной, но длительной процедуры баллотировки, тут же своей волей назначил другого настоятеля. Им стал известный своим проповедческим талантом и деловитостью священник Ушицкого собора Хрисанф Михалевский [15, с. 437]. Как вновь назначенный настоятель Свято-Михайловской церкви, он выделил Фекле Копержинской полагающийся ей «вдовый надел» в размере 9 десятин церковной земли, которые на ближайшие 5 лет должны были стать основным источником дохода для нее самой и ее несовершеннолетних детей. Дело в том, что учреждение эмеритальной кассы в Подольской епархии состоялось в 1871 г., и священник А. И. Копержинский не успел сделать необходимых взносов, поэтому регулярные пенсионные выплаты его вдове не полагались. Единственным денежным вспомоществованием со стороны епархии, на которое могла рассчитывать Фекла Копержинская, являлось удовлетворение поданного на имя епископа Подольского и Брацлавского соответствующего прошения. Таковое было подано, и в соответствии с определением Святейшего синода от 7 декабря 1873 г. она получила единовременное пособие в размере 70 руб. (для сравнения: содержание учителя церковно-приходской школы в Подольской епархии в то время составляло 25–30 руб. в год) [16, с. 304]. Выплата эта оказалась как нельзя кстати, так как на руках у Феклы Копержинской оставался малолетний Василий, к тому же обучение дочери в Каменец-Подольском училище требовало регулярной платы, только учеба Александра не обременяла семью дополнительными расходами. Сдавший вступительные экзамены в Подольскую духовную семинарию по первому разряду, то есть на «хорошо» и «отлично», Александр Копержинский был принят как «полноказённокоштный», да и в дальнейшем семинарист А. А. Копержинский на всем протяжении обучения переводился из класса в класс только по первому разряду. Во второй половине июля 1877 г. он окончил полный курс семинарии также по первому разряду и был выпущен в звании студента [17, с. 261], а в сентябре, успешно пройдя конкурсный отбор, поступил на службу в Подольское духовное училище учителем греческого языка, где и прослужил около 5 лет, в течение которых не только исполнял учительские обязанности, но и, являясь членом училищного правления, нес ответственность за экономическую часть. В первых числах июня 1882 г. епископ Подольский и Брацлавский Викторин удовлетворил прошение А. А. Копержинского о его назначении на место настоятеля в с. Москалевку Проскуровского уезда [18, с. 318]. В то же время депутатами Каменецкого окружного училищного съезда, проходившего в первых числах июня, было принято следующее решение:

«Ввиду того, что г. Копержинский действительно усердно выполнял свои обязанности как член правления, выдать ему просимые 100 р., которые и назначены были съездом в добавочное вознаграждение» [19, с. 411].

Вновь назначенный настоятель получил в свое ведение небольшую, начавшую ветшать церковь в с. Корытная, приписанную к москалевскому приходу, которая должна была стать на ближайшее семилетие местом духовного служения А. А. Копержинского (при посвящении в сан давалась обязательная подписка о семилетнем служении на назначенном месте [20, с. 423]), и начал энергично вживаться в дела вверенного ему прихода. Уже через месяц после своего назначения А. А. Копержинский испрашивает разрешение у главы Подольской епархии на возведение за счет средств прихожан новой церковной ограды. Разрешение было получено [21, с. 390], средства собраны, и ограда поставлена, а прихожанам корытненского прихода, сподвигнутым своим священником на благое дело, объявлена благодарность от имени главы епархии епископа Подольского и Брацлавского Иустина [22, с. 239]. Сменивший в октябре 1882 г. на епископской кафедре почившего в бозе Викторина епископ Иустин был архипастырем суровым и прагматичным. Он не только щедро, не взирая на сан и былые заслуги, оделял подольское священничество выговорами и штрафами, лишь с ноября по декабрь 1882 г. дисциплинарные взыскания были наложены на без малого четыре десятка лиц духовного звания, сумма же взысканных и обращенных в пользу беднейшего духовенства штрафов составила более 160 руб. [23], но и проявил недюжинную заботу о доходно-расходной части епархиальной казны. Поэтому, по достоинству оценив деловитую целеустремленность корытненского священника и, видимо, посчитав, что содержание двух настоятельских мест при москалевском приходе (вторым настоятелем значился Александр Зенкевич) обременительно для казны Подольской епархии, епископ Иустин в первой половине 1884 г. своей волей назначил священника А. А. Копержинского к приходу Николаевской церкви Каменец-Подольского тюремного замка. Построенная в 1857 г., тюремная церковь не имела своего причта, в связи с чем тюремных сидельцев окормляли духовные служители кладбищенского прихода, и, чтобы прекратить без малого трёхдесятилетнее роптание тюремной паствы и «жалобство» кладбищенских священников, воспринимавших это дело не иначе как «излишнее обременение», епархиальное начальство решило учредить при Николаевской тюремной церкви отдельный причт во главе с молодым священником А. А. Копержинским [24, с. 59]. Спустя 3 года после назначения состоялось бракосочетание А. А. Копержинского с девицей Надеждой Михайловной Киржачской,

дочерью священника, а в 1889 г., через год после рождения первенца – сына Якова [25, л. 2], его ожидало очередное назначение к новому месту настоятельского служения, а именно к приходу Покровской церкви в с. Глебов Ушицкого уезда [26, с. 337]. Здесь у священника А. А. Копержинского родился второй сын – Константин.

Глебовский приход относился к категории тех благополучных приходов Подольской епархии, на освободившиеся места в которых могло одновременно самовыдвигаться до 50 претендентов-баллотировщиков [20, с. 422]. Председатель Подольского епархиального историко-статистического комитета протоиерей Е. И. Сецинский так описывал глебовский приход: «Эта церковь – однокупольная, построена вместе с колокольнею; освящена 28 сентября 1886 г. в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Устроена она на новом месте, погост же старой сгоревшей церкви вошёл в состав усадьбы помещика; на месте престола поставлен крест. В Глебове в доме владельца есть домовая церковь во имя св. Василия Великого. Иконы в этой церкви писаны частью в Италии, частью принадлежат кисти графинь Путятиных. Церковной земли: усадебной 3 дес. 1 791 саж., пахотной 44 дес. 1 350 саж., леса 22 дес. 832 саж. Причтовые помещения устроены в 1888 г. помещиком. Церковная школа существует с 1848 г.» [11, с. 775].

За 1889–90 гг. А. А. Копержинский при деятельном воспомоществлении со стороны владельца глебовского поместья графа Е. Е. Путятина, действительного члена Каменец-Подольского Иоанно-Предтеченского братства и мирового посредника барона С. Е. Рауш-фон-Траубенберга, построил новое здание церковно-приходской школы, возобновил проведение регулярных занятий, организовал при ней детский хор и был отмечен епархиальным начальством за «особенную ревность в деле народного просвещения» [27, с. 105]. Кстати, в этой церковно-приходской одноклассной школе пришлось некоторое время поучиться старшему сыну А. А. Копержинского.

Впрочем, священник А. А. Копержинский принадлежал к той части подольского пореформенного духовенства, которое не считало возможным и должным ограничивать жизнь и судьбу сыновей семинарским дипломом и пределами церковного прихода или окружного благочиния, а, наоборот, стремилось к расширению жизненных горизонтов для своего потомства и предоставлению ему возможности получить качественное светское образование, что нередко было чревато определенными издержками в продвижении по службе или могло приводить к серьезным финансовым потерям. Это объяснялось тем, что начальственные лица Подольской епархии крайне неодобрительно воспринимали частные инициативы священников, касающиеся смены мест настоятельского служения, по причине того,

«что такая подача прошений вызывается не всегда нуждами и потребностями благоустройства церковно-приходской жизни, а по большей части чисто личными расчётами священников...» [28, с. 157]. Тем не менее в связи с планируемым определением старшего сына Якова в Каменец-Подольскую мужскую гимназию священник А. А. Копержинский обратился к главе Подольской епархии епископу Подольскому и Брацлавскому Иринею с просьбой о соответствующем переводе и, получив отказ, подал другое прошение, на этот раз об увольнении от занимаемого им прихода и выведении за штат. Состоявшееся 20 июня 1897 г. решение носило несколько компромиссный характер, так как в соответствии с ним священник с. Глебова А. А. Копержинский был уволен от занимаемого им прихода, но с причислением в качестве сверхштатного священника к Каменецкому кафедральному собору [29, с. 282]. Одновременно решением епархиального съезда он был утвержден в должности члена-делопроизводителя Епархиального управления взаимовспомогательной кассы и свечной операции, которая оставалась вакантной с 23 июня 1896 г. [30, с. 823], а с первых чисел февраля 1898 г. епархиальное начальство определило его на место священника Кирилло-Мефодиевской церкви при Каменецком мужском духовном училище [31, с. 143].

Здесь, по нашему мнению, следует несколько подробнее остановиться на тех доходных статьях, из которых складывалась материальная обеспеченность подольского приходского священничества в конце XIX в., тем более что оно имело в этом плане ряд значимых преференций.

Во-первых, в отличие от священнослужителей других епархий все подольские священнослужители, состоявшие в епархиальном штате, получали казенное жалование. Размер жалования приходского священника Подольской епархии составлял от 300 до 400 руб. и выше ежегодных казенных выплат. Определенное различие в размерах казенного жалования приходских священников обуславливалось тем, что у большинства городских приходов отсутствовали земельные наделы, а если таковые и были, то они имели размеры значительно меньше установленной нормы в 33 десятины, что некоторым образом и компенсировалось за счет казенных средств. А. А. Копержинский как сельский приходской священник получал 300 руб. по казенному содержанию, но, будучи выведенным за штат с 20 июня 1897 г., утратил право на получение этих денег.

Второй доходной статьёй, особенно значимой для сельского священничества, являлись приходские земельные наделы. И если для епархий средней полосы Российской империи земельный надел сельского прихода в 33 десятины был нормой, то в Подольской епархии средняя площадь приходского надела составляла 59 десятин (для Ушицкого уезда эта величина составляла

55 десятин земли [32, с. 606]). При этом ежегодная доходность земельных наделов, по данным Подольского отделения Крестьянского земельного банка на 1888–89 гг., составляла: для десятины усадебной земли 21 руб. 75 коп. (или 14,5% от 150 руб. повсеместной стоимости одной десятины усадебной земли в Подольской губернии [33, с. 300]), для десятины пахотной земли – 6 руб. 53 коп. (или 7,5% от средней стоимости одной десятины в 87 руб. 09 коп. в Ушицком уезде [32, с. 605]). Доходность одной десятины лесных угодий определялась на месте посредством составления соответствующего акта и оценочной описи, в которой указывались все доступные способы лесопользования, количество перестойного леса и основные породы деревьев, наличие гарей, полян, опушек и т. д. [33, с. 123–125]. Таким образом, ежегодный доход причта глебовского прихода только с усадебного и пахотного наделов мог составлять от 357 руб. и выше. Касательно доходности лесных угодий, принадлежавших церковному приходу с. Глебова в связи с отсутствием соответствующих оценочных описей, мы можем отметить только то, что само по себе наличие без малого 23 десятин леса, а соответственно, и возможности произведения глебовским причтом самозаготовок деловой и неделовой древесины являлось для Подольской епархии весьма значимым фактом, существенно повышавшим доходность места приходского священника. Несмотря на то, что уровень коммерциализации лесных угодий мог колебаться в широких пределах, тем не менее доходность десятины леса в Подольской губернии в конце XIX – начале XX в. значительно превышала доход, получаемый с пахотной десятины.

Третьей доходной статьей являлись денежные и иные приношения, получаемые церковным причтом от прихожан за исполнение различных треб и молитвословий. Подольским епархиальным статистическим комитетом ежегодный минимальный размер дохода по этой статье определялся из расчета 50 коп. с каждого лица мужского пола православного вероисповедания, проживавшего в границах прихода [32, с. 607]. С учетом того, что в описании вакантного места приходского священника с. Глебов Ушицкого уезда число прихожан было указано в 2 493 «души обоего пола» [34, с. 278], из которых мужчин было 1 260 чел. [11, с. 753], то ежегодный требный доход глебовского причта мог составлять как минимум 630 руб. Две трети этой суммы уходило в доход приходского священника, а одна треть полагалась приходскому псаломщику. Заняв же место сверхштатного священника при Каменецком кафедральном соборе, А. А. Копержинский мог рассчитывать только на приношения от прихожан за те требоисполнения и молитвословия, от осуществления которых по какой-либо причине отказывались штатные священники.

Последнее, о чем следует упомянуть, это то, что в Подольской епархии существовала серьезная проблема массовой обветшалости причтовых строений сельских приходов, остававшаяся, несмотря на учреждение в 1895 г. Подольского епархиального комитета по устройству причтовых помещений, а также ежегодное выделение Святейшим синодом значительных целевых средств за счет запасно-строительного капитала (что отражено в соответствующих отчетах в Подольских епархиальных ведомостях с 1896 г. по 1917 г.), не решенной вплоть до февраля 1917 г. Поэтому место священника в глебовском приходе с его каменной церковью 1886 г. постройки и новыми причтовыми строениями оставалось вакантным менее двух недель, т. е. на тот период времени, который требовался для рассмотрения соответствующих прошений священников и проведения традиционной процедуры баллотировки. При этом многие священнические места в сельских приходах Подольской епархии могли находиться свободными от двух месяцев до полугода и более.

Что же касается священника А. А. Копержинского, по собственному прошению уволенного от столь благополучного прихода, то с момента переезда в Каменец-Подольский единственным стабильным доходом для него являлось денежное содержание по должности члена-делопроизводителя Епархиального 25 руб. в месяц. Лишь в связи с неожиданной и скоропостижной кончиной священника П. И. Жданова, который состоял не только председателем Епархиального управления взаимно-вспомогательной кассы и свечной операции, но был и настоятелем Кирилло-Мефодиевской церкви при Каменецком мужском духовном училище, А. А. Копержинский смог занять штатное место священника и, соответственно, вновь обрести все полагающиеся преференции, как то: казенную квартиру и ежегодное казенное содержание. Впрочем, с начала 1899 г., когда состоялось введение в строй Подольского епархиального свечного завода, и члены Епархиального управления взаимно-вспомогательной кассы и свечной операции вошли в состав его правления, священник А. А. Копержинский, заняв должность товарища (заместителя) председателя заводского правления [35, с. 418], приблизился к тому уровню личного дохода, который ему обеспечивало место приходского священника в с. Глебов.

В дальнейшем, ко времени окончания младшим сыном Константином Каменец-Подольской мужской гимназии (1913 г.), протоиерей А. А. Копержинский занимал весьма заметное положение в епархиальной иерархии. Он входил в состав Подольской духовной консистории [36, с. 51], был законоучителем в Пушкинском Каменец-Подольском городском приходском училище [36, с. 65], состоял в совете Каменецкого православного Свято-Иоанно-Предтеченского братства [37,

с. 14] и был настоятелем Каменецкой Свято-Петро-Павловской церкви [38, с. 92].

Так что поступление К. А. Копержинского в Санкт-Петербургский императорский университет было делом логичным и закономерным. К тому же в Санкт-Петербурге проживал его старший брат Я. А. Копержинский, который после окончания Санкт-Петербургского политехнического института служил инженером-конструктором по торговым и специальным судам на Путиловском заводе. В дальнейшем Яков Александрович Копержинский (1888–1968) станет известным инженером-кораблестроителем, одним из главных конструкторов Ленинградского ЦКБ-32 (ныне ЦКБ «Балтсудопроект») [39, с. 16–17].

Не менее логичное и закономерное значение со временем обретет и тот факт, что в мозаике личного миростроительства К. А. Копержинского, складывавшейся как результат частых и нередко вынужденных аблокционных изменений, два города – Каменец-Подольский и Ленинград – будут теми пунктами жизненной географии ученого, куда он стремился вернуться и не раз возвращался. Что же касается формулировки «отец сначала был учителем древних языков, потом стал священником», то ее тиражирование в современных биографических исследованиях, посвященных известному слависту и литературоведу профессору К. А. Копержинскому, на наш взгляд, является не совсем корректным по отношению к самому биографанту, потому что в определенный период времени она была ничем иным, как формулой символического коррелята примирения с тоталитарной логикой искоренения прошлого, в рамках которой шло оформление нового, постреволюционного социального порядка с его требованием непреложной публичной исповеди. Сама же процедура исповедального акта являлась неперемным условием вхождения в новый общественный строй, определяя при этом и уровни индивидуальной включенности. Ведь процедура заполнения автобиографических анкет в постреволюционный период с их неперменными и обязательными пунктами, такими как «Национальность», «Социальное происхождение», «Отец» и «Мать», с обязательным указанием социального происхождения каждого из них, а также графа «Где и когда проходил чистку госаппарата», и являлась по своей сути бюрократизированным вариантом такого исповедального акта.

Список литературы

1. Копержинский Константин Александрович : личное дело // Архив Иркутского гос. университета. Д. 202 (22а-4-202 на 68 л.). Л. 8.
2. Груздева Е. Н. Академик Борис Александрович Ларин (1893–1964) : годы учебы // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 3 (339). С. 80–88.
3. Лебедев Сергей Васильевич. 1874–1934 гг. // Вестник химической промышленности [Электронный ресурс]. М. : НИИТЭХИМ. 2017. 19 сент. URL: <http://vestkhimprom.ru/posts/lebedev-sergej-vasilevich-1874-1934-gg> (дата обращения: 30.06.2021).
4. Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1871 год // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1873. № 23. С. 411–421.
5. Завитневич А. З. О реформах духовно-учебных заведений в царствование государя императора Александра Николаевича // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1880. № 32. С. 403–405.
6. Правила о казённокоштных воспитанниках семинарии // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1878. № 7. С. 77–85.
7. «Совершенно секретно» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934) : сборник документов : в 10 т. Т. 10 : в 3 ч. Ч. 1 : 1932–1934 гг. / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М. : ИРИ РАН, 2017. 656 с.
8. Разрядный список учеников Подольской духовной семинарии // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1872. № 14. С. 344–350.
9. Список девиц духовного звания, принятых, с Высочайшего государыни императрицы соизволения, в Каменец-Подольское училище // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1872. № 15. С. 371–376.
10. Распоряжения епархиального начальства // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1872. № 14. С. 421–423.
11. Приходы и церкви Подольской епархии / под ред. свящ. Евфимия Сецинского. Біла Церква : Вид. О. Пшонківский, 2009. 996 с.
12. Студеницкий монастырь // Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета / под ред. Н. И. Яворского. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1890–1891. Вып. 5. С. 405–407.
13. Гудзий Е. К. Простонародные легенды и поверия Подолия и Заднестровья (путевые заметки этнографа). Екатеринослав, 1899. 82 с.
14. К. М. Путевые очерки Подолия // Киевская старина. 1884. № 10. С. 53–81.
15. Распоряжения епархиального начальства // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1872. № 18. С. 435–438.
16. Сведения по Подольской епархии // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1874. № 12. С. 303–308.
17. Распоряжения по духовно-училищному ведомству // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1877. № 15. С. 258–276.

18. Местные распоряжения и известия // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1882. № 26. С. 318–319.
19. Распоряжения по духовно-училищному ведомству // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1882. № 33. С. 407–413.
20. Епархиальные распоряжения и известия // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1882. № 34. С. 422–426.
21. Епархиальные распоряжения и известия // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1882. № 32. С. 389–391.
22. Епархиальные распоряжения и известия // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1883. № 15. С. 235–243.
23. Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1882. № 48–52.
24. Сецинский Е. И. Исторические сведения о приходах и церквях Подольской епархии. Каменецкий уезд. Каменец-Подольский, 1895. 611 с.
25. Аттестат зрелости Копержинского Якова Александровича // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 434 – Морское инженерное училище г. Кронштадт, г. Петроград (1798–1917). Оп. 2 (ед. хр. 926). Л. 2.
26. Епархиальные распоряжения и известия // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1889. № 32. С. 335–340.
27. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Подольской епархии за 1889–90 учебный год // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1891. № 6. С. 95–114.
28. О мерах к ограничению массовой подачи священниками прошений о перемещении на лучшие приходы при открытии таковых // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1897. № 16–17. С. 157–165.
29. Распоряжения епархиального начальства // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1897. № 27. С. 281–282.
30. Распоряжения епархиального начальства // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1896. № 52. С. 813–824.
31. Священник Павел Жданов (некролог) // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1898. № 5. С. 139–143.
32. Бюджет священника и псаломщика нашей епархии // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1897. № 24. С. 601–610.
33. Справочная книжка Подольской губернии / сост. В. К. Гульдман. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1888. 654 с.
34. Вакантные места // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1897. № 26. С. 277–279.
35. Распоряжения епархиального начальства // Подольские епархиальные ведомости. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1900. № 47. С. 416–424.
36. Памятная книжка Подольской губернии / сост. В. В. Филимонов. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1911. 812 с.
37. Отчёт о деятельности Каменецкого православного Иоанно-Предтеченского братства за 1910 год // Православная Подолия. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1912. № 1. С. 12–23.
38. Распоряжения епархиального начальства // Православная Подолия. Каменец-Подольск : Тип. Подольского губернского управления, 1907. № 4. С. 92–94.
39. Киреев В. Н., Родионов Н. Н. ЦКБ «Балтсудопроект» – ровесник отечественного транспортного флота // Морской вестник. 2005. № 3 (15). С. 16–20.

Поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 172–178
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 172–178
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-172-178>

Научная статья
УДК 336.742(47+57)|19|

Проблема золотовалютных резервов советского государства в 1920–1930-е годы

Е. И. Демидова^{1✉}, В. Н. Саранцев²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83
²Московский университет им. С. Ю. Витте, Россия, 115432, г. Москва, 2-й Кожуховский пр., д. 12, стр. 1

Демидова Елена Игоревна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, demidova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0298-355X>, Author ID: 738949
Саранцев Владимир Николаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики городского хозяйства и сферы обслуживания, kvnraritet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8046-239X>, Author ID: 429794

Аннотация. В статье выясняются золотовалютные возможности советского государства; обсуждается процесс формирования и использования советской властью золотоплатиновых средств государственного бюджета. На основе архивного материала анализируются состояние золотого запаса, источники пополнения, расходование валютных ресурсов. Выявлены способы накопления и вывоза из страны драгметаллов, создания государственных финансов и маневра имеющимся ресурсом. Рассматриваются вопросы деятельности концесий на примере «Лена-Гольдфильдс».

Ключевые слова: революционные преобразования 1920-х гг., золотовалютные ресурсы, добыча золота и платины, концессия, «Лена-Гольдфильдс», бюджет

Для цитирования: Демидова Е. И., Саранцев В. Н. Проблема золотовалютных резервов советского государства в 1920–1930-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 172–178. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-172-178>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of the gold and foreign exchange reserves of the Soviet state in the 1920–1930s

E. I. Demidova^{1✉}, V. N. Sarantsev²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia
²S. Y. Witte Moscow University, 2nd Kozhukhovskiy passage, 12 building 1, Moscow 115432, Russia

Elena I. Demidova, demidova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0298-355X>, Author ID: 738949
Vladimir N. Sarantsev, kvnraritet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8046-239X>, Author ID: 429794

Abstract. The article clarifies the gold and foreign exchange capabilities of the Soviet state, analyzes the process of formation and use by the Soviet government of gold-platinum funds of the state budget. On the basis of archival material, the state of the gold reserve, sources of replenishment, and the expenditure of foreign exchange resources are analyzed. The ways of accumulation and export of precious metals from the country, creation of public finances and maneuvering with the available resource are revealed. The issues of the activity of concessions are considered on the example of Lena-Goldfields.

Keywords: revolutionary transformations of the 1920s, gold and foreign exchange resources, gold and platinum mining, concession, Lena – Goldfields, budget

For citation: Demidova E. I., Sarantsev V. N. The problem of the gold and foreign exchange reserves of the Soviet state in the 1920–1930s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 172–178 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-172-178>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Человек с его способностями, умениями, навыками объективно всегда является главной ценностью и важнейшим фактором развития общества. Но для того, чтобы человеческий фактор

был этой данностью, необходимы определенные материальные ресурсы. Прежде всего, золото исторически является уникальным материалом и стратегическим резервом, вечным олицетворе-

нием и мерилom богатства и власти в мире людей, обладает некой сакральной ценностью. Таким его сделали сами люди, общество и социальные институты.

Вопросы истории золотодобычи, золотовалютных ресурсов рассматриваются как учеными различных научных направлений, так и практиками, и политиками. Авторы изучают в исторической ретроспективе вопросы производства золота, золотых запасов, трансграничные перемещения золота, динамику российских золотых резервов [1]. Различные аспекты «золотовалютного вопроса» проанализированы во многих работах отечественных историков [2, 3]. Большое внимание уделено теме продажи за рубежом художественных ценностей [4]. Историографическая ситуация сложилась достаточно интересная: много региональных научных исследований и научно-популярных публикаций, есть несколько обобщающих работ.

Российские социал-демократы к драгоценным металлам изначально относились с глубоким презрением. Известно, что В. И. Ленин, создатель и лидер РСДРП (б) – РКП (б), считал золото источником военных конфликтов и народных страданий. Однако его соратники, например Л. Д. Троцкий, на фронтах Гражданской войны награждали особо отличившихся красноармейцев и красных командиров золотыми монетами, часами, портсигарами, оружием. Причем такая традиция сохранилась вплоть до середины 1930-х гг. В архивных документах было обнаружено несколько заявок К. Е. Ворошилова. Одна из них датирована 1 июля 1933 г. В ней содержалась просьба «об отпуске из Госбанковского фонда 500 (пятьсот) золотых часов для наградного фонда НКВМора» [5, л. 149]. В другой заявке от 20 марта 1934 г. говорилось: «Разрешить Госбанку выдать Реввоенсовету 4 000 (четыре тысячи) золотых часов с наименьшим содержанием золота» [6, л. 13]. По решению И. В. Сталина с целью повышения ценности правительственных наград и некоторых знаков отличия стали использовать при их производстве драгоценные металлы и даже настоящие бриллианты. Хорошо известно, что мундир Генералиссимуса имел шитье золотыми нитками, а пуговицы на кителе были изготовлены из золота высшей пробы.

Провозглашение государственной монополии на банковское дело в 1917 г. – как следствие национализация частных коммерческих банков и всех кредитных учреждений, запрет на деятельность иностранных банков, практически полная ликвидация денежного обращения – отражали взгляды многих большевистских деятелей. Так, например, Юрий Ларин, один из создателей Госплана и сторонник ликвидации денежного обращения, считал, что «постоянное отмирание денег возрастает по мере возрастания организованности советского хозяйства, и деньги утратят своё значение как сокровище и останутся только

тем, чем они являются на самом деле: цветной бумагой» [7]. Вопросами финансирования и бюджетирования теперь занимается Наркомат финансов и подведомственные ему структуры, с 1920 г. – Бюджетно-расчетное управление Наркомфина. Бюджетная деятельность осуществляется в форме распределения средств, которых катастрофически не хватало, финансирование сократилось, а инфляция его обесценивала.

Казалось бы, еще перед началом Первой мировой войны в царской России был крупнейший в мире золотой запас, который насчитывал 1 млрд 695 млн руб. Однако в годы войны он существенно уменьшился, а события 1917–1920 гг. нанесли ему еще более ощутимый ущерб. Многие рудники, шахты и прииски были разрушены. Белые, красные, местные бандиты и просто лихие люди поджигали и взрывали оборудование, разоряли, тщательно скрывали самые многообещающие участки разработок, захватывали и бросали их. Часто тайные, тщательно скрываемые «хранилища» обнаруживались и разворовывались. В результате затраты на изыскания новых залежей возросли в арифметической прогрессии, а падение добычи снизилось до небывало низкого уровня. Общее количество золотоплатиновых запасов в стране упало еще на 182 т. Сегодня невозможно установить имена тех, кто использовал или истратил, а вероятнее всего, похитил на неизвестные, видимо, корыстные цели около 12 пудов драгметалла. Все утраченное в исторической литературе именуется, как правило, «золотом Колчака».

После завершения Гражданской войны в 1921 г. Совнарком провел ревизию золотодобывающих предприятий, их технического состояния. Выяснилось, что приисковых компаний в России насчитывалось более 400. На них работали около 6 000 старателей. Советское правительство провело национализацию и образovalo государственную компанию под названием «Лензолото» [8, л. 2–3, 6–10]. Оказавшееся в руках государства золото подлежало распределению по заявкам различных наркоматов. Средства ассигновывались на Тибетскую экспедицию (20 тыс. золотых руб.), на покупку ледокола (500 тыс. золотых руб.), на закупку двух самолетов и моторов (13,8 млн золотых руб.), на содержание Управления Уполномоченного Красного Креста в Нью-Йорке (29,1 тыс. долл.), на почтовые услуги РСФСР (452 тыс. золотых руб.), на закупку шести батарей для подводных лодок (170 тыс. золотых руб.). На выпуск иностранных газет и журналов нарком по делам национальностей И. Сталин потребовал 1,5 тыс. золотых руб. На помощь голодающим Поволжья в это же время решили выделить 10 тыс. золотых руб. либо эквивалентную ему сумму в инвалюте [8, л. 2–3, 6–10].

Стремясь повысить свой авторитет и расширить влияние в мире, советское государство

поддерживало международное рабочее движение и выделяло валюту македонским эмигрантам, шахтерам Англии, текстильщикам Индии и Франции, землекопам Германии, табачникам Греции, металлургам Саксонии, датским и норвежским рыбакам, финским лесорубам, бастующим пролетариям в различных странах. Деньги конспиративными путями поступали в Европу и Азию через представительство Коминтерна, Профинтерна, Крестинтерна, посольств и торгпредств РСФСР. Крестинтерн переводил на поддержку сельскохозяйственных рабочих незначительные суммы: от 500 инвалютных рублей до нескольких тысяч. В 1926–1927 гг. смета Крестинтерна составляла всего 124 тыс. руб. [9, л. 90]. Профинтерн был состоятельнее Крестинтерна и потому делал более щедрые переводы бастующим пролетариям: от нескольких тысяч до нескольких сотен тысяч золотых рублей. В 1926–1927 гг. валютная смета Профинтерна состояла из 550 тыс. руб. [10, л. 50]. Исполком Коминтерна в том же году на своих счетах имел 4,5 млн золотых руб. [10, л. 51]. Сумма ассигнований бастующим зависела от численности участников, их активности, решимости идти до конца, пропагандистского сопровождения и ожидаемых результатов.

Запасы ценностей сокращались, но предвидимого согласно марксистской теории революционного эффекта не обеспечивали. Революция в Европе все не наступала, хотя отдельные ее проявления в Германии, Венгрии, Македонии и Болгарии имели место. В марте 1921 г. большевики Украины «для специальных операций» на сопредельных территориях получили 750 тыс. золотых руб. [11, л. 23]. Аналогичная «операция» проводилась и в других пограничных республиках, например, в Белоруссии. Политбюро ЦК РКП (б) рассматривало вопрос о расширении территории Советской Белоруссии за счет Польши. На это выделялось значительное количество золотых ресурсов, которые предполагалось употребить частично на поддержку белорусов, проживающих на территории Польской Республики, а частично административным органам в Гомельской, Витебской и Смоленской губерниях [11, л. 101].

Невозможность быстрого восстановления добычи природного золота в советской России в прежних дореволюционных объемах сопровождалась резким количественным сокращением ранее накопленных сокровищ [12, л. 1–9]. По решению Политбюро ЦК РКП (б) была проведена ревизия золотоплатиновых запасов, которая показала, что в стране количество драгметалла уменьшилось до одной трети царских накоплений [12, л. 1–9]. Столь удручающее положение усугублялось тем, что обмен иностранных валют на советские дензнаки в начале 1920-х гг. осуществлялся по произвольному курсу и регулировался не биржевыми котировками, а посред-

никами-спекулянтами, разумеется, не в пользу РСФСР [3, с. 108].

В 1921 г. страна оказалась в условиях острой нехватки продовольственных ресурсов. Решение проблемы преодоления голода связывали с использованием золотоплатиновых запасов, дефицит которых уже остро ощущался. Государство закупало продовольствие и посевной материал для особо нуждающихся губерний. На приобретение за границей семян было затрачено 12 млн руб. [13, л. 1]. Продовольственное зерно, закупаемое в объеме 30–35 млн пудов обошлось казне РСФСР в 100 млн золотых руб. [14, л. 2–3]. Однако решить столь сложную задачу по удовлетворению населения продуктами питания все равно не удавалось. Большевицкое руководство ради получения дополнительных валютных средств рассматривало даже вопрос о продаже Японии острова Сахалин. Была создана специальная комиссия ЦК по определению его экономической и стратегической ценности [15, л. 1]. До операции купли-продажи дело не дошло, но комиссия по оценке природных ресурсов Сахалина представила доклад о возможности допуска Японских фирм для концессионной добычи нефти, угля и лесоразработок [16, л. 26]. Позволяя Японии осваивать Сахалин с помощью концессионных предприятий, советское правительство одновременно усилило надзор за иностранными фирмами, работавшими на острове. Горные округа Сахалина подчинили непосредственно Наркомату тяжелой промышленности. Выделили «надежных» коммунистов на должности начальников округов и квалифицированных инженеров на должности инспекторов, ввели должность уполномоченного Наркомата иностранных дел. Добились того, чтобы советских рабочих на концессиях было не менее 75% от общего количества работающих. А Наркомат тяжелой промышленности на усиление японских концессий ассигновал (чрезвычайно редкий случай) из резервного фонда Совнаркома 80 тыс. золотых рублей [17, л. 21–25].

Средства необходимо было экономить, и Политбюро ЦК ВКП (б) поручило Совету по труду и обороне сократить валютные расходы в 1928–1929 гг. на 20 млн руб. Необходимо «укрепить наши валютные ресурсы, при планировании затрат на промышленность и сельское хозяйство, индустриализацию и коллективизацию, которые максимально усилили бы наши экспортные и валютные возможности» [18, л. 46–47]. Поиск выхода из сложившегося положения привел большевиков к мысли о «необходимости расширения поиска, организации добычи, возобновления производства и продажи за границу драгоценных металлов», ведь к этому времени в Гохране оставалось всего 150 т драгметалла [19, л. 3]. Прежде всего, обратили внимание на самый дорогой цветной металл – платину. И правительство

решило, что продажа советской платины на мировых рынках требует повышения доли ее сбыта в сравнении с предыдущими годами и приближения квоты СССР, которую устанавливал Международный синдикат по реализации платины к довоенному уровню, т. е. до Первой мировой войны. Обсуждение «платинового вопроса» в некотором роде напоминает подготовку военной операции. «Борьбу с мировыми платиновыми фирмами, – говорилось в постановлении ЦК ВКП (б), – вести на основе пониженных реализационных цен (приемлемых для нас и не выгодных для противника) с целью сокращения производственных возможностей противника, расширения мирового потребления платины и увеличения нашей доли в мировом сбыте платины. ВСНХ представить соображения о снижении себестоимости нашей платины и расширения ее производства в ближайшие пять лет» [20, л. 31–32].

Огромные усилия были брошены на увеличение золотодобычи. К началу 1930-х гг. выработка выросла почти на 50%, но ЦК ВКП (б) констатировал недовыполнение плана. Дело в том, что в отрасли слабо работали старатели, которые дали только 46,2% от задания [21, л. 21]. Они считались наименее развитыми представителями рабочего класса, но подобная добыча была выгодна, так как давала золото немедленно. Причиной срыва добычи, по мнению И. Сталина, стала неэффективная работа «центрального аппарата» и его «структурных подразделений». Вождь обратил внимание чиновников Совнаркома уже традиционно на «засоренность руководящих кадров вредителями», «плохую геологоразведочную работу», слабое использование «механизации всех процессов», отсутствие подготовленных «инженерно-технических и управленческих работников», плохие условия жизни и работы, сбои в снабжении. Кроме того, промышленные предприятия поставляли на рудники, шахты и прииски некомплектные механизмы, еще и со значительными задержками [22, л. 21–22]. Реформирование золотодобывающей отрасли назрело давно, руководство страны закономерно поставило задачу по превращению золотодобычи в высокодоходную отрасль экономики. Предпринимались самые строгие организационные меры и устанавливались жесткие сроки внесения в Госбанк произведенного металла [21, л. 21]. Срыв поставок вел к серьезным оргвыводам: если это случалось с концессионерами, договор расторгался, а собственность изымалась без всякой компенсации [23, л. 30].

Программа добычи и скупки золота в 1929 г. дала казне 37,75 т драгметалла. В 1931 г. объем полученного золота вырос почти на 30 т, а к декабрю 1932 г. в Гохран поступило из разных источников 80 т, а два года спустя запас составил 128,5 т драгметалла [22, л. 18–24]. На получение драгметалла в стране работали несколько крупных добывающих трестов:

«Востокзолото», «Севцветметзолото», «Южцветмет», «Алтайцветметзолото». В городах золото скупал Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами. Для получения золотоплатинового лома наращивали производство аффинажные заводы, проводящие очистку золота и прочих драгоценных металлов от примесей, повсеместно собирали огарки, шлаки, шлихи, бой платиновых тиглей, выломку, лигатуру, а также соли этих металлов [21, л. 117].

Наращивание объемов производства драгметаллов требовало существенных капиталовложений и организационных усилий. Необходимо было изготовить и доставить на места десятки драг, экскаваторов, бульдозеров, тракторов, сотен грузовиков [24, л. 4, 8–13], обеспечить предприятия специалистами и «крепкими» управленцами [21, л. 165]. К началу 1935 г., преодолевая огромные трудности, под жестким административным контролем «Союззолото» успешно справилось с задачей добычи драгоценных металлов. Была фактически создана советская золотоплатиновая промышленность, которая состояла из аффинажных фабрик, иловых заводов, амальгамных предприятий и металлургических комбинатов.

В деле добычи золотоплатинового сырья большую роль сыграли концессии. Правительства некоторых нейтральных стран обратились к РСФСР с просьбой передать им в концессию часть заводов и отраслей золотоплатиновой промышленности. Сложное финансово-экономическое положение подтолкнуло советскую власть принять предложение. В октябре 1921 г. в повестку дня заседания Политбюро ЦК РКП (б) был включен вопрос «О создании единой комиссии по концессиям», утвержден ее персональный состав «включая Чичерина, Литвинова и Радченко» [25, л. 1]. Комиссии поручили подготовить текст соответствующего постановления Политбюро ЦК РКП (б). Таким образом, декларативное заявление решено было перевести в нормативную плоскость, что в перспективе дало возможность обосновать репрессии в отношении концессионеров, а в особых случаях и прекратить функционирование самой концессии. Нарушение соглашения, если можно было доказать злой умысел, каралось уголовным преследованием и конфискацией всего или части имущества концессионера. Сурово наказывали нанимателей и за нарушение законов о труде. Правительство полагало, что жесткие меры в дальнейшем можно будет усилить в соответствии со ст. 4 Декрета Совнаркома от 23 ноября 1920 г. «Об общих экономических и юридических условиях концессии». Но концессии были необходимы, так как государство остро нуждалось в восстановлении золотопромышленности [26, л. 2].

Переговоры о юридической стороне функционирования концессий продолжались более двух

лет, пока не создали смешанное Общество по реализации платины на внешнем рынке. Право выбора фирмы-посредника закрепили за Главным концессионным комитетом (ГКК) [27, л. 4]. Наиболее перспективный рынок продаж золота и платины был в США. Реализация драгоценных металлов в Америке предполагала выработку соответствующих согласительных документов, которые возможно было подписать лишь при нормализации отношений с США [28, л. 2, 7]. Но этого не произошло, и реализация платины началась в Германии и Франции [29, л. 2].

Интерес мирового рынка драгоценных металлов к советским золотоплатиновым ресурсам подтолкнул советское руководство к привлечению иностранных инвестиций в добывающую отрасль. В постановлении ЦК РКП (б) отмечалось: «Считать целесообразным сдачу золотоплатиновых предприятий в концессию на выгодных для нас условиях» [30, л. 2–7]. Однако вопрос выплат СССР по царским долгам и возмещению убытков английским подданным тормозил дело [31, л. 5]. В феврале 1924 г. ГКК выразил готовность подписать концессионный договор с «Лена-Гольдфильдс Лимитед» на условиях отказа британской стороны от финансовых претензий. Дело в том, что после октябрьских событий 1917 г. собственность предприятий «Лена-Гольдфильдс» в России была национализирована. Было принято предложение ГКК, которое гласило, что «концессия может быть прекращена до срока лишь в силу постановления Третейского Суда» [32, л. 154–155]. Кроме того, Совнарком выразил готовность вступать с концессионером в финансовые отношения через советские банки [32, л. 154–155].

В мае 1925 г. Политбюро ЦК ВКП(б) сместило Л. Д. Троцкого с поста наркома по военным и морским делам и назначило председателем ГКК. Первое решение комитета, принятое при новом руководителе, заключалось в невозможности отсрочки взноса авансов компанией «Лена-Гольдфильдс» [33, л. 3]. Поскольку Политбюро «солидарно» не соглашалось с председателем ГКК, его предложение отклонили. Концессионеру разрешили отсрочить выплату половины аванса 750 тыс. руб. золотом. Отказ от уплаты аванса в половинном размере означал финансовую несостоятельность концессии либо отсутствие намерения вести работы. И в том и в другом случае вина за срыв договора ложилась на концессионера. Конфликты возникали постоянно и нередко заканчивались разбирательством в ОГПУ [34, л. 5].

Проблемным был вопрос и о кредитовании предприятий концессионеров. В решении говорилось: «Ввиду того, что концессионные предприятия служат проводниками иностранного капитала в хозяйстве страны признать, что все затраты по их организации, эксплуатации и развиту, должны производиться за счет средств,

привлекаемых концессионером из-за границы, и доходов, получаемых от функционирования самих предприятий» [35, л. 2].

На долю золотодобывающих концессий в 1927 г. приходилась практически четвертая часть добытого драгметалла, хотя государство рассчитывало заготовить больше, около 11 200 кг [36, л. 24]. В постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) по разработке мероприятий для увеличения добычи золота вес сданного концессионерами металла был зафиксирован в размере 7 635 кг. Одной из причин столь значительной потери стал разрыв дипломатических и торговых отношений между Великобританией и СССР [37, л. 26]. Наркомат торговли, проведя ревизию долгов, пришел к выводу о том, что они у СССР значительно больше, чем предполагалось, а в Гохране оставалось только 10% от накопленных до 1917 г. средств [10, л. 47]. Между странами резко сократился торговый оборот, его объем упал до 45 млн фунтов стерлингов и продолжал снижаться, а импорт в 1928 г. составил всего 4,3 млн фунтов стерлингов. Начались поиски новых источников займов и получения кредитов во Франции, США, Германии, Швейцарии, Польше и Италии [38, л. 16]. Концессионный договор аннулировали и заменили соглашением о финансировании [9, л. 80], а в Англию прекратились поставки сырья из СССР [20, л. 63]. Так продолжалось около двух лет, пока в июне 1929 г. на всеобщих выборах в палату общин не победили лейбористы. Новые британские власти решили начать переговоры, но увязали восстановление отношений с предварительным разрешением некоторых конкретных вопросов [20, л. 7]. Однако Совнарком заявил, «что экономическое положение СССР теперь является более крепким, чем ранее, поэтому мы допускаем переговоры о заключении концессионного соглашения лишь на условиях решений Советской стороны». Великобритания и СССР 3 октября 1929 г. восстановили дипломатические и торговые отношения, но недоверие сохранялось. Комиссия Политбюро ЦК ВКП (б), проанализировав ситуацию, пришла к выводу, согласно которому практика экономической деятельности существующих концессий часто приводит к столкновениям с иностранными государствами. Поэтому ликвидация концессий стало делом ближайшего будущего. Концессии разделили на три группы: с первой следовало вести «любимые» переговоры о ликвидации; со второй необходимо было экономически сотрудничать в соответствии с международными договорами, создавая им нормальными условиями работы; с третьей – отношения прекратить [20, л. 107–108].

Великобритания и СССР, не успев обменяться послами и торговыми миссиями, вступили в новый конфликт. От концессионеров «Лена-Гольдфильдс» в третейский суд поступил

иск. В ответ Советское правительство подало встречный иск по 35-ти статьям концессионного договора [32, л. 92–93]. Советская и заграничная печать наперебой стали публиковать статьи о работе третейского суда [32, л. 174]. Политбюро ЦК ВКП (б) заявило, что если суд будет ликвидирован, не вынося никакого решения, то правительство удовлетворит претензии кредиторов «Лена-Гольдфильдс» из Германии в размере 13,5 млн рейхсмарок и передаст его в руки немцев [21, л.155–154].

Очевидно, что задача состояла в том, чтобы принудить британских представителей «Лена-Гольдфильдс» принять на себя ответственность за разрыв отношений с СССР. Кроме того, Политбюро отменило положение о продаже золота в Великобританию, разрешив Госбанку реализовать его в Германии на сумму в 30 млн золотых руб. [21, л. 6]. Оборудование, ранее принадлежавшие концессии «Лена-Гольдфильдс», поступало в распоряжение предприятий созданного «Востокзолото» в отремонтированном и годном для эксплуатации состоянии, ремонт должен быть осуществлен за счет концессионера. На правительство возлагались обязанности по возобновлению функционирования предприятий бывшей концессии «Лена-Гольдфильдс» [21, л.135]. Свообразную «точку» в проблеме поставили И. В. Сталин и В. М. Молотов, которые выступили с предложением закончить дело обещанием уплаты «Лена-Гольдфильдс» вместе с ее кредиторами максимум 8–10 млн руб. с рассрочкой на 6–7 лет с условием выдачи концессионерам документа об отказе от всяких претензий и полной ликвидации дела [39, л. 152]. В таком случае разрыв отношений не причинил бы стране серьезного ущерба.

Добыча золота и платины в целом росла и расширялась, но и нужда в валютных средствах не ослабевала. Политбюро инициировало продажу за границу антикварных ювелирных изделий, нумизматических редкостей и художественных ценностей. В Госторге в конце лета 1928 г. была образована «Главная контора по скупке и реализации антикварных вещей» – «Антиквариат». В ноябре 1929 г. она была преобразована во Всесоюзную Государственную Торговую Контору «Антиквариат» с широкими полномочиями и перешла из ведения Госторга РСФСР к Внешторгу СССР. «Антиквариат» под руководством слабо разбирающихся в искусстве, но главное – большевиков-партийцев развернул активную деятельность по выявлению и реализации «уникальных предметов» [40, л. 25]. За границу «сбыли» картины Рафаэля, Тициана, Пуссена, Ван Эйка, Рембрандта, коллекции нидерландской и фламандской живописи и многое другое. Масштабная реализация за границу художественных музейных ценностей практически прекратилась после 1933 г., а Всесоюзная торговая контора «Антиквариат» была закрыта в октябре

1937 г. Пополнялся бюджет и за счет реализации драгоценных камней. Скупкой бриллиантов в 1930-е гг. занимались Северная, Ленинградская, Западная, Московская, Ивановская, Горьковская, Центрально-Черноземная, Башкирская, Татарская, Средне – и Нижне-Волжская, Крымская, Северо-Кавказская, Казахская, Киргизская, Западно- и Восточно-Сибирская, Дальневосточная и Якутская конторы Торгсина.

Источником валютных поступлений являлись также деликатесные продукты – икра рыб осетровых пород, балыки и пушнина [39, л. 135, 142]. Огромное значение в получении валютных кредитов играло продовольственное зерно. В 1930 г. Сталин писал: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут» [41, с. 194]

Серьезной проблемой в послереволюционные годы для советской власти стал «денежный» вопрос. Естественно, рабоче-крестьянскому государству необходимы были валютные средства. Большая часть «старых» золотовалютных запасов была потрачена. Низкий образовательный уровень работников финансовых органов, достаточно быстрое сокращение золотовалютных ресурсов и возможностей, высокие темпы инфляции, классовая солидарность и помощь революционному движению в условиях Гражданской войны способствовали значительному ухудшению ситуации. Следовало искать все возможные и невозможные источники пополнения финансовых валютных «закров», что, собственно, и делалось: наращивались добыча и продажа драгоценных металлов и камней, художественных ценностей, котирующихся на мировом рынке деликатесных продуктов. Большие надежды возлагались на деятельность концессий, которые практически все до 1927 г. положительно влияли на валютные ресурсы страны.

Список литературы

1. Катасонов В. Ю. Золото в истории России : статистика и оценки. М. : МГИМО(У) МИД России, 2009. 312 с.
2. Сапоговская Л. В. Золото в политике России (1917–1921 годы) // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 31–47.
3. Саранцев В. Н. Золотовалютные ресурсы советского государства : источники, производство, расходование (1920-е гг.) // Власть. 2018. № 3. С. 106–113.
4. Осокина Е. А. На большой дороге с рембрандтами : из истории «Антиквариата» // Родина. 2006. № 9. С. 95–105.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991)). Оп. 162. Д. 14.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16.
7. Ларин Ю. Деньги // Экономическая жизнь. 1920. 7 нояб.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 239.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4.

11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 325 (Коллекция документальных материалов по золотоплатиновой промышленности периода ВСНХ (Главзолото). 1918–1930). Оп. 1. Д. 163.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 143.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 179.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 364.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 7.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 20.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 873.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 618.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 652.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 220.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 311.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 351.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 323.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 365.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 324.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 367.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 479.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 534.
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 533.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 642.
37. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 662.
38. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10.
40. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11.
41. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. : сборник документов. М. : Издательский центр «Россия молодая», 1995. 147 с.

Поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

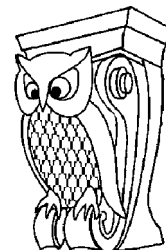

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 179–186
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 179–186
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-179-186>

Научная статья
УДК [322+271.2-726.4](47+57)|1937|+929Власов

На пороге Большого террора: диакон старообрядческих моленных Иван Афанасьевич Власов и дело московского неокружнического старообрядческого духовенства 1937 года

В. В. Никонов

Гжельский государственный университет, Россия, 140155, Московская область, Раменский р-н, пос. Электроизолятор, д. 67

Никонов Вадим Вадимович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, nikonova-box2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9585-564X>, Author ID: 732090

Аннотация. В статье на примере дела московского неокружнического старообрядческого духовенства исследуется механизм политических репрессий в отношении верующих. Центральной фигурой статьи выбран диакон старообрядческой моленной Иван Афанасьевич Власов как характерный тип священнослужителя 1930-х гг., крестьянин по происхождению, дважды арестовывавшийся, но не изменивший своей вере. Рассматриваемое следственное дело представляет собой образец процесса над наиболее обособленной частью христиан – старообрядцами, привлекавшими пристальное внимание органов НКВД своей замкнутостью и стойкостью в вере. Причиной ареста стали показания арестованного прежде старообрядческого священника, совпавшие по времени с кончиной одного из неокружнических иерархов – епископа Геннадия (Лакомкина). В результате были репрессированы семеро старообрядцев-неокружников, среди которых оказались священнослужители, активные члены общины и один епископ. В начале июля 1937 г. все они были осуждены к разным видам и срокам наказания, наиболее суровым из которых стало 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Утверждается, что если бы дело по обвинению старообрядцев-неокружников затянулось на три недели и рассматривалось уже после вступления в силу приказа НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г., положившего начало периоду Большого террора, то приговоры стали бы более жестоким.

Ключевые слова: Большой террор, диакон Иоанн Власов, неокружники, новинковская моленная, политические репрессии, старообрядчество

Для цитирования: Никонов В. В. На пороге Большого террора: диакон старообрядческих моленных Иван Афанасьевич Власов и дело московского неокружнического старообрядческого духовенства 1937 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 179–186. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-179-186>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the threshold of the Great Terror: Deacon of the Old Believers Ivan Afanasievich Vlasov and the case of the Moscow Neocircular Old Believers clergy of 1937

V. V. Nikonov

Gzhel State University, 67 village Electrical insulator, Ramensky district, Moscow region 140155, Russia

Vadim V. Nikonov, nikonova-box2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9585-564X>, Author ID: 732090

Abstract. The article examines the mechanism of political repression against believers by the example of the case of the Moscow neocircular Old Believer clergy. The central figure of the article is the deacon of the Old Believers prayer Ivan Afanasievich Vlasov as a characteristic type of clergyman of the 1930s, a peasant by origin, who was arrested during collectivization, but did not change his faith. The investigative case under consideration is a sample of the trial of the most isolated part of Christians – Old Believers, who attracted the close attention of the NKVD bodies by their isolation and the steadfastness in faith characteristic of the Old Believers. The reason for the arrest was the testimony of a previously arrested Old Believer priest, which coincided in time with the death of one of the neocircular hierarchs – Bishop Gennady (Lakomkin). As a result, seven non-Orthodox Old Believers were repressed, among whom were clergymen, active members of the community and one bishop. At the beginning of July 1937, all of them were sentenced to different types and terms of punishment, the most severe of which was five years of correctional labor camps. The article claims that if the case against the Old Believers-neokruzhniki dragged on for three weeks, and was considered after the

entry into force of the NKVD order "On the operation to repress former kulaks, criminals and other anti-Soviet elements" of July 30, 1937," which marked the beginning of the period of the Great Terror, the sentences would have become heavier.

Keywords: the Great terror, deacon John Vlasov, neokruzhniki, Novinkovskaya prayer, political repression, Old Believers

For citation: Nikonov V. V. On the threshold of the Great Terror: Deacon of the Old Believers Ivan Afanasievich Vlasov and the case of the Moscow Neocircular Old Believers clergy of 1937. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 179–186 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-179-186>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Вскоре после революции 1917 г. советское государство решительно выразило свою враждебную позицию по отношению к Церкви, что уже в начале 1918 г. было законодательно закреплено в Декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». При этом большевики всегда живо интересовало все, что происходит за церковной оградой. Для получения информации использовался широкий спектр мер от ежегодно составляемых отчетных документов до внедрения осведомителей в церковную среду и вербовки информаторов среди верующих и духовенства. Кроме того, одним из постоянно используемых рычагов воздействия на «церковников» с первых лет победы революции были и оставались прямые репрессии. Оказавшись при новой власти гонимой, Церковь постепенно становилась все более отвергаемым официально сообществом людей, сохраняющих веру в тяжелых условиях морального и физического насилия со стороны государства. Однако среди граждан СССР существовали особенно замкнутые группы верующих. Это были старообрядцы.

Старообрядчество делится на два основных направления – приемлющих священство и отвергающих его. Среди первых основная часть относится к Белокриницкому согласию, которое во второй половине XIX в. разделилось на тех, кто поддержал так называемое «Окружное послание», подписанное древлеправославным архиепископом Московским и всея Руси Антонием (Шутовым), и тех, кто его не принял, т. е. – окружников и неокружников. Целью Окружного послания было утвердить единство верования в противовес распространявшимся устным и записанным традициям. Кроме того, в Окружном послании прямо подчеркивалось догматическое единство с господствовавшей Церковью и содержался призыв поддерживать правительство и молиться за царскую фамилию [1, с. 521]: «Завещаем и молим, творити молитвы... о здравии и спасении и о царстей победе... богохранимого и великого государя нашего, царя и великого князя, Александра Николаевича... да Господь Бог соблюдет его здрава, мирна... да подаст ему победу на враги, да оградит державу его миром и покорит под нозе его врага и супостата» [2, с. 415].

Позиция, выраженная в Окружном послании, оказалась близка не всем древлеправославным христианам, что привело к еще одному размежеванию, теперь по признаку отношения

к Посланию. Это разделение прошло не просто между различными приходами, а в некоторых случаях прямо по существовавшим прежде как единое целое общинам [3, с. 141]. Именно так случилось в с. Чулково Бронницкого уезда Московской губернии, где из одной Михаило-Архангельской общины образовались две – окружническая и неокружническая.

Документы 1920-х гг. о перерегистрации обеих чулковских общин дают выразительную картину их жизни бок о бок. В деле каждой общины имеются списки ее членов. Весьма показательным может оказаться анализ селений, где проживали чулковские окружники и неокружники. Так, например, члены «религиозного общества при старообрядческом (неокружников) храме при д. Чулково» были родом из сел Еганово и Михайловская Слобода, а также деревень: Чулково, Какузево, Тяжино и Кулаково [4, л. 549, 549 об.]. В списке членов церковного Совета общины, помимо жителей Чулково, присутствуют также верующие, проживавшие в приходе единоверческого Михаило-Архангельского храма в Михайловской Слободе (к нему же относилась д. Кулаково), Покровского храма с. Еганова, относившегося, как тогда говорили, «к господствующей Церкви», а также д. Тяжино [4, л. 550].

Подобная картина в то же самое время наблюдалась в среде старообрядцев, принявших Окружное послание. Среди членов общины, помимо уроженцев перечисленных селений, встречаются также жители сел Мячкова и Новорождествова и деревень Дурниха, Островцы, Заозерье и Сельцо (все перечисленные селения относились к приходам Русской Православной Церкви), причем таковых в общей сложности оказалось больше, нежели жителей собственно Чулково [5, л. 3–<неразб.>]. И среди десяти членов церковного Совета чулковских старообрядцев-окружников только пятеро проживали в Чулково, а остальные – в Михайловской Слободе, Кулакове, Дурнихе, Какузеве и Еганове [5, л. <неразб.>].

Таким образом, географической границы между окружниками и неокружниками в Чулково не существовало, при этом все они были друг другу знакомыми, а часто и родственниками. Однако у каждой общины был свой причт, и в неокружнической чулковской Михаило-Архангельской общине он состоял из священника Семена Прокопьевича Иванова, который до революции был простым крестьянином и дьячком,

а после революции стал священноиереем¹, и Ивана Афанасьевича Власова, также в прежние времена занимавшегося крестьянством, а теперь посвященного во диакона [4, л. 551].

Наиболее полные сведения об Иоанне Власове содержатся в следственном деле, заведенном на нескольких старообрядческих священно-и церковнослужителей 19 апреля 1937 г. В тот день было подписано постановление о принятии дела к производству [6, л. 1–1 об.], в котором помощник оперуполномоченного УНКВД по Московской области, рассмотрев материал «на гр. гр. Колесникова К. И., Золотарева А. Д., Мамонова Д. В., Власова И. А. и др.», нашел в их деяниях признаки преступления, предусмотренного ст. 58–11 УК РСФСР.

Пункт 11 ст. 58, в отличие от широко известного п. 10 (антисоветская агитация и пропаганда), применялся относительно редко и, как правило, в тех случаях, когда репрессировать конкретного человека или группу людей было «надо», но каких-то веских оснований для этого не усматривалось. Деяния по п. 58–11 описывались так: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой» [7, с. 42]. Познакомившись с делом, по которому был осужден диакон Иоанн Власов, становится ясно, что никаких противоправных действий его участники не производили, а вся их «вина» заключалась в том, что они изредка собирались вместе. Но поскольку все люди, находившиеся внутри церковной ограды, внушали властям подозрение, то и старообрядцы, представлявшие собой еще более закрытую общность, даже в сравнении с верующими, относившимся к Русской Православной Церкви, становились предметом пристального внимания НКВД.

Всего в апреле 1937 г. по делу старообрядцев-неоокружников в г. Москве было арестовано 7 чел.: Клементий Иванович Колесников (епископ Конон); Петр Иванович Карасев (попечитель новинковской старообрядческой моленной в Москве); Федор Васильевич Мамонов (инвалид по зрению – слепой); Павел Андреевич Сурогин; Даниил Федорович Золотарев (старообрядческий священник г. Боровска); Максим Иванович Цветков (инвалид по зрению – слепой) и диакон Иван Афанасьевич Власов.

В постановлении «Об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения», составленном в отношении И. А. Власова 27 апреля 1937 г., он назван «протодьяконом моленной старообрядцев-неоокружников дер. Новинки» [6, л. 39]. Из анкеты, составленной сразу после ареста, выясняется, что Власов Иван Афанасьевич родился 27 марта 1872 г. в д. Ботогово Куровского района²

Московской области. Происходил из крестьян-середняков. Образование получил начальное, окончив 2 класса сельской школы. С 1894 по 1897 г. служил в царской армии ефрейтором, в Красной армии не служил. Был женат. Жене Марии Федотовне, домохозяйке, на момент ареста мужа было 65 лет. Проживали супруги в поселке Перерва (ныне – район Москвы) в доме 22 по Пролетарской улице [6, л. 42–42 об.].

Сохранились также две характеристики, написанные об Иване Афанасьевиче председателями сельсоветов – Перервинского и Ботоговского.

Первая, написанная в Перерве, датирована 11 декабря 1934 г., что, во-первых, означает, что И. А. Власов проживал здесь, по крайней мере, с 1934 г., и, во-вторых, что какие-то органы власти в то время уже интересовались его персоной, если затребовали характеристику. В ней говорится, что «Власов Иван Афанасьевич... является служителем религиозного культа. Первое время в Лефортовской церкви, а последнее время – дьякон при селении Новинки Ленинского района, старообрядческой неоокружников» [6, л. 44]. Текст характеристики не позволяет установить, какое именно ведомство ее затребовало. Вторая характеристика, написанная 11 мая 1937 г., т. е. в то самое время, когда Иван Афанасьевич находился под арестом, очевидно, была запрошена органами НКВД, однако ничего предосудительного не содержала: «Характеристика от Ботоговского с/совета Куровского района М. О. на гр-на дер. Ботогово Власова Ивана Афанасьевича. Семейное положение состоит из 7 лиц: жена и 5 чел. детей, сам – пенсионер 2-й группы, уроженец дер. Ботогово, прав не лишался и не лишен. Социально положение – к-зник. Осенью 1936 г. сгорел, причина пожара – шаловство детей. В настоящее время в мае месяце сего года выстроил дом, двор, сени, имеет корову. После сгорания жил в помещении с/совета в задней избе. Родители до революции занимались крестьянством, прав голоса не лишились» [6, л. 43].

Текст характеристики содержит информацию, которая позволяет реконструировать ряд подробностей жизни диакона Иоанна Власова. Во-первых, очевидно, что писалась характеристика человеком, который об аресте Власова не знает. Об этом свидетельствует фраза о построении нового дома в мае «этого» года, т. е. 1937 г., но И. А. Власова, как будет показано далее, арестовали в апреле. Во-вторых, характеристика свидетельствует о том, что некоторое время И. А. Власов вместе с семьей проживал в Ботогове, где имел дом и скотину. Следовательно, его проживание в Перерве носило временный, возможно, даже служебный характер. В-третьих, из текста характеристики узнаем, что в семье Власовых было 5 чел. детей, однако «...со слов Власова, он не имеет с ними связи». И, наконец, в-четвертых, характеристика представляет нам совершенно законопослушного советского

человека. О религиозном служении И. А. Власова не сказано ни слова, зато имеется информация о том, что он никогда не лишился избирательных прав, но, мало этого, – выясняется, что он был членом колхоза. Кроме того, как видно из характеристики, после пожара семейство диакона Иоанна в течение нескольких месяцев – с осени 1936 г. по май 1937 г. – проживало не где-нибудь у знакомых или родственников, как это всегда бывало на селе, а в помещении, принадлежавшем сельсовету, что, несомненно, свидетельствует о его полной политической благонадежности, по крайней мере, для местных властей. Трудно сделать какие-то однозначные выводы из всего сказанного. Можно лишь предположить, что некоторые обстоятельства жизни диакона Иоанна не были известны на его родине. Сам он жил на два дома – в Ботогове, где у него были хозяйство и семья, и в Перерве, откуда он приезжал на богослужения в Новинковскую моленную и по иным церковным делам. Кстати, Перерва и Новинки располагались по соседству, можно сказать, «в шаговой доступности». Здесь следует учитывать вынужденный скрытый образ жизни, характерный для старообрядцев в советское время. Косвенным подтверждением такой версии может служить приведенное выше свидетельство самого Ивана Афанасьевича о том, что связь с детьми у него прервана.

Что же собой представляла Новинковская моленная? В современных справочниках она фигурирует как «Молитвенный дом иконы Божией Матери Казанская в Новинках». Согласно информации, содержащейся на портале «Храмы России», расположена она была «в Московском уезде, в деревне Новинки на Большой улице». Ныне это территория Москвы, район проспекта Андропова³. Богослужения здесь проводились с 1820-х гг. «Общественная моленная в Новинках, по официальным данным, существовала с 1828 г., представляла собой двухэтажное здание с каменным верхом и деревянным низом. Разрешение на ремонт получено в 1898 г., однако фактически выстроена новая бревенчатая моленная с небольшой главкой. В 1925 г. упомянута как церковь, имеющая колокольню. Значительный неокружнический центр, распространявший свою деятельность на все окрестные селения. Закрыта в 1936 г., в следующем году сломана» [8].

Вернемся к событиям апреля 1937 г., когда были произведены аресты группы новинковских старообрядцев. Большинство из перечисленных выше лиц были арестованы в один день – 27 апреля, точнее, в ночь с 27 на 28 апреля. Согласно материалам дела обыск и арест на квартире у Ивана Афанасьевича Власова в Перерве происходили 28 апреля, но, как можно представить, это было самое раннее утро. При обыске присутствовал председатель местного сельсовета и еще один человек без указания должности – вероятно, сосед, вызванный в качестве понятого. То ли

потому, что это было не основное жилье арестованного, то ли по какой-то иной причине, но в протоколе имеется запись: «Пре обыске у Грна Власова Ивана Афанасьевича нечево не оказалось» [6, л. 41–41 об.]. Затем Иван Афанасьевич был арестован и переправлен в тюрьму, где с его слов была заполнена анкета, процитированная выше.

В тот же день, 28 апреля 1937 г., Власова допросили [6, л. 78–79 об.]. В анкетной части протокола допроса он фигурирует как «протодьякон старообрядческой моленной в селе Новинки», причем по социальному положению, как до революции, так и после нее, показан служителем культа. Ни слова о членстве в колхозе, как о том писалось в характеристике с места рождения, здесь не было. Сообщаются некоторые дополнительные подробности о детях. Так, узнаем, что старшие сыновья – Терентий 37 лет, и Михаил 35 лет, работают в Москве. Сын Иван 28 лет работает слесарем, но где – неизвестно. Кроме того, имеется еще дочь Александра 28 лет, о которой вообще никаких сведений нет. И здесь опять уже известная приписка: «С ними связи не имею».

Еще одна важная информация содержится в анкетной части протокола допроса. Выясняется, что в 1930 г. Иван Афанасьевич «был арестован органами НКВД в д. Чулково Раменского района. Был освобожден по отбытии 37 дней» [6, л. 78 об.]. Следственного дела 1930 г., откуда можно было бы почерпнуть подробности этого непродолжительного ареста, пока обнаружить не удалось. Согласно общим тенденциям того времени в 1930 г. арестовать диакона могли под предлогом сопротивления колхозному строительству, что было тогда типичным обвинением, предъявляемым всем неугодным, а священнослужителям – особенно часто. За такую деятельность люди получали, как правило, 3 года высылки. Все работало по отработанной властями схеме, расхождения были в деталях. Но тот факт, что Иван Афанасьевич провел в заключении 37 дней, после чего был освобожден, свидетельствует о том, что накатанная схема в его случае дала сбой. 37 дней – чуть больше месяца – это средний срок следствия рубежа 1920–1930-х гг. Следовательно, диакон Иоанн Власов фактически был освобожден сразу после его окончания, иными словами, оправдан. Теоретически в рассматриваемый период это было еще возможно. Только так можно объяснить запись в анкетной части его допроса 1937 г. Не делая никаких предположений, отметим, что для сотрудников НКВД И. А. Власов являлся, таким образом, человеком, прежде судимым по политической статье. Кроме того, факт ареста диакона Иоанна в Раменском районе представляется важным, так как, возможно, именно он стал причиной того, что ему пришлось уезжать из Чулково в поисках нового места служения.

Тематика вопросов, предложенных И. А. Власову, сразу определила, что следствие интересовало внутренние связи в среде старообрядческого духовенства. В самом начале допроса следователь спросил об отношениях диакона Иоанна с незадолго до этого скончавшимся старообрядческим епископом Геннадием⁴, и когда он примкнул к почившему владыке. «До лета 1936 г. я был против епископа, – отвечал И. А. Власов, – однако после закрытия церкви в Лефортове в Москве, я дал слово епископу Геннадию быть ему верным и с этого времени стал его сторонником». Следователь спросил, давал ли арестованный присягу епископу. Тот ответил, что присяги не давал, но «только подходил к епископу под прощение»⁵. Дальше начались вопросы о том, с какими старообрядческими священниками приходилось общаться диакону Иоанну и в каких собраниях он участвовал. И. А. Власов назвал несколько имен, уже известных следствию, добавив, что ни на каких тайных собраниях он не был, а все духовенство вместе встречал лишь несколько раз. В последний раз – на похоронах епископа Геннадия, после которых он даже не остался на поминки, а сразу уехал домой. Была еще большая служба в Боровске, где диакон Иоанн также присутствовал, но это никак нельзя назвать собранием старообрядцев, тем более тайным.

Через месяц, 28 мая 1937 г., И. А. Власова снова вызвали на допрос [6, л. 80]. На этот раз следователя интересовало, писал ли диакон Иоанн какие-либо письма контрреволюционного содержания под диктовку покойного епископа Геннадия для священников Украины и Кавказа. Арестованный дал отрицательный ответ, после чего следователь задал обычный вопрос, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении. Следует отметить, что в материалах дела не сохранилось никакого документа, по которому можно было бы составить хоть какое-то представление о том, в чем, собственно, оно состояло. Иван Афанасьевич в предъявленном (а лучше сказать, в непредъявленном) обвинении виновным себя не признал, и на этом второй допрос закончился.

И на следующем, третьем допросе, состоявшемся вскоре – 1 июня 1937 г., И. А. Власов отвечал также уверенно, хотя следователь на сей раз действительно предъявлял ему весь обычный набор обвинений. «Следствием установлено, – настаивал следователь, – что вы являлись участником к/р организации старообрядцев неокружников и неоднократно участвовали в нелегальных совещаниях... Вы вели антисоветскую к/р агитацию... Вы писали письма к/р содержания под диктовку Геннадия для отсылки на Украину и на Кавказ». Все обвинения диакон Иоанн упорно отрицал [6, л. 80 а].

Дальнейшие материалы дела позволяют установить, что органы НКВД обратили

свое внимание на старообрядцев-неокружников по вполне прозаической причине. Резонно опасаясь любых попыток консолидации среди церковников (не только старообрядцев, но вообще людей Церкви), власти стремились любыми путями мешать объединению верующих. Для этой цели использовались самые разные средства – запугивание, шантаж, интриги и пр. Но наиболее чувствительными и действенными применяемые меры оказывались в переломные моменты жизни общин. Кончина одного из признанных церковных авторитетов, каким был неокружнический епископ Геннадий, очевидно, стала таким моментом. Поэтому все, кто входил в его ближний круг, сразу оказались в сфере внимания органов НКВД и вскоре были арестованы. То, что еще в 1936 г. от имени епископа Геннадия рассылались письма по южным областям СССР, скорее всего, тайной для властей не было, равно как и то, что никакой контрреволюционной агитации эти письма не содержали. Просто с его кончиной представился удобный момент, чтобы арестовать очередную группу духовенства, что и было сделано.

Что же касается епископа Геннадия, то он по мере сил заботился лишь об устройении вверенной ему паствы, о чем свидетельствуют некоторые сохранившиеся его послания [6, л. 56]. Другой вопрос, что забота епископа о Церкви, вполне естественная и составляющая его основную обязанность, с точки зрения советской власти, сама по себе являлась чуть ли не преступлением, хотя никакого преступления даже по советским законам епископ Геннадий не совершал. Не было ничего предосудительного и в послании неокружнического священника Даниила Золотарева епископу Конону (Колесникову) [6, л. 55–55 об.], где он сообщал о кончине владыки Геннадия, что не помешало вскоре обоим стать обвиняемыми по рассматриваемому делу.

Кончина московского епископа Геннадия собрала воедино представителей духовенства и активных мирян нескольких неокружнических общин, объединившихся вокруг Новинковской моленной, где и проживал в последнее время перед смертью почивший владыка, что сделало возможным и удобным для органов НКВД арестовать их всех разом. При этом, как отмечалось ранее, никаких конкретных обвинений, кроме надуманных контрреволюционной агитации и нелегальных собраний, предъявить им возможности не было. Даже в Обвинительном заключении [6, л. 97–100] по делу неокружнического старообрядческого духовенства, где, казалось бы, каждая фраза должна утверждать вину арестованных, поначалу все формулировки выглядели неубедительно: «Произведенным по делу следствием, – говорилось в документе, – установлено, что, начиная с лета 1936 г. проживающий в сел. Новинках старообрядческий епископ неокружников Геннадий (ныне

умерший), объявив себя единственным старообрядческим епископом, организовал из активных старообрядцев... организацию, проводил к-р работу по сплочению старообрядческих общин всего Советского Союза, вербовал верующих и священников, ранее примыкавших к другим епископам, подводил их под присягу быть верным ему и бороться с безбожием». Понимая, вероятно, что таким Обвинительное заключение быть не может, его составитель добавил, что епископ Геннадий якобы внушал верующим и распространял среди них «клеветнические и к-р фашистские настроения. Имея обширную переписку по Советскому Союзу с старообрядцами, Геннадий в письмах на имя общин верующих давал в августе м-це 1936 г. контрреволюционное толкование Сталинской конституции и обосновывал цитатами из священного писания, предвещающая гибель безбожникам при помощи Германии» [6, л. 97–100].

Эти обвинения были вполне серьезными. Возникал главный вопрос: имелись ли для них какие-либо основания? К сожалению, такие основания у следствия были. Можно говорить об их неубедительности, но формальный повод для обвинения всех, проходивших по делу вместе с диаконом Иоанном Власовым, у органов НКВД имелся. Этим поводом стали материалы дела старообрядческого священника из г. Коломны Романа А.⁶, арестованного незадолго до описываемых событий, который на допросах, главным образом касавшихся его взаимоотношений с епископом Геннадием, обмолвился о том, что ему знакома целая группа лиц, «разделяющих взгляды Геннадия» [6, л. 51], и сообщил следователю фамилии членов группы. Это были имена арестованных в апреле 1937 г. старообрядцев. Теперь следователю оставалась лишь техническая работа. «Что же, – спросил он, – эта группа лиц настроена против советской власти?» Заметим, что допрашивали отца Романа по делу, не имевшему прямого отношения ко всем перечисленным лицам. При чтении протокола создается впечатление, что он мог бы просто ответить отрицательно, и разговор пошел бы в другую сторону. Но отец Роман отвечает: «Да, вся эта группа настроена против советской власти. Все они являются активом старообрядческой общины и имеют среди верующих авторитет». Эту фразу следователь жирно обводит красным карандашом. Показания отца Романа заняли целую страницу машинописного текста, напечатанного весьма плотно. Здесь имелись сведения и о самом епископе Геннадии, который, по словам обвиняемого, именовал себя «епископом старообрядцев-неокружников всего союза» и утверждал, что все старообрядцы, кто не почитает его, есть еретики. Кроме того, отмечалось, что «со стороны епископа Геннадия было стремление объединить и возглавить всех старообрядцев-неокружников... Такое объединение имело цель – усиление

старообрядческого течения в советском союзе (так в тексте. – В. Н.) и укрепляло старообрядческую организацию. Тем более, епископ Геннадий вел одновременно обработку священников и преданных прихожан в духе антисоветском» [6, л. 51 об.]. Здесь следователь, естественно, потребовал конкретики, и обвиняемый ее предоставил, показав, что «после опубликования Сталинской Конституции к епископу Геннадию поступало много писем от священников из разных мест – с Украины и с Кавказа, в которых священники спрашивали, как им относиться к Конституции. Епископ Геннадий отвечал священникам, что новая Конституция – обман народа, что никакого освобождения для верующих она не принесет и что все останется без изменения» [6, л. 51 об.]. Но мало этого, по словам обвиняемого А., епископ предлагал и священникам разъяснять такие его взгляды на своих приходах, что выглядело, конечно, уже серьезным преступлением. Для распространения контрреволюционной агитации у епископа Геннадия были помощники, которые и писали письма под диктовку владыки. Этими помощниками, помимо самого отца Романа, были, по словам последнего, И. А. Власов и П. И. Карасев. Надо сказать, что отец Роман не ограничился показаниями на лиц, арестованных в апреле 1937 г., и на следующем допросе [6, л. 53] назвал имена еще нескольких человек, судьбу которых мы не будем проследивать, так как это выходит за рамки обозначенной темы.

Таким образом, в основу обвинений, выдвинутых против духовенства и мирян – старообрядцев-неокружников – весной 1937 г., легли показания арестованного несколькими месяцами раньше священника Романа А., а поводом стало желание властей предотвратить консолидацию церковников, которая вполне могла произойти вследствие кончины авторитетного иерарха епископа Московского Геннадия.

Рассматриваемое дело выделяется из огромного списка подобных дел тем, что в нем фактически отсутствуют показания свидетелей. В деле имеются короткие показания двух крестьян д. Новинки [6, л. 85–88], в которых они не только не сообщают следствию абсолютно никаких новых сведений, но даже не приписывают кому-либо из обвиняемых хоть какие-то контрреволюционные высказывания. Фактически единственным свидетелем по делу, сам того не желая, выступил священник Роман А. Все остальное обвиняемые рассказали про себя сами. Рассказали, чтобы потом полностью подтвердить свою вину. В Обвинительном заключении об этом так и сказано: «Будучи привлечены к ответственности в качестве обвиняемых: Колесников К. И., Золотарев Д. Ф., Карасев П. И., Мамонов Ф. В., Суругин П. А., Цветков М. И., в предъявленном им обвинении виновными себя признали». И только один из всех обвиняемых твердо и последовательно свою вину отрицал.

Этим человеком был диакон Иоанн Афанасьевич Власов: «Власов И. А. в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал...». Правда, дальше Обвинительное заключение содержит специально приготовленную для таких случаев фразу: «...Однако, достаточно изобличается свидетельскими показаниями его участия в к/р группе». И далее следует совсем уже надуманное обвинение, только подтверждающее тезис о том, что все дело было сооружено на пустом месте: «...И он сам (Власов. – В. Н.) в своих показаниях не отрицает факт, что является сторонником Геннадия и давал слово быть верным ему» [6, л. 97–100].

Однако это не помешало всех проходивших по делу обвинить в том, что они, «состоя в контрреволюционной организации старообрядцев-неокружников, проводили к-р работу среди населения и участвовали в ряде нелегальных совещаний», и передать дело на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР.

8 июля 1937 г. все обвиняемые были осуждены к различным видам и срокам наказания: М. И. Цветкова [6, л. 108] (напомним, слепого) и П. А. Сурогина [6, л. 109] было решено отдать под надзор по месту жительства сроком на 2 года; Мамонова Ф. В. (также слепого) [6, л. 111] и Золотарева Д. Ф. [6, л. 114] – заключить в ИТЛ на 5 лет; Карасева П. И. [6, л. 112] и Колесникова К. И. (епископа Конона) [6, л. 113] – сослать в Восточную Сибирь на тот же срок, а Ивана Афанасьевича Власова, несмотря на его отказ от признания своей вины, сослали на 5 лет в Казахстан [6, л. 110].

Так закончилось очередное надуманное дело, не основанное ни на каких противозаконных деяниях и обличающих осужденных фактах, которое было возбуждено на пустом месте и в короткий срок сфабриковано. Нескольким несчастным людям, среди которых были пожилые, сломали жизнь, лишили их привычного уклада, сослали в незнакомые места с новыми людьми, порядками, климатом.

Однако такое наказание, несмотря на его очевидную неправомерность, может показаться неожиданно мягким. Ведь в 1937 г. за самые незначительные оговоры и подозрения репрессированные могли получить от 10 лет лагерей до высшей меры наказания. А здесь 5 лет ИТЛ, причем не всем. А кому-то – вообще «только» высылка. Вопрос вполне правомерный. Могли бы дать больше, а могли бы и расстрелять. Но фигурантам этого дела, как ни странно это звучит, «повезло». Это именно так, ведь они «успели» получить свои сроки до начала Большого террора, для которого и были характерны внесудебные расправы, тройки НКВД, огромные сроки и самые страшные приговоры. Причем успели, можно сказать, в последний момент. Напомним, заседание Особого совещания, на котором

рассматривалось дело старообрядцев-неокружников, состоялось 8 июля 1937 г. А печально знаменитый секретный Приказ НКВД № 00447 [9], открывший путь к массовым репрессиям и фактически положивший начало беспрецедентному в мировой истории феномену уничтожения собственного населения, который впоследствии будет назван Большим террором, был подписан 30 июля 1937 г. Таким образом, Ивана Афанасьевича Власова и его «поделльников» успели осудить за 3 недели до начала самого страшного периода репрессий, в который на полтора года погрузилась страна после опубликования этого приказа. Если бы следствие затянулось, несомненно, и сроки наказания были бы иными, и не исключено, что кто-нибудь из осужденных был бы расстрелян как антисоветский элемент.

Реабилитация всех осужденных по этому делу состоялась в 1991 г. [6, л. 123–123 об.].

Рассмотренное дело представляет собой выразительный пример того, как органы НКВД стремились проникнуть в относительно закрытую для посторонних среду старообрядческих религиозных общин. Дело духовенства московских старообрядцев-неокружников явилось следствием совпадения ряда причин, таких как кончина московского епископа Геннадия и показаний арестованного священника Романа А., указавшего имена тех, кто стал фигурантами дела. Сотрудники НКВД, пристально следившие за жизнью религиозных общин, воспользовались создавшейся ситуацией и произвели аресты. Однако, как можно заключить из материалов дела, никаких принципиально новых сведений о структуре и деятельности старообрядцев-неокружников, властям получить не удалось.

Примечания

- ¹ Старообрядческое именование священника.
- ² Ранее – Егорьевского уезда.
- ³ Точнее: между Москвой-рекой и станцией метро Коломенская, слева от проспекта Андропова, если ехать из центра в сторону области.
- ⁴ Геннадий (Георгий Иванович Лакомкин) – неокружнический епископ.
- ⁵ В данном контексте слово «прощение» может означать краткий обряд, который совершается на старообрядческих службах полунощницы, павечерницы, перед началом Божественной литургии. При этом обряде просящий прощения опускается ниц на колени и приносит молитву определенного содержания.
- ⁶ В материалах дела фамилия приведена полностью.

Список литературы

1. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М. : Институт ДИ-ДИК, 2006. 688 с.
2. Субботин Н. И. Современные движения в расколе // Русский вестник. 1863. № 7. С. 401–436.

3. Никонов В. В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области : в 6 т. Т. 2 : Гжельская волость. Гжель : ГГУ, 2017. 576 с.
4. Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГА г. Москвы). Ф. 1215 (Административный отдел Моссовета). Оп. 3. Д. 113.
5. ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 78.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 10035 (Управление Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области). Оп. 1. Д. П-78542.
7. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. 256 с.
8. Храмы России [Электронный ресурс]. URL: <http://temples.ru/card.php?ID=9722> (дата обращения: 10.11.2021).
9. Приказ НКВД № 00447 (Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.) // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/32818> (дата обращения: 10.11.2021).

Поступила в редакцию 11.11.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 11.11.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 187–193
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 187–193
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-187-193>

Научная статья
УДК [358.119.1:355.48](47+57)|1941/1945|

Ключевые аспекты военно-бытовой повседневности воинов-танкистов в годы Великой Отечественной (на примере 50-й и 51-й танковых бригад)

Э. И. Савенков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Савенков Эльдар Игоревич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, cabehkob-1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0316-6466>, Author ID: 925063

Аннотация. В статье рассматриваются такие аспекты военно-бытовой повседневности 50-й и 51-й танковых бригад в период Великой Отечественной войны, как проблемы питания, вещевое довольствие, санитарно-гигиенические условия и жилье. Источниковой базой исследования послужили документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, методические пособия, а также воспоминания ветеранов. Формулируется вывод о важности решения указанных вопросов в комфортном, насколько это было возможно, обустройстве быта для воинов-танкистов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военно-бытовая повседневность, танковая бригада, солдаты, офицеры

Для цитирования: Савенков Э. И. Ключевые аспекты военно-бытовой повседневности воинов-танкистов в годы Великой Отечественной (на примере 50-й и 51-й танковых бригад) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 187–193. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-187-193>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Key aspects of military everyday life of tank soldiers during the Great Patriotic War (On the example of the 50th and 51st tank brigades)

E. I. Savenkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Eldar I. Savenkov, cabehkob-1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0316-6466>, Author ID: 925063

Abstract. The article deals with such aspects of military everyday life of the 50th and 51st tank brigades during the Great Patriotic War as problems of nutrition, clothing allowance, sanitary and hygienic conditions and housing. The source base of the study was the documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, methodological manuals, as well as memories of veterans. The conclusion about the importance of solving these issues in a comfortable, as far as possible, arrangement of life for tank soldiers is formulated.

Keywords: the Great Patriotic War, military everyday life, tank brigade, soldiers, officers

For citation: Savenkov E. I. Key aspects of military everyday life of tank soldiers during the Great Patriotic War (On the example of the 50th and 51st tank brigades). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 187–193 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-187-193>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Современный этап научного познания истории Великой Отечественной войны предполагает изучение не только хода военных действий, развития вооруженных сил противостоящих сторон и функционирования тыла, но и антропологической составляющей военного времени, поведения человека и условий его жизни в экстремальных обстоятельствах войны. В отношении армии все это обозначается понятиями «фронтовой быт» или «военно-бытовая пове-

седневность». В эти понятия входит широкий круг составных элементов от выполнения военнослужащим служебных обязанностей в боевой обстановке до обеспечения бойцов жильем, питанием и медицинским обслуживанием.

Тема военно-бытовой повседневности – относительно новая для отечественной историографии. Тем не менее здесь имеются вполне определенные научные достижения, которые в первую очередь связаны с новаторскими труда-

ми Е. С. Сенявской [1, 2]. Целый ряд вопросов фронтового быта поднимается в коллективных трудах, посвященных социально-психологическим аспектам периода Великой Отечественной войны [3, 4, 5]. Широкий спектр проблем военно-бытовой повседневности советских воинов раскрывается в работах А. Э. Ларионова [6, 7, 8, 9]. Вместе с тем специфика военно-бытовой повседневности отдельных родов войск Красной армии, в том числе танковых частей и соединений, пока остается без должного внимания.

Объектом исследования в данной статье являются 50-я и 51-я танковые бригады саратовского формирования, входившие в состав 3-го танкового корпуса. Они принимали активное участие в оборонительных и наступательных сражениях в рамках Ржевско-Сычевской операции летом 1942 г., в Донбассе и на Курской дуге в 1943 г., в Корсунь-Шевченковской наступательной операции 1944 г. и в завершающих стратегических операциях Великой Отечественной войны – Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской. За боевое отличие в ноябре 1944 г. они получили почетное звание гвардейских. Свыше 6 тыс. танкистов и командиров были награждены орденами и медалями, 41 воину присвоено звание Героя Советского Союза.

Характер повседневной жизни на фронте у представителей различных военных профессий во многом зависит от ситуационных факторов, к которым Е. С. Сенявская и А. С. Сенявский относят следующие: ход военных действий (наступление, оборона, отступление); расположение на важном или второстепенном участках фронта; расстояние от переднего края и т. п. [1, с. 202]. О продолжительности различных периодов деятельности исследуемых танковых частей свидетельствуют данные, приведенные в табл. 1 и 2.

Данные таблиц свидетельствуют о том, что до 70% времени всего нахождения в действующей армии (со дня начала формирования и вплоть до последнего дня войны) 50-я (50-я гвардейская) и 51-я (47-я гвардейская) танковые

бригады не вели боевую деятельность, а находились в армейском или фронтовом тылу. В этот период повседневность танкистов претерпевала изменения. В отличие от времени, проведенного непосредственно в боях, они жили по четкому расписанию, которое, как правило, устанавливалось на 2 или 3 недели.

Как известно, первостепенное значение в любых ситуациях фронтовой повседневности имеет питание бойцов, которое оказывает мощное влияние на работоспособность части. Как точно отмечает Э. В. Филиппов, солдат, у которого ограниченный рацион, «слабеет физически и морально и тем самым теряет свои боевые качества» [12, с. 29]. Вместе с тем до сих пор в отечественной историографии нет четкого представления о питании солдата РККА. Попытаемся рассмотреть, как этот вопрос решался в частях и подразделениях 50-й (50-й гвардейской) и 51-й (47-й гвардейской) танковых бригад.

В условиях непосредственных боев и стремительных продвижений воины-танкисты пользовались сухим пайком, в который входили продукты, не требующие кулинарной обработки: сухари, консервы в жестяных банках, сахар, чай, соль и пищевые концентраты [12, с. 39]. В обороне, а тем более, когда части находились в резерве, имелась возможность принятия горячей пищи, приготовленной в специально оборудованных кухнях. Кухня – это не только место, где повара и их помощники занимались приготовлением пищи, а целый комплекс, под который всегда отводилась значительная часть территории. В него входил ряд возведенных зданий, палаток, землянок или просто огороженных мест. Если в части находился живой скот, то для него дополнительно оборудовался загон.

Для приготовления пищи, помимо наличия продуктов, для хранения которых в бригадах сооружались склады и овощехранилища, требовалась вода. В полевых условиях ее брали, как правило, из открытых колодцев, в обязательном порядке охраняемых. Так, в приказе командира 51-й танковой бригады полковника Г. А. Кокурина от 25 марта 1943 г. № 15 батальонам

Таблица 1

**Итоговая ведомость по видам боевой деятельности (по количеству дней)
50-й (50-й гвардейской) танковой бригады с 01.01.1942 по 19.05.1945 г.**

Годы	В наступлении	В обороне	В резерве Ставки ВГК	В резерве фронта	В резерве армии/корпуса	Во 2-м эшелоне	В 3-м эшелоне
1941	–	–	–	–	–	–	–
1942	23	5	245	60	32	–	–
1943	72	25	149	119	–	–	–
1944	91	83	–	124	37	–	–
1945	46	31	–	53	–	–	–
Итого	232	144	394	356	108	–	–

Составлено по: [10, 11].

Таблица 2

**Итоговая ведомость по видам боевой деятельности (по количеству дней)
51-й (47-й гвардейской) танковой бригады с 28.12.1941 по 05.05.1945 г.**

Годы	В наступлении	В обороне	В резерве Ставки ВГК	В резерве фронта	В резерве ар- мии/корпуса	Во 2-м эшелоне	В 3-м эшелоне
1941	–	–	2	–	–	–	–
1942	30	6	249	80	–	–	–
1943	82	23	149	111	–	–	–
1944	110	29	85	103	38	–	–
1945	61	16	13	24	15	–	–
Итого	283	74	496	318	53	–	–

Составлено по: [10, 11].

предписывалось в течение 25 и 26 марта «выставить посты у колодцев, иметь при колодце ведро от части. Воду кипятить и для питья пользоваться только кипячёной водой» [13, л. 23]. Однако существовала и другая практика организации водоснабжения части. Например, в приказе от 1 июля 1944 г. № 088 по той же бригаде при проверке санитарного состояния ее частей выяснилось, что «колодцы имеются не во всех подразделениях, так во 2-й тб воду завозят из деревни» [14, л. 98].

Определенные требования существовали и при оборудовании временных столовых. В первую очередь это касалось разделения их на две зоны – для офицеров и для сержантов с рядовым. Отступление от этого правила не допускалось, о чем свидетельствует упоминаемый ранее приказ № 088, в котором оборудование столовых без различия на офицерские и для остального состава названо примитивным [14, л. 98]. Более того, существовала практика, когда возводили отдельные пищеблока для начальства и подчиненных. В директивных документах танковых бригад можно встретить такие распоряжения: «Привести в порядок пищеблока, построить столовые для офицерского состава и рядового» [15, л. 36], «доделать столовые для офицерского состава и покрыть их к 22.09.44 г.» [14, л. 194] и т. п. В строго отведенном месте (на расстоянии 300–150 м от пищеблоков) должна была находиться выгребная яма для пищевых отходов [14, л. 98].

Обслуживал кухню специально прикрепленный к ней штат. По воспоминаниям А. Е. Тrepалина, служившего старшим поваром в моторизованном батальоне автоматчиков 50-й танковой бригады, «на батальонной кухне, которая готовила пищу на 500 человек, трудилось несколько поваров, а также рабочие по кухне, солдаты, ежедневно выделяемые командирами для оказания помощи поварам. Рабочие по кухне заготавливали дрова, доставляли воду, чистили овощи, а также выполняли другую подсобную работу» [16].

За чистотой в пищеблоках следили бригадные медики, в обязанность которых входило выявление фактов халатного отношения к соблюдению гигиены. Так, например, в отчете о проверке состояния столовых 3 августа 1942 г. было установлено, что в 94-м отдельном танковом батальоне (отб) 51-й танковой бригады «кухня грязная, повар небритый, в грязном обмундировании, сама кухня демаскирована, вокруг кухни грязь, хлам, валяются консервные банки, рабочее место повара не оборудовано, рабочих на кухне нет, дежурного нет, кухня не облегчена, раскладка грязная и не подсчитана калорийность, колодец не охраняется» [17, л. 47]. Такие случаи в отдельных подразделениях отмечались и позже, но они не были нормой для всей части. В том же отчете сообщалось, что в 255-м отб пищеблок находился в «отличном состоянии» [17, л. 47], за что позднее личному составу была объявлена благодарность [17, л. 48].

Солдатское меню было простым и калорийным. Развернутые комментарии по приему пищи в Красной Армии приводятся в книге «Гигиенические вопросы организации войскового питания и водоснабжения», изданной военно-медицинской академией РККА им. С. М. Кирова в 1938 г. В исследовании приводятся 12 вариантов пищевого режима для всех родов войск [18, с. 8]. Танкистам или мотомеханизированным частям рекомендовалось придерживаться режима «И» и «З» [18, с. 9], последний был резервным и нежелательным [18, с. 9]. Четырехразовое питание включало в себя: первый и второй завтраки, обед, чай для режима «З» и ужин для «И». Однако война диктовала свои условия приема пищи. Анализируя расписания частей, можно сделать вывод о том, что корпусу иногда приходилось переходить и на трехразовое питание, которое относилось к режиму «Г» [18, с. 9]. В связи с этим в приказе по тылу 3-го танкового корпуса № 7 от 13 августа 1944 г. предписывалось «приготовление горячей пищи всему личному составу в течение суток производить два раза. Завтрак

в одно блюдо, обед в два блюда, на ужин приготавливать чай» [15, л. 29].

В соответствии с нормами и рекомендациями на завтрак полагалась перловая каша, гуляш, чай, сахар, масло, чёрный или белый хлеб [18, с. 37]. На обед танкисты получали борщ, щи, суп крестьянский или уху. В качестве гарнира подавали плов или тушёное мясо с макаронами [18, с. 37]. На ужин, как правило, готовили рыбные котлеты с кашей, солянку, винегрет или хлебные лепешки [18, с. 37].

Однако нормы по различным причинам не всегда выдерживались. Особенно это было характерно для этапа, когда танковые части находились на стадии формирования. В политдонесении 50-й танковой бригады за март 1942 г. сообщалось, что «имеются жалобы бойцов и командиров на низкое качество питания. Эти жалобы отчасти обоснованы, так как бригада за всё время формирования никаких овощей и картофеля не получала. Положенные овощи и картофель другими продуктами питания не заменяются» [19, л. 40]. Далее говорилось, что подобная ситуация отрицательно сказывалась на моральном состоянии личного состава. К примеру, красноармеец А. С. Палкин заявил: «Если нас так будут кормить как сейчас, то на этих харчах далеко-далеко не поедешь» [19, л. 45]. В отдельных случаях это приводило к тому, что некоторые бойцы шли на воровство. Наиболее громкое преступление было совершено 22 апреля 1942 г. Из расследования особого отдела выяснилось, что старший техник-лейтенант украл со склада рыбу, хлеб, махорку и концентраты [19, л. 48]. Крайне редко, но все же имели место и факты такого рода воровства у местного населения. Так, например, в сводке о чрезвычайных происшествиях в 50-й танковой бригаде заместителем командира бригады по политической части полковником Я. Я. Комловым сообщалось, что группа бойцов 29 января 1943 г. в деревне Малоалександровка, «самоуправно поймала на улице телёнка гражданки Рыбалки, которого зарезали и спрятали для использования в пищу» [19, л. 15].

Не менее важным и сложным в исполнении, чем забота о питании красноармейца, был вопрос о поддержании на необходимом уровне санитарно-гигиенических условий. Эта проблема для армии всегда была актуальной, поскольку недостаточное обеспечение солдат всем необходимым для соблюдения чистоты как своего тела, так и окружающей местности, могло повлечь за собой негативные последствия для воинской части и отрицательно сказаться на ее боеспособности.

В пособии для бойца-танкиста, которое было издано в первые дни войны – 25 июня 1941 г., особое внимание уделялось личной гигиене бойца, акцент делался на том, что «каждый красноармеец обязан беречь своё здоровье» [20,

с. 226]. Затем перечислялись 9 пунктов, затрагивающих вопросы умывания, стрижки ногтей, чистки зубов и многого другого [20, с. 226–227]. Однако во время Великой Отечественной войны не всегда была возможность выполнять даже элементарные процедуры по уходу за собой, особенно в первые годы войны, из-за чего армия в буквальном смысле «завшивела», что грозило возникновением эпидемий сыпного тифа. Методы борьбы с этим страшным заболеванием стандартны для любой эпидемиологической ситуации. Помимо санитарной обработки личного состава и ежедневной проверки на наличие паразитов или признаков заболевания, вводился своеобразный карантин и самоизоляция – запрещалось размещаться в домах, где имеются больные, и контактировать с ними, покидать расположение своей части и общаться с местным населением [13, л. 23]. Борьба с педикулезом в танковых бригадах активно велась как на этапе формирования, так в последующие военные годы. Специальные приказы «проводить ежедневные осмотры на вшивость» [13, л. 23] и «ликвидации вшивости у личного состава» [21, л. 34] неоднократно издавались в 1943 г. командирами 50-й и 51-й танковых бригад. К концу года меры по устранению заболевания педикулезом, судя по архивным документам, дали положительный результат: наличие вшей отмечалось только у личного состава одного батальона.

В целом для предотвращения эпидемии и болезней подобные меры были лишь частью одного большого вопроса, связанного с личной гигиеной. Поддержание чистоты рук и лица, чистка зубов с помощью находящегося на территории лагеря рукомыльника не могли заменить полноценного мытья всего тела. Для решения этой задачи существовали бани. Многообразие армейских банных комплексов подробно представлено в работе И. И. Годьдина «Русская баня в шинели» [22] и нет необходимости говорить о значении этого элемента в военно-бытовой повседневности военнослужащих.

При первой возможности после вывода частей из боя бойцы приступали к оборудованию банных объектов. Так, приказ № 0251 командира 51-й тбр полковника Н. В. Копылова от 17 ноября 1944 г., когда 3-й танковый корпус был отведен от предместий Варшавы [23, с. 119], предписывал повсеместно в подразделениях построить бани полевого типа и дезогазационные камеры [14, л. 298]. Подобного типа баня представляла собой землянку со стенами и полом из дерева с двумя комнатами: раздевальная для размещения обмундирования и личных вещей и мыльная-парильная, в которой находились печь, бочки с водой и скамейки [24, с. 206–209]. Помимо бань-землянок, личный состав иногда мылся в вагонах-банных. На использование такого способа помывки, когда 3-й танковый корпус в сентябре 1942 г. был выведен в резерв под

Калугу, в частности, указывает В. Н. Нечаев: «Регулярно, по утверждённым графикам, проводилась помывка личного состава со сменой белья сначала в банях, построенных в местах расположения бригад, а затем в вагоне-бане, присланном на станцию Калуга Главным интендантским управлением Тыла Красной Армии» [23, с. 34].

Поход в баню был строго регламентирован. Мытьё личного состава частей, находившихся в резерве, как правило, осуществлялось раз в неделю. Например, в организационно-методических указаниях по боевой подготовке частей и соединений 2-й танковой армии на период с 16 сентября по 1 ноября 1944 г. предписывалось использовать «воскресный день на банно-хозяйственные нужды» [25, л. 59]. Учет посещения бань и смены постельного и нательного белья велся в специальных тетрадях, которые заполнял дежурный. Однако не всегда такая работа была четко организована. В приказе от 17 сентября 1943 г. № 110 командира 51-й тбр подполковника П. К. Борисова сказано, что в 255-м танковом батальоне и 51-м мотострелково-пулеметном батальоне (мспб) «мытьё личного состава было организовано плохо. Чистое бельё смешивалось с грязным. Дежурный по бане своих обязанностей не знал и бездействовал» [26, л. 36]. В приказе по 50-й тбр от 18 мая 1944 г. № 041 сообщалось об отсутствии банных тетрадей и контроля, пренебрежении солдат мытьем, и, как следствие всего этого, появлении вшей. Иногда время, отведенное для гигиенических процедур, использовалось солдатами в качестве увольнительных и самоволок [14, л. 250]. Поэтому бюрократизация процесса учета регулярного поддержания чистоты тела личного состава была абсолютной необходимостью, она выработывала коллективную ответственность за санитарно-гигиеническое состояние в воинских подразделениях.

Другим немаловажным элементом военно-бытовой повседневности являлось содержание военнослужащими в порядке своей одежды. Обмундирование, как известно, не только обеспечивает комфортное существование в различных условиях, но и содержит необходимую информацию о бойцах и командирах: звание, род войск. Эволюция униформы советских танковых экипажей и командиров танковых войск в годы Великой Отечественной войны достаточно подробно описана в исторической литературе [27]. Для нас же важно выявить социально-бытовой аспект повседневной практики, связанной с одеждой воинов-танкистов¹.

Прежде всего, следует отметить, что обмундирование бойца Красной армии рассматривалось как «социалистическая собственность», за которой он должен был следить и устранять дефекты в случае их появления. У всего личного состава имелся собственный набор

для починки одежды, а в годы войны выпускались методички по устранению различных дефектов [28, 29]. В случае, если элементы обмундирования терялись, приходили в негодность или же просто не были вовремя сданы, следовали санкции. Например, в приказе 51-й тбр от 29 мая 1944 г. № 086 сообщалось, что «стоимость несданного тёплого вещевого имущества, утерянного личным составом в результате безответственного отношения к сбережению социалистической собственности и отсутствия офицерской требовательности к сбережению имущества удержать в полуторамесячном размере от оклада всего содержания в соответствии с директивой начальника тыла главного прокурора КА № 1/301 от 11.09.43. с помощника командира батальона по хозяйственной части мба» [14, л. 96].

Однако по объективным причинам, когда солдаты и офицеры находились в условиях непосредственных боевых действий, трудно удавалось сохранять униформу в должном виде. Понимая, что от внешнего вида личного состава во многом зависит состояние дисциплины во вверенных им частях, корпусное и бригадное командование обращалось к этому вопросу практически каждый раз после вывода войск в резерв. Характеризуя состояние личного состава после завершения наступательных боев в Польше, в приказании частям 3-го танкового корпуса от 12 ноября 1944 г. отмечалось: «Внешний вид неряшливый. Обмундирование грязное. Пуговицы пришиты небрежно. Портянки рваные и грязные» [30, л. 382]. Командир корпуса предписывал в кратчайшие сроки привести обмундирование в порядок и доложить об исполнении.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о ношениях погон, которые были введены приказом НКО от 15 января 1943 г. № 25 [31, с. 1]. Массовое их внедрение произошло в середине этого же года, но пренебрежение к новым знакам различия сохранялось ещё долгое время, о чем свидетельствовали периодические требования командования танковых бригад «немедленно одеть погоны» [14, л. 194]. Более того, даже в документах 51-й тбр, относящихся к началу декабря 1943 г., сообщалось, что «в 2-х ротах 51-го мспб, присутствующих на смотре, оказалось 23 человека без звёздочек и погон. В том числе и сам командир роты. В роте птр 24 человека без погон и звёздочек. Также не благополучно обстоит дело и в остальных подразделениях бригады» [26, л. 99].

Численность личного состава танковых бригад по штатному расписанию достигала 1400 чел. Такое количество людей необходимо было не только снабжать обмундированием и питанием, но и обеспечивать жильём. Довольно распространённый в мирное время вариант размещения личного состава – квартирование

в населенных пунктах – редко использовался в военных условиях. В связи с ограниченностью жилой площади здесь размещали только штабных офицеров, да и то, когда это позволяла делать обстановка. В частности, запрещено было оставаться на ночлег в домах гражданского населения в случаях неблагоприятной эпидемиологической ситуации в городах или селах [13, л. 35; 14, л. 98].

Чаще всего размещение личного состава производилось бивуачным способом. В лагерях основным видом строений были землянки, в которых порой находилось до 30 чел. Солдатская землянка представляла собой с одной стороны аскетичное, с другой – функциональное жилище: комнаты, в которых располагались нары, покрытые травой [13, л. 35], или же матрасами, добытыми в виде трофеев или взятыми из заброшенных домов [14, л. 45]. Внутри располагалась печка, которая обогревала комнату [21, л. 74]. Имелся тамбур для хранения личных вещей бойцов и полки для котелков [14, л. 194]. Сама территория жилища была огорожена заборчиком, а фасад побелен краской [14, л. 358].

Помимо этого, в лагерях оборудовались КПП, парки для боевых и колесных машин, артиллерийские, вещевые и продовольственные склады, хранилища ГСМ, места для курения. В соответствии с логистикой прокладывались дороги между частями как внутри бригады, так и за ее пределами. С целью маскировки для лагерей выбирались лесные массивы, в связи с чем особое внимание уделялось соблюдению правил противопожарной безопасности. Конкретное представление относительно таковых дает приказ командира 51-й тбр полковника Н. В. Копылова от 19 сентября 1944 г. № 0179. В нем предписывалось: расположение каждой части и отдельного подразделения отделить от массива леса просекой, с отрывкой в ней канавы шириной 3–4 м и глубиной 0,6 м; все деревья очистить снизу от сучьев на высоту 2–3 м; на территории части и подразделения, а также на расстоянии 500 м во все стороны собрать сучья, отбросы и спалить их в специально окопанных местах; каждая автомашина и каждый танк должны быть окопаны [14, л. 296].

Некоторые элементы обустройства лагеря 51-й танковой бригады в ноябре 1944 г. в районе Старая Гута подробно описывает в своих воспоминаниях начальник политотдела 2-й танковой армии М. М. Литвяк: «Несколько часов езды, и мы попадаем в окрашенный во все цвета осени лес. На опушке дорога перехвачена шламбаумом. Рядом под деревом будка КПП» [32, с. 22]. Отдельное внимание М. М. Литвяк как начальник политуправления армии уделил звену партийно-воспитательной деятельности соединения – «ленинской комнате»: «В довольно вместительном укрытии вокруг двух столов были расставлены скамейки мест на пятьдесят. На столах – журналы, подшивки газет, на стене – боевые

листки, посвященные боевой учёбе воинов и совершенствованию учебной базы. Здесь же свежая фотогазета. Тут же школьная географическая карта, на которой чётко обозначалась линия фронта. На верхнем её поле надпись: «От Вислы до границы фашистской Германии осталось 430, до Одера – 540, до Берлина – 610 километров»» [32, с. 23].

Безусловно, бытовое обустройство играло важную роль в обеспечении жизнедеятельности воинов 50-й и 51-й танковых бригад, как и в целом красноармейцев в годы Великой Отечественной войны. Все элементы повседневности (жилье, питание, личная гигиена, обмундирование) были направлены на создание условий для поддержания боеспособности воинов-танкистов. Они не должны были отвлекаться на поиск еды, ночлега и страдать от заболеваний. Отступления от установленных правил и дисциплинарные нарушения, связанные с теми или иными сторонами военно-бытовой повседневности, не были нормой и, как правило, своевременно устранялись начальствующим составом.

Примечания

¹ Всему личному составу танковых войск в обязательном порядке полагались шинели, гимнастерки х/б, шаровары х/б, пилютки, ремни поясные и брючные, а также по два комплекта нательных кальсон и рубаш, полотенца и летние портянки. Отличия рядового состава от офицеров заключались только в обуви. Первым полагались яловые ботинки и обмотки, а старшим по званию – кирзовые сапоги. Из снаряжения выдавали вещмешки-ранцы, котелки, фляги и чехлы к ним. Танкисты имели собственную спецодежду, состоящую из танковых шлемофонов, комбинезонов и кирзовых перчаток. С наступлением холодов выдавали комплекты теплых вещей для рядовых и офицеров. Всем без исключения вручали валенки, ватные шаровары, шапки-ушанки, зимние перчатки, подшлемники и два комплекта зимних портянок. Рядовым выдавали ватные телогрейки, свитеры-джермперы и теплые рубахи. Офицерам, в свою очередь, полагались полушубки, меховые жилеты и два комплекта меховых рукавиц.

Список литературы

1. Сенявская Е. С., Сенявский А. С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 3: Победа / под ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 197–211.
2. Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: Институт российской истории РАН, 1995. 87 с.
3. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 383 с.

4. *Сенявская Е. С.* Советский солдат в годы Великой Отечественной войны : историко-психологический портрет // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-soldat-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-istorikopsihologicheskii-portret> (дата обращения: 10.11.2021).
5. *Сенявская Е. С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М. : Институт российской истории РАН, 1997. 209 с.
6. *Ларионов А. Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны : социальные коммуникации и духовная жизнь в РККА 1941–1945 гг. М. : Золотое сечение, 2015. 295 с.
7. *Ларионов А. Э.* Отдых и досуг как компонент повседневной жизни Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Сервис в России и за рубежом. 2011. № 7. С. 120–133.
8. *Ларионов А. Э.* Повседневная жизнь советских окруженцев в «котлах» 1941–1942 гг. // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 2. С. 46–53.
9. *Ларионов А. Э.* Одежда как компонент повседневной жизни РККА в 1941–1945 гг. // Вестник РУДН. История России. 2014. № 3. С. 81–90.
10. Танковые бригады. Боевой состав и боевая деятельность за 1941–1945 гг. в Великой Отечественной войне : в 19 ч. Ч. 3 : С 41 по 60 тбр. [Электронный ресурс]. URL: <https://parafilo.ru/raznoe/TSAMO/tsamo.html> (дата обращения: 10.11.2021)
11. Гвардейские танковые бригады. Боевой состав и боевая деятельность за 1941–1945 гг. в Великой Отечественной войне : в 19 ч. Ч. 18 : С 41 по 54 гв. тбр. [Электронный ресурс]. URL: <https://parafilo.ru/raznoe/TSAMO/tsamo.html> (дата обращения: 10.11.2021).
12. *Филиппов Э. В.* Питание в годы Великой Отечественной войны. Челябинск : Министерство экономического развития Челябинской области, 2005. 263 с.
13. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 3140 (47 гвардейская танковая бригада). Оп. 2. Д. 5.
14. ЦАМО. Ф. 3140. Оп. 2. Д. 10.
15. ЦАМО. Ф. 3409 (9 гвардейский танковый корпус (3 танковый корпус)). Оп. 1. Ед. хр. 71.
16. *Трепалин Андрей Ефремович* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moypolk.ru/gyazan/soldiers/trepalin-andrey-efremovich> (дата обращения: 10.11.2021)
17. ЦАМО. Ф. 3140. Оп. 2. Д. 3.
18. Гигиенические вопросы организации и войскового питания и водоснабжения / ред. В. А. Волжинский, В. А. Большаков. М. : Издание военно-медицинской академии РККА им. С. М. Кирова, 1938. 92 с.
19. ЦАМО. Ф. 3144 (50 гвардейская танковая бригада). Оп. 1. Д. 12.
20. Пособие для бойца-танкиста / ред. И. В. Шторм. М. : Военное издательство народного комиссариата обороны Союза ССР, 1941. 239 с.
21. ЦАМО. Ф. 3140. Оп. 2. Д. 6.
22. *Годьдин И. И.* Русская баня в шинели. Тверь : КСОК, 2010. 70 с.
23. *Нечаев В. Н.* Гвардейский Уманский : Военно-исторический очерк о боевом пути 9-го гвардейского танкового корпуса. М. : Воениздат, 1989. 175 с.
24. Наставление по инженерному делу для пехоты РККА / ред. А. Быков. Чебоксары : Государственное издательство Чувашской АССР, 1943. 212 с.
25. ЦАМО. Ф. 307 (2 танковая армия (2 гвардейская танковая армия)). Оп. 4148. Д. 191.
26. ЦАМО. Ф. 3140. Оп. 1. Д. 6.
27. *Дриг Е. Ф.* Сталинские танкисты. Организация войск, прохождение службы, униформа. М. : Фонд «Русские Витязи», 2020. 664 с.
28. *Кин Т. Г.* Ремонт валяной армейской обуви. М. : Редакционно-издательское отделение, 1942. 16 с.
29. Инструкция по очистке и ремонту предметов военной одежды, и обуви. М. : Военное издательство Народного Комиссариата Обороны, 1943. 163 с.
30. ЦАМО. Ф. 3144. Оп. 2. Д. 7.
31. Правда. 1943. 17 янв. № 17.
32. *Литвяк М. М.* Порождённые бронёй. М. : Воениздат, 1985. 240 с.

Поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 26.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 31.01.2022

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 194–200

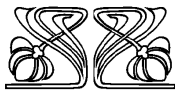
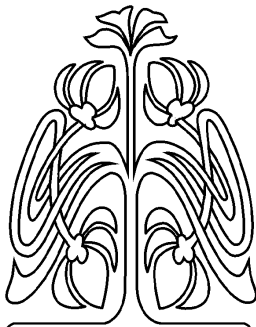
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 194–200

<https://imo.sgu.ru>

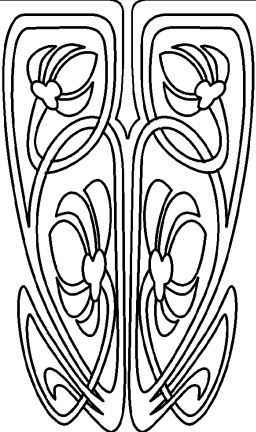
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-194-200>

Научная статья

УДК [94+327](437.1/.3+438)|12|+929[Пржемысловичи+Пясты]

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Польское направление внешней политики Пржемысловичей во второй половине XIII века

Д. И. Кузьмин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кузьмин Даниил Игоревич, аспирант кафедры всеобщей истории, vasily.sekacheff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, Author ID: 1131371

Аннотация. В статье освещаются внешнеполитические акции чешских правителей Пржемысла Оттокара II и Вацлава II в польских землях. Последний, проанализировав политические просчеты своего могущественного отца – Пржемысла Оттокара II, принял решение сосредоточить главное внимание на восточном направлении внешней политики, рассчитывая воспользоваться междоусобными распрями польских князей из династии Пястов.

Ключевые слова: Пржемысл Оттокар II, Вацлав II, Королевство Чехия, Королевство Польша, Силезское княжество, XIII век, Пясты

Для цитирования: Кузьмин Д. И. Польское направление внешней политики Пржемысловичей во второй половине XIII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 194–200. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-194-200>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The polish direction of Przemysl's foreign policy in the second half of the XIII century

D. I. Kuzmin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Daniil I. Kuzmin, vasily.sekacheff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, Author ID: 1131371

Abstract. This article is devoted to the coverage of the foreign policy actions of the Czech rulers Przemysl Ottokar II and Wenceslaus II in the Polish lands. The latter, having analyzed the political miscalculations of his powerful father, Przemysl II Ottokar, decided to focus on the eastern direction of foreign policy, hoping to take advantage of the internecine strife of the Polish princes from the Piast dynasty.

Keywords: Przemysl Ottokar II, Wenceslas II, Kingdom of Bohemia, Kingdom of Poland, Principality of Silesia, XIII century, Piasts

For citation: Kuzmin D. I. The polish direction of Przemysl's foreign policy in the second half of the XIII century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 194–200 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-194-200>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На всем протяжении истории чехи и поляки были соседями. В развитии этих народов с небольшой разницей во времени происходили сходные политические, экономические и демографические процессы. Порой этим народам приходилось не только делить общую границу, но даже находиться в составе единого государства. Период правления Вацлава II Чешского (1278–1305) был одним из подобного рода эпизодов, когда большая часть Польского государства на короткое время оказалась в составе Чешского королевства. И хотя это была далеко не первая попытка объединения чешских и польских земель в единое целое, однако именно этот эпизод оказал наибольшее влияние на все дальнейшее развитие обоих народов.

В течение XIII столетия судьбы Чехии и Польши складывались по-разному. В то время как Чехия добилась значительных политических успехов, заняв прочное положение в Священной Римской империи, Польша на протяжении этого века переживала один из тяжелейших периодов в своей истории [1, с. 46–50]. Со времен смерти Болеслава III Кривоустого в 1138 г. Польское государство находилось в состоянии глубокой политической раздробленности, которая на долгие годы положила конец любым попыткам централизации. Подобно процессам, происходившим в тот же период в Древнерусском государстве, Польша была разделена между несколькими крупными политическими образованиями, где роль номинального главы отводилась правителю столичного Кракова (при этом Гнезно формально оставался столицей, где происходила коронация польских государей) [2, с. 57]. Еще более сложные процессы происходили в Силезии, которая постепенно раздробилась на несколько небольших феодальных образований, где местные князья постоянно конфликтовали друг с другом. Польша на долгие десятилетия была втянута в тяжелую междоусобную борьбу, которая всячески подогревалась могущественными соседями. Монгольское нашествие в 1240-х гг. и возникновение государства Тевтонского Ордена на землях Балтийского побережья внесли еще больший разлад в дела Польского государства, нанеся непоправимый ущерб его материальным ресурсам. В таких условиях политическая раздробленность растянулась на два столетия [3, с. 5–6].

В правление великого князя Болеслава V Стыдливого (1243–1279) Польша пыталась соперничать с Чешским государством. Женатый на Святой Кунигунде, дочери венгерского короля Белы IV, Болеслав участвовал в политических авантюрах своего могущественного тестя, когда тот поддерживал претензии Льва Данииловича Галицкого на австрийские земли, надеясь завладеть частью Чешского королевства [4, с. 255–256]. Текст галицко-волинских летописей свидетельствует о том, что первоначально Болеслав не хотел участвовать в походе, однако согласился под давлением своей супруги [5, с. 326]. Характерно,

что и сам чешский король Пржемысл Оттокар II (1253–1278) пытался перетянуть на свою сторону Болеслава, пользуясь своим влиянием на польское духовенство. Однако эти попытки не увенчались успехом, в то время как сам конфликт окончился разделом единого герцогства между Оттокаром (удержавшим за собой центральную Австрию) и Белой (занявшим Штирию, которую он передал в управление своему сыну и наследнику Стефану). Затем, в 1260 г., во время войны за Штирию, Болеслав V вновь поддержал венгерскую сторону, отправив им в поддержку отряд рыцарей во главе со своим племянником и наследником – Лешком Черным [4, с. 301].

Следует отметить, что Пржемысл Оттокар II пытался расширить свое влияние на Польшу. Чешский государь использовал религиозные вопросы для усиления своего влияния на польский клир (например, попыткой создать новый диоцез на землях Пруссии с целью усиления своего влияния в Польше и Литве), в то время как его балтийские походы 1254–1255 гг. и 1267 г., помимо улучшения отношений с папством, также преследовали и другие цели, в частности, расширение влияния чешского короля в польских землях. Но если первой цели Пржемысл Оттокар достиг, то существенно усилить свои позиции в Польше ему не удалось [6, с. 54–55].

Тем не менее, не имея внушительной поддержки на востоке, Оттокар все же поддерживал дипломатические и династические отношения с некоторыми из польских князей, рассчитывая на их поддержку в своих войнах с Венгрией, а затем и с Рудольфом Габсбургом. Среди главных союзников Оттокара в Польше и Силезии следует назвать Владислава Опольского и Генриха (Йиндржиха) IV Пробуса, князя Вроцлавского. Начиная с 1270-х гг., отношения между Оттокаром и Болеславом Стыдливым также улучшились – в 1273 г. (по другим данным – в 1277 г.) произошла их встреча, где они договорились прийти друг другу на помощь в случае необходимости [7, с. 202–204]. Хотя некоторые историки считают, что Болеслав вплоть до своей кончины оставался врагом Оттокара [8, с. 248–261], большая часть чешских и польских исследователей сходятся на том, что Болеслав все же оказывал поддержку чешскому государю, а А. Барцьяк и вовсе заявлял, что князь Краковский был «единственным надежным союзником Пржемысла в Польше» [9, с. 26].

Здесь отдельное внимание стоит уделить загадочному историческому документу, известному как «Манифест к польскому народу». Хотя его подлинность вызывает сомнения, большинство исследователей XX и XXI вв. склонны согласиться с тем, что данный текст был составлен в последний год правления Пржемысла Оттокара. Манифест является призывом чешского государя к польским князьям, где он предупреждает своих соседей, что растущие темпы немецкой колонизации угрожают не только чешским, но и

польским землям. Оттокар призывает польских князей объединенными силами дать отпор немецкому натиску на восток [10, с. 63–65]. Манифест породил длительную дискуссию, которая и по сей день далека от завершения. Некоторые польские, чешские и российские исследователи пытались разгадать смысл этого послания, так как сам текст, особенно его яркие националистические сентенции не были характерны для XIII в., а Пржемысл Оттокар никогда не был противником немецкой колонизации, продолжая политику своего отца и деда, приглашавших переселенцев на земли Чехии. Резкие высказывания против немцев находят в полном противоречии как с внутренней, так и с внешней политикой Оттокара, который дважды добивался императорской короны, а в последние годы искал союзников для борьбы с Рудольфом Габсбургом в Польше и самой Германии. Противоречие между историческими фактами и призывами чешского короля в манифесте навело ряд исследователей на мысль, что документ отражал позицию не самого монарха, а его двора, составителя (королевского нотариуса – Генриха Итальянца) или же королевы Кунигунды, которая оказывала большое влияние на политику мужа в последние годы его правления.

Какой бы смысл ни нес в себе манифест, по нашему мнению, следует согласиться с позицией В. Н. Ковалева относительно того, что данный исторический документ, являясь одним из наиболее ярких литературных памятников Чехии XIII в., не оказал значительного влияния на последующие события [10, с. 167]. Тем не менее факт его составления говорит о том, насколько значимыми были отношения двух государств, и на что мог опираться в будущем Вацлав II, оглядываясь на опыт и последствия политических решений своего отца в этом регионе.

После гибели Пржемысла Оттокара II в битве на Моравском поле в 1278 г. для Чехии наступили тяжелые времена. Новым правителем королевства стал принц Вацлав, не способный управлять государством в силу своего юного возраста. В ходе войны с Рудольфом Габсбургом погибли многие знатные паны и рыцари [11, с. 56–59].

Вдовствующей королеве Кунигунде пришлось просить поддержки у Рудольфа Габсбурга в надежде, что римский король защитит страну от бранденбургского графа Оттона, вторгшегося в страну с целью подчинить ее пограничные районы и разграбить как можно больше городов и замков. К разочарованию Кунигунды Рудольф рассудил иначе и, взяв во временное управление Моравию, оставил центральную часть Чехии под властью Оттона, который вывез королеву и малолетнего Вацлава из Праги, заточив их в замке Бездез [12, с. 230–236].

Не последнюю роль во всех этих событиях сыграл вроцлавский князь Генрих (Йинджрих) IV Пробус, который с юных лет считался

воспитанником и другом короля Пржемысла Оттокара, участвовал в его походах против Иштвана Венгерского и поддерживал в политической борьбе в Германии [8, s. 235]. Генрих не принял участия в военной кампании 1278 г., так как годом раньше оказался в плену у князя Легницы – Болеслава II Рогатки. Ни заступничество Оттокара, ни военное вмешательство союзников Генриха – Генриха III Глоговского и Пшемисла II Великопольского не помогли князю вроцлавскому и в конечном счете он целый год пробыл в плену у Болеслава, пока последний не даровал ему свободу осенью 1278 г. [8, s. 235]. К этому времени Оттокара уже не было в живых, однако Генрих поменял сторону и начал сближаться с Рудольфом Габсбургом. Королева Кунигунда какое-то время намеревалась обратиться за поддержкой к Генриху, однако в скором времени ей стало известно о том, что Генрих намеревается захватить замок Кладско, который он рассматривал как спорную область на границе Чехии с его княжеством. Это решение заставило королеву обратиться к Рудольфу Габсбургу, который на съезде в Берлине 1 мая 1282 г. полностью удовлетворил требования Генриха IV [13, s. 366–367].

Во время регентства Завиша из Фалькштейна (1284–1289) Генрих Пробус принял участие в мирных переговорах, организованных Рудольфом Габсбургом для того, чтобы умиротворить ту часть шляхты, которая противостояла роду Витковцев. Выступая в качестве посредника, римский король надеялся улучшить свои отношения с Вацлавом, а также создать противовес Завишу, считая его своим главным конкурентом в борьбе за влияние на юного монарха. Князь Вроцлавский настолько сблизился с Рудольфом, что принес ему клятву верности, став его ленником, а свои земли включил в состав Священной Римской империи [12, с. 283–285]. Вполне возможно, что на подобный шаг Генриха толкнули его политические амбиции и желание ослабить чешское влияние в своем княжестве.

Однако амбиции Генриха Пробуса простирались куда дальше границ родного княжества. Он последовательно усиливал давление на своих соседей, превращаясь в одного из самых влиятельных князей в Силезии. Более того, кажется вполне очевидным, что по мере укрепления своих позиций Генрих все чаще смотрел на восток в надежде на то, что в условиях разгорающейся усобицы между шляхтой и Лешекком Черным он сможет получить власть над Польшей. 30 сентября 1288 г. Лешек Черный скончался, а так как у него не было детей, внезапная смерть князя вызвала новый виток противостояния между представителями краковского дворянства, где ведущие позиции заняли сторонники Генриха IV [14, s. 207]. Польский историк О. Бальцер был склонен считать, что годом ранее князь попытался достичь объединения путем заключения союза между Генрихом IV, Лешекком Черным,

Генрихом Глоговским и Пшемьслем Великопольским [13, s. 410]. Хотя нет никаких доказательств того, что данный союз действительно существовал, кажется вполне вероятным, что Генрих Пробус проявлял интерес к польскому престолу, желая венчаться если не королевской, то хотя бы еще одной герцогской короной в Польше.

Против Генриха объединились все влиятельные польские князья – Казимир Ленчицкий, Пшемьсл II, Болеслав Мазовецкий и временно захвативший власть в Кракове Владислав Локетек. Совместными усилиями им удалось разбить вроцлавское войско в битве при Севеже 26 февраля 1289 г., причем в плен к победителям попал соратник Генриха – князь Болеслав Опольский [15]. Однако сразу после триумфа союзники не смогли согласовать свои действия, чем позволили Генриху перегруппировать свои силы и занять Краков в конце августа 1289 г. По преданию, сохранным на страницах Збраславской хроники, появление Генриха у стен города было столь неожиданным, что там до последнего момента оставался Владислав Локетек, спасшийся только благодаря тому, что успел переодеться в монашескую одежду [13, s. 413].

Резко усилившиеся позиции Генриха Пробуса встревожили некоторых его вассалов, среди которых выделялся Казимир Бытомский, решивший сменить сторону и принести клятву верности Вацлаву II в январе 1289 г. [12, с. 245–247]. Причины, толкнувшие Казимира поступить таким образом, до конца неясны. Чешский историк В. В. Томек полагал, что причину следует искать в распри между Казимиром и его братьями, желавшими захватить его владения [14, s. 217], в то время как О. Батлер указывает, что главную угрозу своему положению Казимир видел в Генрихе, который пытался добиться централизации своей власти на территории всего Вроцлавского и Краковского княжеств [8, s. 397].

На рубеже 1288–1289 гг. в Чехии произошло падение всемогущего регента Завиша из Фалькштейна, которого хитростью и увещеваниями смогли взять в плен королевские войска [15]. В ответ на его пленение восстание подняли его родственники, представители панского рода Витковцев. Хотя обстоятельства переговоров с соседями неизвестны, однако текст Збраславской хроники указывает на то, что в Польше и Силезии у родственников Завиша нашлись союзники [16, s. 776]. Складывалась мощная коалиция во главе с Генрихом Пробусом, направленная против пражского королевского двора, в которую, помимо Вроцлавского княжества, также вошел Ласло IV Венгерский. Согласно тексту Збраславской хроники некоторые силезские паны убеждали Генриха принять корону, хотя не совсем ясно, шла ли речь о создании независимого королевства на землях Вроцлава или об утверждении его власти над Чехией [12, с. 245–246]. Однако, какими бы ни были амбиции силезского князя, его

внезапная смерть от яда 23 октября 1290 г. оборвала эти планы. Смерть Генриха Пробуса привела к обострению междоусобицы в Польше. В то же время его гибель позволила Вацлаву II начать политическую экспансию в польские земли.

В завещании Генрих отдавал свое княжество Генриху Глоговскому, Краковское княжество – Пршемьслу Великопольскому, а город Кладско, занятый им в 1280 г., возвращал обратно в состав Чешского королевства [12, с. 245–246]. Однако задолго до этих событий, во времена своей молодости, Генрих Пробус дал обещание Пржемыслу Оттокару, что в случае бездетной кончины, его владения должны будут перейти во владение Чехии [13, s. 417]. Благодаря поддержке своего тестя Рудольфа Габсбурга Вацлав получил в лен от империи Вроцлавское княжество, а затем передал его своему союзнику Генриху V Брюхатому.

Помимо города Кладско, в «наследство» от почившего Генриха IV Вацлав II также приобрел и ценного союзника – ректора Мейссенского капитула Бернара III Каменецкого, который до этого являлся советником вроцлавского князя [7, s. 233–234]. На новой службе Бернар продолжил помогать советами своему новому подопечному, из-за чего некоторые чешские исследователи называют его «архитектором польской политики Пржемысловичей» [12, с. 247]. Следует отметить, что Бернар был мудрым и образованным человеком, опытным дипломатом, хорошо разбиравшимся в особенностях силезской и польской политики.

К началу 1291 г. обострилась борьба за Краковское княжество, за которое спорили Пршемьсл II и Владислав Локетек. Хотя Пршемьсл имел больше сил и возможностей, он не мог в полной мере сосредоточиться на решении этой проблемы, так как одновременно был вынужден защищать своих померанских союзников от посягательств со стороны бранденбургских Асканиев. Таким образом, между двумя противниками сложился определенный паритет, не устраивающий местную шляхту [12, с. 247].

По мнению чешского историка В. В. Томака, часть шляхты сплотилась вокруг вдовы Лешека Черного – Агриппины Ростиславовны, которая была родной сестрой Кунигунды Чешской, следовательно, приходилась Вацлаву II родной теткой [13, s. 421]. Сам Вацлав II заключил выгодные политические союзы с Болеславом Опольским и Мешко Цешинским и получил контроль над большей частью Верхней Силезии. С этих позиций он вступил в переговоры с Пршемьслем II, которые привели к заключению взаимовыгодного компромисса. Понимая, что он будет не в состоянии удержать Краков, если против него выступит чешское войско с союзниками, князь Великопольский согласился уступить город в обмен на денежную компенсацию [13, s. 421]. Кроме того, Вацлав смог выступить в качестве третьей стороны

судьи, урегулировав конфликт между Пршемислом и бранденбургскими графами [17, s. 131–133].

Через какое-то время в 1291 г. Вацлав вошел с войском в Краков. Его появление вызвало недовольство польской шляхты, которая продолжала поддерживать другого претендента на великокняжеский престол – Владислава Локетека [7, s. 235]. Однако сам Владислав (к тому времени заключивший союз с королем Венгрии Андрашем, направленный против усилившейся Чехии) решил бороться за свои права с помощью разбоя и поджогов в Кракове, из-за чего лишился поддержки как знати, так и духовенства, перешедших на сторону Вацлава II. До поры до времени конфликт продолжался, потому что чешский король не решался открыто выступить против Локетека, зная о его поддержке из Венгрии [13, s. 422]. Кроме того, в январе 1291 г. скончался Рудольф Габсбург, и Вацлав сосредоточил все свое внимание на имперской политике, на некоторое время забыв о польских землях. Король отбыл на запад, оставив в качестве наместника в Кракове Болеслава Опольского [13, s. 429].

Спустя год, когда «гордиев узел» вокруг новых имперских выборов был распутан, Вацлав вновь взялся за решение проблем, накопившихся на востоке. В августе 1292 г. в военном лагере близ г. Ополе состоялась встреча чешского короля с силезскими князьями и Оттоном V Длинным [15]. Несмотря на их враждебные отношения в прошлом, Оттон опоясал молодого короля рыцарским поясом, в то время как князья, среди которых были Казимир Бытомский, Болеслав Опольский, Мешко Тешинский и представитель от Ратибора, повторили свои клятвы верности, пообещав явиться по первому зову под знамена чешского государя [13, s. 429]. Следует отметить, что опоясывание мечом в Позднее Средневековье считалось не только признанием личных заслуг и достоинств человека, но и признанием его самостоятельной роли как совершеннолетнего человека.

После этого Вацлав с армией, состоявшей из чешских воинов и отрядами его силезских союзников и вассалов, выступил в поход на Владислава Локетека, войско которого он разбил близ г. Сандомира. К сожалению, известно слишком мало деталей об этой военной кампании, однако ясно, что все противостояние разрешилось в течение одного – двух месяцев. Уже 28 сентября пал г. Серадз, после чего Локетек в очередной раз был вынужден бежать [17, s. 134]. Не имея возможности продолжать борьбу, Владислав отказался от претензий на Краковское княжество и фактически передал всю власть над своими Малопольскими владениями в руки Вацлава II, который, по примеру своего отца, начал выстраивать там собственный административный аппарат, разместив в каждой области каштеляна или капитана, но при этом сохранив старую систему в лице городских и деревенских старост

[7, s. 248]. Важным отличием в административной реформе Вацлава от действий его отца была его склонность к компромиссам с местной знатью. В то время как Пржемысл Оттокар имел небольшой круг лиц, которым доверял и на которых рассчитывал, его сын предпочитал находить союзников среди местных панов и шляхтичей.

Другой опорой Вацлава в покоренных землях было польское духовенство, с которым чешский государь также предпочитал поддерживать хорошие отношения. Здесь особо важно выделить политический союз королевской власти с краковскими епископами, которые помогали поддерживать порядок в этом беспокойном регионе, зная, что любая их просьба будет удовлетворена чешским королем [18, p. 283–289].

Пока Вацлав разбирался с делами в Священной Римской империи и был занят проведением административно-экономических реформ в краковских и малопольских землях, свое восхождение к королевскому титулу начал Пшемисл Великопольский, с 1291 г. вступивший в активную переписку с папой Бонифацием VIII. Ему изначально сопутствовала удача, и 26 июня 1295 г. в Гнезно произошла его пышная коронация [15]. Впервые за долгое время в Польше появился король. Хотя сам Пшемисл контролировал лишь два крупных княжества на территории Польши, никто из современников не сомневался в легитимности его нового титула, и даже чешские хронисты и анналисты использовали титул «король Калиша», что было одним из наименований Польши в чешских летописях того периода [7, s. 299–307]. Отношение Вацлава II к этому событию остается неизвестным. По одной, наиболее популярной версии, он проигнорировал акт коронации [18, p. 286], в то время как некоторые источники сообщают о «великом недовольстве» чешского государя [17, s. 141].

Однако успехи Пшемисла продлились недолго, и уже 8 февраля 1296 г. он был убит [17, s. 141]. Обстоятельства его смерти достаточно туманны. Известно, что Великопольского князя попытались похитить неизвестные воины, но так как он сопротивлялся, похитители в пылу сражения смертельно ранили польского короля. Заказчики этого убийства неизвестны, хотя большинство летописей обвиняют в этом либо бранденбургских Асканиев, не оставивших своих попыток укрепиться в Померании [18, p. 288–296], либо шляхтичей из числа тех, кто присягал на верность Пшемислу [19, s. 146]. Согласно третьей версии покушение было организовано Вацлавом II [13, s. 440], но она не пользовалась особой популярностью среди современников и на данный момент не является актуальной.

Гибель короля Пшемисла была таким же эпохальным событием, как противостояние Пржемысла Оттокара и Рудольфа Габсбурга или последовавшие в ближайшем будущем события

в Риме, которые привели к Авиньонскому пленению пап. Его смерть стала катализатором последующих политических событий, толкнувших остальных участников польской междоусобицы на новое противостояние за освободившиеся территории.

Так как Вацлав был занят решением дел в Священной Римской империи (что является дополнительным подтверждением того факта, что гибель Пшемисла в тот момент была ему невыгодна), основную борьбу за Великую Польшу и Померанию вели два оставшихся влиятельных князя в регионе – Владислав Локетек (которого поддержал Болеслав Мазовецкий) и Генрих III Глоговский (его союзником был Болеслав I Опольский) [8, s. 461].

Борьба между ними завершилась уже 10 марта 1296 г., когда князья договорились о мире в г. Кшивин [18, р. 294]. Владислав Локетек был вынужден признать, что Генрих имеет больше прав на Великопольское княжество, чем он, фактически уступив ему всю территорию к западу от рек Обр и Варта и вплоть до устья Нотеца, а себе оставив восточную часть бывших владений Пшемисла II. Кроме того, Владислав обязался передать Познанское княжество в руки малолетнего сына Генриха – Генриха IV, когда тот достигнет совершеннолетия [1, с. 77–79]. Таким образом, договор оказался крайне невыгодным для Локетека.

Следует отметить, что Владиславу не удалось установить эффективное управление во вверенных ему областях – в сельской местности господствовали разбойники, духовенство и шляхта не жаловали своего нового владыку, а епископ Кракова Ян Мускат и архиепископ Гнезно Якуб Свинка перешли на сторону Вацлава II, активно сопротивляясь всяким попыткам Локетека вернуть приобретения чехов в южной Польше [13, s. 448]. Союз с Вацлавом был настолько значимым для этих двух представителей духовенства, что они даже забыли о былой вражде, когда Ян Мускат пытался добиться автокефалии, желая выйти из-под прямого контроля со стороны архиепископа Гнезно [20, s. 168]. Существует также мнение о том, что еще один сторонник Вацлава II – епископ Познанский, Анджей Заремба отлучил Локетека от церкви, якобы за его потворство в отношении разбойников. Эту версию отвергают современные польские историки [17, s. 142], но чешские исследователи считают ее достоверной [13, s. 448].

Как бы то ни было, очевидно, что ключевые позиции среди польской знати захватил Генрих III Глоговский, который в 1298 г. провел сейм в Великой Польше, где смог добиться среди своих сторонников признания того, что в скором времени его венчают королевской короной [17, s. 143]. О положении Владислава красноречиво свидетельствует тот факт, что он не стал спорить с Генрихом и даже признал легитимными его притязания на королевский титул. Следует отметить,

что Генрих пользовался поддержкой Вацлава II, хотя не совсем понятно, пытался ли чешский король уравновесить положение дел на Востоке, или же это была временная мера, направленная против усиления кого-то из местных князей, пока чешский государь был занят решением важных вопросов в Германии и Австрии.

В 1299 г., возможно, разочаровавшись в перспективах расширения своей власти в Польше, а может быть, желая отвести угрозу со стороны чехов от своих земель, Владислав был вынужден начать переговоры с Вацлавом II. В обмен на поддержку последний согласился отказаться от притязаний на Малую Польшу. Это соглашение устраивало обе стороны, но заключение договоренностей с Локетекем вывело Генриха III из союза с Чехией, толкнув его в лагерь противников Вацлава II [7, s. 308].

На наш взгляд, данное решение было ошибкой чешского короля, так как даже после этого соглашения Владислав Локетек продолжал разорять пограничные территории Малой Польши [19, s. 170]. В дальнейшем либо в очередной раз осознав всю бесперспективность своего положения, или же в результате оказанного давления со стороны Вацлава II (некоторые исследователи считают, что в июне – августе он провел военную кампанию в Великой Польше, в очередной раз принудив Локетека к миру), Владислав был вынужден вновь начать переговоры и обязался на Рождество 1299 г. посетить Прагу, принять там свои владения в лен от чешского короля, таким образом признав его своим сюзереном.

Это был весьма дальновидный шаг со стороны чешского короля, так как Локетек, не склонный соблюдать договоренности и ранее показавший непостоянный характер, отказался выполнять заключенные в августе договоренности, что позволило Вацлаву на законных основаниях объявить соглашения недействительными, а земли конфискованными [17, s. 146]. Это решение одновременно совпало с прибытием многочисленной делегации от польских шляхтичей и духовенства, которые призвали чешского государя завладеть землями Великой Польши [19, s. 170–171]. При поддержке силезских князей, рыцарей Тевтонского ордена, польских и чешских панов, а также своих рыцарей Вацлав начал новую военную кампанию на севере Польши, которая завершилась его победой [17, s. 219]. В очередной раз Владислав Локетек бежал, так и не найдя в себе решимости дать бой своему противнику. Однако на этот раз его поражение было настолько полным, что Локетек был вынужден оставить своих детей и супругу переодетыми в одежду горожан в г. Радзеюв [7, s. 336–341], в то время как сам укрылся либо в Галицко-Волынском княжестве [15], либо в Венгерском королевстве [4, с. 302]. Таким образом, один из наиболее влиятельных противников Вацлава II был повержен. Кроме

того, он присоединил к своим владениям Гданьскую Померанию и Великопольское княжество. Между 19 и 26 октября 1300 г. Вацлав II был увенчан королевской короной Польши, что стало символическим оформлением его внешнеполитических достижений на Востоке за последние 10 лет [17, s. 224].

Трудно сказать, действительно ли чешский король собирался довольствоваться полученным, или же обострившаяся борьба с вернувшимися себе императорский престол Габсбургами лишила его возможности предпринимать дальнейшие действия в этом регионе. Однако, вплоть до смерти Вацлава в 1305 г., его положение в Польше оставалось стабильным, несмотря на непризнание его титула как Болеславом Мазовецким, так и Генрихом III Глоговским. Хотя и Болеслав, и Владислав Локетек пытались подорвать позиции Пржемысловичей в Чехии, они не смогли добиться большего успеха, и лишь внезапная смерть Вацлава II от туберкулеза 21 июня 1305 г., а также столь неожиданная гибель его наследника и преемника Вацлава III в следующем году от рук неизвестных убийц позволила им достичь своих целей [21, p. 24–45].

Подводя итоги, следует отметить, что, в то время как Пржемысл Оттокар II рассматривал Польшу исключительно как внешнеполитического союзника, Вацлав II придавал гораздо большее значение польским делам. Осознав на горьком опыте своего отца всю сложность укрепления позиций Чехии в немецких землях, юный король решил взяться за реализацию своих амбиций в Польше и Силезии, играя на противоречиях местных политических группировок. Более склонный к компромиссам и сотрудничеству Вацлав вмешался в борьбу польских и силезских князей против духовенства и мелкой шляхты, выступив как защитник этих социальных групп. За счет активной поддержки со стороны польских шляхтичей, чешских панов, а также представителей духовенства в обеих этих странах Вацлаву II удалось сделать то, что не удалось Пржемыслу Оттокару II – сформировать новые границы Чешского государства, оставив своему сыну и наследнику Вацлаву III более сильную и сплоченную страну. Есть основания полагать, что династия Пржемысловичей могла бы многого добиться в этом регионе, учитывая поражение античешской коалиции и общей слабости оставшихся в живых политических противников Вацлава II. Однако внезапная гибель бездетного Вацлава III положила конец как амбициям последних чешских государей, так и самой династии Пржемысловичей, втянув Чешское королевство в новый период политической нестабильности, смуты и хаоса.

Список литературы

1. Грабеньский В. История польского народа. Минск : МФЦП, 2006. 800 с.
2. Тымовский М. История Польши. М. : Весь Мир, 2004. 544 с.
3. Краткая история Польши : С древнейших времен до наших дней / под ред. В. А. Дьякова. М. : Наука, 1993. 528 с.
4. Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М. : Издательство АН СССР, 1950. 333 с.
5. Памятники литературы Древней Руси / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. Вып. 3 : XIII век. М. : Художественная литература, 1981. 616 с.
6. Оралбеков Б. К. Пржемысл II Отакар. Калининград : Смартбукс, 2017. 192 с.
7. Zemlicka J. Století posledních Premyslovců. Praha : Panorama, 1998. 412 s.
8. Susta J. Ceskedějiny. Soumrak Premyslovců a jejich dědictví. Praha : Jan Laichter. 1938. 803 s.
9. Barciak A. Polacy w bitwie pod Suchymi Krutami // Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego. Prace Historyczne. 1975. № 72. S. 7–26.
10. Ковалев В. Н. Внешняя политика Пржемысла Оттокара II (1253–1278) : Чешско-немецкое политическое взаимодействие во второй половине XIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 222 с.
11. Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации / пер. И. И. Соколовой. М. : Языки славянской культуры, 2001. 800 с.
12. Томек В. История Чешского королевства / пер. С. Яковлев. СПб. : Изд. книгопродавца С. В. Звонарева, 1868. 843 с.
13. Vanicek V. Velkedějiny země Koruny české III. 1250–1310. Praha : Paseka, 2002. 759 s.
14. Balzer O. Krolestwo Polskie 1295–1370 : v 3 t. Lwow : Towarzystwo dla Popierania Nauki Polskiej, 1919. T. 1. 448 s.
15. Petri Zittaviensis. Cronica Aule Regie (Zbraslavská kronika). URL: <http://www.clavmon.cz/clavis/FRRB/chronica/PETRI%20ZITTAVIENSIS.htm> (дата обращения: 26.11.2021).
16. Bar P. Vratislavský vévoda Jindřich IV. Probus a poslední Premyslovců // Český časopis historický. Praha : Historický ústav AV ČR, 2008. Roc. 106. S. 753–787.
17. Antonín R. Zahraniční politika krále Václava II v letech 1283–1300. Praha : Maticemoravská, 2009. 304 s.
18. Jan Długosz. Annales seucronicae in liti regni poloniae : v 11 t. T. 7–8. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. 409 p.
19. Charvatová K. Václav II. Kral český a polský. Praha : Vyšehrad, 2007. 352 s.
20. Włodarski B. Polska i Czechy w II połowie XIII i początkach XIV wieku (1250–1306). Lwow : Nakładem Towarzystwa Naukowego, 1931. 214 s.
21. Jan Długosz. Annales seucronicae in liti regni poloniae : v 11 t. T. 9. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978. 503 p.

Поступила в редакцию 30.11.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 30.11.2021; approved after reviewing 08.12.2021; accepted for publication 31.01.2022

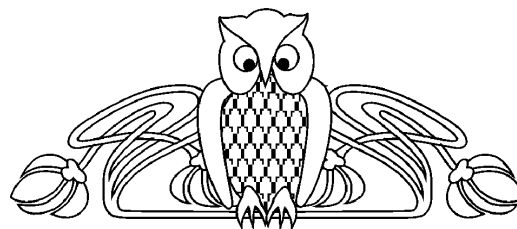

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 201–206
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 201–206
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-201-206>

Научная статья
УДК [94+[328:329.14:070]](560)|1950/1960|

Парламентская борьба в Турции на страницах еженедельника «Акис» (50-е годы XX века)

Ф. Ф. Желобцов

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Россия, 677027, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58

Желобцов Федот Федотович, доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, fedotzhel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6106-740X>, Author ID: 642548

Аннотация. Статья посвящена теме борьбы оппозиционных сил в Турции в 1950-е гг. Именно в 10-летний период (1950–1960 гг.) правления Демократической партии Турция испытала на себе все трудности становления и углубления демократических устоев в развивающемся обществе. Правление Демократической партии ознаменовалось наступлением тоталитаризма и резким ограничением демократических свобод в стране, в том числе и свободы печати, когда Турция столкнулась с непосредственной угрозой потери национального суверенитета. Автор обращался к работам ведущих турецких и российских исследователей, а также малоизвестным материалам первого независимого журнала «Акис» («Эхо»), чья активная издательская деятельность пришлось на изучаемый период. «Акис» вызвал самый широкий интерес в турецком обществе и стал настоящим рупором турецкой оппозиции.

Ключевые слова: демократические выборы, оппозиционное движение, борьба в парламенте, гонения на демократию, революционные настроения

Для цитирования: Желобцов Ф. Ф. Парламентская борьба в Турции на страницах еженедельника «Акис» (50-е годы XX века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 201–206. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-201-206>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Parliamentary struggle in Turkey on the pages of the “Akis” weekly (50s of the 20th century)

F. F. Zhelobtsov

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, 58 Belinsky St., Yakutsk 677027, Russia

Fedot F. Zhelobtsov, fedotzhel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6106-740X>, Author ID: 642548

Abstract. The article is devoted to the struggle of the opposition forces in the country. It was during the 10-year period (1950–1960) of the Democratic Party (DP) rule that Turkey experienced all the difficulties of establishing and deepening democratic foundations in a developing society. The Democratic Party's rule was marked by the onset of totalitarianism and a sharp restriction of democratic freedoms in the country, such as freedom of the press, when Turkey faced an immediate threat of losing its national sovereignty. The author involved the works of leading Turkish and Russian researchers, as well as little-known materials from the first independent journal “Akis” (“Echo”), whose active publishing fell on the period under study. Akis has won the broadest interest in Turkish society and has become a veritable mouthpiece for the Turkish opposition.

Keywords: democratic elections, opposition movement, struggle in parliament, persecution of democracy, revolutionary sentiments

For citation: Zhelobtsov F. F. Parliamentary struggle in Turkey on the pages of the “Akis” weekly (50s of the 20th century). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 201–206 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-201-206>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В 50-е гг. прошлого столетия, а именно 14 мая 1950 г., прошли первые в истории республиканской Турции парламентские выборы на многопартийной основе, когда убедительную победу одержала Демократическая партия (ДП), отодви-

нув на второй план Народно-республиканскую партию (НРП), монопольно правившую в стране в течение 27 лет.

Однако в дальнейшем десятилетний период правления ДП (1950–1960 гг.) стал самым темным в истории турецкой демократии, когда

турецкое общество стояло перед реальной опасностью потери светского пути развития – лаицизма¹, завещанного основателем государства Мустафой Кемалем Ататюрком. Под угрозой полного исчезновения оказались и те немногие демократические свободы (свобода печати, свобода собраний, свобода волеизъявления и т. д.), завоеванные турецким народом в период правления НРП. Цель данной статьи – отразить борьбу единственного в 1950-е гг. независимого еженедельника «Акис» за их сохранение.

Турецкие исследователи политической жизни Турции 50-х гг. сходятся во мнении, что две ведущие политические партии страны того времени – оппозиционная НРП и правящая ДП – были очень схожи как по социальному составу, так и по своим программам. Они не были разделены между собой социальной либо политической идеологией. Наоборот, их фундаментальные взгляды на экономическую, социальную и внешнюю политику по существу были схожи, если не одинаковы [1, p. 2].

Таким образом, можно говорить о том, что замена власти в стране по итогам парламентских выборов в мае 1950 г., по сути дела, представляла собой своего рода перегруппировку сил в правивших кругах страны.

Косвенным свидетельством подобного утверждения могут послужить создание и редакционная политика самого журнала, особенно до конца 1955 г., когда «Акис» на деле продемонстрировал свой независимый и нейтральный характер. Что касается переходов и выходов тех или иных политических лидеров из одной партии в другую, то это было обычным явлением, характерным для оппозиционно настроенных личностей того времени.

Именно в это смутное время и появился еженедельник «Акис». Тираж его составлял 30–35 тыс. экз. и считалось, что им «побиты все рекорды тиражности». Примечательно, что владелец еженедельника Метин Токер долгое время до его открытия работал в газете «Зафер», официальном органе ДП, и поначалу позиционировал себя как «сторонника ДП» [2, s. 180].

Официальный биограф НРП Шевкет Айдемир подчеркивал, что основным препятствием эффективной работы правительства была парламентская группа самой ДП, которая «занята лишь собой, а не делами партии и правительства» [3, s. 24].

«Акис» возлагал вину за разногласия в междоулье – Великом национальном собрании (ВНС) на обе парламентские группы НРП и ДП: «В каждой партии есть по две группы конъюнктурщиков и патриотов. И Аднан Мендерес, и Исмет Иненю обязаны были знать о них. Оба лидера несут ответственность как за очищение своих рядов от групп конъюнктурщиков, так и за объединение всех групп патриотов ради процветания страны» [4, s. 3].

Материалы «Акис» вплоть до выборов 1957 г. свидетельствовали о его желании сохранить политическую стабильность в стране. Как писал в одной из передовиц главный редактор журнала Метин Токер, «есть нужда, как в лидерах оппозиции, так и в лидерах правительства» [5, s. 5].

Выборы 1950 и 1954 годов

На первых в истории республиканской Турции свободных парламентских выборах 14 мая 1950 г. убедительную победу одержала ДП. НРП, которая была у власти в течение предыдущих 27 лет, потерпела поражение и перешла в оппозицию.

Новое руководство Турции сразу взяло курс на сближение, а затем и на подчинение интересов страны Западу и США. ДП искусно использовала в своих политических целях все имевшиеся послевоенные достижения демократии предыдущей администрации. Как замечает российский исследователь Н. Г. Киреев, ДП была обязана своим успехам на выборах лозунгам буржуазной демократизации общества [6, с. 122].

Но как бы ни было, парламентские выборы в мае 1950 г. стали свидетельством искреннего желания турецкого общества в дальнейшем углублении и укреплении демократических свобод в стране. «Победа ДП на выборах 1950 г., – написано в современной турецкой энциклопедии, – во всей стране была воспринята с энтузиазмом» [7, s. 2068].

Современные турецкие авторы отмечают существование демократических свобод в Турции вплоть до конца 1954 г. Историк Кемаль Карпат подтверждает: «В Турции в период 1952–1954 гг. демократическая и свободная обстановка в целом существовала» [8, s. 352].

Еженедельник «Акис» начал издаваться в мае 1954 г., и поэтому материалы о выборах 1950 и 1954 гг. отражены на его страницах задним числом. Необходимо отметить, что вплоть до конца 1954 г. «Акис» пребывал в плену эйфории, в которой находилось все турецкое общество под впечатлением новой реальности в политической жизни страны. «Выборы 1950 г., – отмечал журнал, – прошли образцово честно: для оппозиции была предоставлена самая широкая возможность пользоваться радио и свободой печати» [9, s. 10].

Выборы 1950 и 1954 гг. проходили по мажоритарной системе голосования, которая была введена в феврале 1950 г. по инициативе правившей в то время НРП. Современные турецкие исследователи называют введенную мажоритарную систему голосования в числе основных факторов, способствовавших победе ДП на прошедших выборах [8, s. 353].

Это отмечал и лидер турецкой оппозиции Исмет Иненю, который еще на открытии X съезда

партии 26 ноября 1951 г. заявил: «Я предлагаю до того времени как деятельность оппозиции в нашей политической структуре займет подобающее ей место и станет национальной потребностью, следует изучить и поддержать необходимость изменений в существующей системе выборов» [10, s. 80].

«Акис» на своих страницах сразу поддержал опасения турецкой оппозиции относительно существовавшей мажоритарной системы голосования на выборах как козыре только для правящей партии и потребовал незамедлительно вернуться к пропорциональной системе голосования на будущих выборах [11, s. 70].

В ответ правительство, сформированное ДП, приступило к планомерным репрессиям в отношении оппозиционных партий. Например, Закон от 30 июня 1954 г. гласил, что «человек, обратившийся в партию и получивший отказ от неё выставлять свою кандидатуру на выборах, в период выборов более не имеет права выдвигаться», а «служащие, чтобы выдвинуть свою кандидатуру должны уволиться с работы за 6 месяцев до выборов». Кроме того, оппозиционным партиям на последующих выборах было отказано в праве составлять «смешанные списки». Тем самым демократы предотвращали опасность достижения соглашения между оппозиционными партиями в период выборов. Государственное радио было недоступно для предвыборной рекламы и дебатов всем политическим партиям кроме правящей партии. Она от имени правительства «могла пользоваться им безраздельно» [12, s. 115]. «Акис», несмотря на принимаемые межджлисом многочисленные антидемократические законы, открыто никак не высказывал своей позиции вплоть до конца 1954 г.

В отношении же острых стычек между депутатами от правящей партии и оппозиционных партий в межджлисе журнал хладнокровно писал: «Эта полемика депутатов полезна, но при условии, если стороны не будут переходить определённые этические границы, поскольку она раскалывает страну. Ни Мендерес, ни Иненю не должны забывать о том, что на их плечах лежит обязанность устанавливать законы демократии в Турции, а пока что мы видим, что оба лидера ещё очень далеки от успешного выполнения этой обязанности. К сожалению, в отличие от демократических парламентов других стран, у нас отсутствуют цивилизованные правила ведения парламентской полемики. А если говорить правду, то демократия у нас держится на личностях, и никто не мешает им в полемике держаться в рамках приличия и патриотизма» [13, s. 3].

«Акис» остался безразличным и к законам, направленным на ограничение деятельности СМИ в стране. «Несмотря на все их недостатки, – писал журнал, – они не ликвидировали в Турции свободу печати и фактом остаётся то, что, например, наш журнал может писать обо всём

свободно. Нельзя не признать того, что печать в Турции более свободна, чем во многих других странах мира. Здесь нет «драконовских законов», которые бы полностью ограничивали свободу печатного слова» [14, s. 3].

Между тем, по свидетельству специалиста по истории турецкой печати Хывзы Топуза, только за 4 года (март 1954 – май 1958 гг.) судебным преследованиям подвергся 1161 журналист, из них 238 были преданы суду [15, s. 193].

Очевидное стремление правительства ДП установить в стране авторитарный режим правления, а также ликвидация остатков демократических свобод стали главными причинами перехода «Акиса» в оппозицию. К этому нужно добавить еще и знаковое событие – женитьба его владельца и главного редактора Метина Токера на Озден Иненю, дочери лидера главной партии, противостоящей правящей партии страны.

Безусловно, это повлияло в дальнейшем на редакционную политику журнала. Многие исследователи отметили это в своих статьях. Так, профессор Фуад Орал не преминул заметить, что «Метин Токер стал более ярким сторонником НРП, чем сами члены партии, и, более того, он стал больше Иненю, чем Токер» [2, s. 180].

Возможно, не стоило напрямую связывать это событие с переходом журнала на сторону оппозиционных сил во главе с НРП, но в обществе устоялось мнение, что до самого своего закрытия «Акис» оставался верным ее сторонником.

В связи с продолжавшимися репрессиями в отношении оппозиционных журналистов журнал решительно объявил свободу печати в стране «вторым фронтом демократии» [16, s. 3].

Парламентские выборы 1957 года

Своеобразной кульминацией борьбы за власть в Турции явились выборы 1957 г., которые прошли в крайне обостренной политической обстановке. Они были проведены досрочно и явно приурочены ко времени подготовки агрессии против Сирии, чтобы раздуванием военного психоза отвлечь внимание избирателей от внутренних проблем.

Предвыборная кампания 1957 г. стала самой жесткой в истории республиканской Турции. О ее накале Джем Эрогул писал: «Ещё в 1956 г. оппозиционные партии начали открыто говорить, что в случае их прихода к власти они привлекут Мендереса² к самому жёсткому ответу» [12, s. 144].

По данным штаба НРП, на выборах за нее было подано 41,03%, за ДП – 47,91%. Однако с учетом голосования за другие партии больше половины голосов избирателей (52,09%) получила оппозиция [17, s. 5].

Сами выборы прошли в напряженной обстановке открытого давления и гонений на оппозицию, а также всевозможного рода махинаций в ходе голосования. По свидетельству Кемала

Карпата, «многие избиратели, не найдя своих фамилий в избирательных бюллетенях, не голосовали. В итоге ДП набрала 407000 голосов, что обеспечило ей в меджлисе 424 депутатских места из 610, тогда как все оппозиционные партии вместе взятые получили 186 депутатских мест. Таким образом, ДП получила на 300000 голосов меньше и лишь благодаря мажоритарной системе выборов она обеспечила себе в меджлисе большинство депутатских мест» [8, s. 22].

Известный турецкий журналист НаDIR Нади открыто писал, что «итоги выборов продемонстрировали рост недовольства граждан существовавшим положением в стране» [18, s. 227].

«Выборы в 1957 г., – констатирует современная турецкая энциклопедия, – ДП выиграла лишь благодаря мажоритарной системе» [7, s. 2069].

Итоги выборов вызвали противоречия внутри самой правящей партии. Так, 6 сентября 1957 г. покинул ряды ДП один из ее основателей Фуад Кёпрюлю, недовольный стремлением премьер-министра Аднана Мендереса к установлению личной диктатуры. Шевкет Айдемир позже в своих мемуарах приводит слова одного из ближайших советников Аднана Мендереса: «В течение семи лет знакомства с Мендересом, я не видел его столь удручённым» [19, s. 301].

На этих выборах «Акис» был полностью на стороне оппозиции. Материалы «Акиса» знакомят нас с почти неизвестными эпизодами борьбы оппозиционных партий на выборах в Турции в рассматриваемый период, которые постоянно стремились к объединению своих сил в целях преодоления, в первую очередь, последствий мажоритарной системы голосования при формировании ВНС.

«События последних трех лет, – писал постоянный корреспондент журнала И. Р. Аксал, – явно свидетельствуют о том, что ДП, стремясь удержаться у власти, склонна прибегать к любым средствам. В стране крайне необходимо объединение оппозиционных партий» [20, s. 9].

Первое совместное заявление трех оппозиционных партий – Народно-республиканской партии (НРП), Партии свободы (ПС) и Республиканской национальной партии (РНП) – о решимости продолжать борьбу за демократию было сделано еще 8 июля 1956 г. [21, s. 6]. Более подробно на страницах журнала освещалась попытка оппозиционных партий объединиться непосредственно перед выборами 1957 г. По признанию Е. Тезич, этот эпизод «до сего дня еще досконально не изученное событие в турецкой политической жизни» [22, s. 272].

В результате долгих и нерешительных переговоров 17 мая 1957 г. лидер РНП О. Болукбаши объявил о начале своей собственной предвыборной кампании, чем вызвал яростную атаку со стороны правительства. Вскоре, 24 июня, меджлис лишил его депутатской неприкосновенности, а 2 июля он был арестован и взят под арест

по обвинению в нанесении оскорбления парламенту [19, s. 140].

Однако «Акис» был полон оптимизма, неустанно повторял: «Не надо забывать о том, что идея сотрудничества пришла из народа. Даже если партии не создадут «Единение сил», избиратели отдадут свои голоса самой сильной оппозиционной партии и, несмотря ни на что, на деле все будут сотрудничать» [23, s. 5].

«Акис» всячески поддерживал попытки объединения оппозиционных партий. Выражая свои симпатии, М. Токер писал: «То, что не смогли сделать политические силы, обязаны сделать мы – избиратели» [24, s. 5]. И на сей раз правящая партия, включив весь свой административный ресурс и, проведя через ВНС целый ряд антидемократических законов, направленных на предотвращение объединения оппозиционных сил в стране, вновь одержала победу. «Демократы, – писал Джем Эрогул, – своими антидемократическими законами всё же достигли своей цели, и оппозиционные партии не смогли объединиться» [12, s. 142].

Самыми напряженными в отношениях между НРП и ДП стали 1958–1959 гг., и с середины 1959 г. вся Турция стала ареной самой жаркой политической борьбы [19, s. 377]. По свидетельству политического обозревателя «Акиса» Турхана Фейзиоглу, большинство людей отвергли ДП и она превратилась в «партию меньшинства у власти», а «НРП, несомненно, вышла из выборов укрепившейся и энергичной» [25, s. 13].

27 мая 1960 г. в Турции произошел государственный переворот, осуществленный армией, который сверг антинародный режим ДП. Шевкет Айдемир назвал 1960-й год «годом сведения счётов» [19, s. 398].

Несостоявшиеся парламентские выборы 1961 года

Правящая партия, стремясь хоть как-то укрепить стремительно слабеющие позиции и возродить религиозную монополию, в сентябре 1958 г. инициировала создание «Отечественного фронта» с множеством ячеек по всей стране. К апрелю 1960 г. было основано около 150 ячеек фронта, которые возглавлялись членами ДП и пользовались покровительством правительства [26, s. 225].

«Акис» не высказал какого-либо определенного отношения к созданию «Отечественного фронта». Однако Доган Авджиоглу, политобозреватель журнала, признавал: «Да, в стране существует почва для эксплуатации религиозных чувств турецкого народа» [27, s. 9].

В сложившейся ситуации правящей партии стало совершенно очевидно, что проведение очередных парламентских выборов в официально установленные сроки осенью 1961 г. чревато реальной опасностью поражения. По свидетельству Шевкета Айдемира, сам премьер-министр Аднан

Мендерес выступил инициатором проведения досрочных выборов весной 1960 г., но с этим был не согласен президент Джелиль Баяр. В данной ситуации обозреватель усматривал стремление Мендереса выйти из-под влияния деликатного и мягкого Баяра, тем более, были в ходу слухи о том, что Баяр намеревается пригласить Намыка Гедика с целью замены премьер-министра Мендереса [19, с. 397–398].

Оппозиция настойчиво требовала от правительства внести ясность в дату проведения выборов, но правительство всячески уклонялось от ответа. Все это вызывало растущее недовольство оппозиции. Страницы «Акиса» весной 1960 г. были полны материалов о предвыборной кампании НРП и описания опасных перипетий поездок по стране ее лидера Исмета Иненю. «Акис» твердо настаивал на проведении очередных выборов, как самое позднее, в середине 1960 г. [28, с. 5].

Журнал в это время твердо поддерживал НРП и лично ее лидера Исмета Иненю, который неустанно повторял, что «национальное единство создаётся только в результате свободных дебатов и выборов» [29, с. 5].

«Акис» в отличие от всех политических деятелей оппозиции, включая и лидера НРП, открыто возлагал надежды на турецкую армию. Надеялся, что «как было во многих странах мира, эта, реально обладающая силой структура, скажет все же свое решительное «нет» антинародному режиму» [30, с. 7].

Заключение

50-е гг. XX в. стали переломным периодом в новейшей истории республиканской Турции. Они одновременно явились пробным камнем для всех печатных органов страны в борьбе за сохранение завоеванных турецким народом таких важных элементов демократии, как уважение прав и основных свобод человека, проведение свободных и справедливых выборов на основе всеобщего голосования.

Еженедельник «Акис» никогда не принадлежал ни одной партии. Но как неофициальный рупор оппозиционных сил, в первую очередь НРП, во главе с ее неизменным лидером Исметом Иненю, нейтрально и объективно освещал борьбу всех сторонников демократии в периоды предвыборных кампаний и работу депутатов в меджлисе. Это свое издательское кредо журнал, несмотря на жесткое давление властей – аресты журналистов, судебное преследование – сумел сохранить вплоть до государственного переворота 27 мая 1960 г.

Дискуссии и дебаты депутатов противоположающихся сторон, публикуемые в «Акисе», находили самый живой интерес у читателей. Особое внимание еженедельник уделял малоизвестным событиям, сопровождавшим борьбу

оппозиционных партий. «Акис» – единственный из турецких органов печати – открыто связывал свои ожидания с турецкой армией, традиционным союзником НРП, надеясь на ее решительное вмешательство в политическую жизнь страны.

Свидетельством принципиальной борьбы «Акиса» за углубление и укрепление демократии в стране стали его твердые призывы уже после государственного военного переворота. Будучи признанным рупором оппозиции, он требовал введения пропорциональной выборной системы и установления в Турции двухпартийной системы голосования по западному образцу. Журнал потребовал сохранить в политической жизни страны и свергнутую по итогам выборов партию.

Еженедельник, безусловно, внес свой вклад в освобождение страны от антинародного режима ДП. Его принципиальная позиция и решительная борьба на парламентских выборах в 50-е гг. и в депутатских группах меджлиса являются ярким свидетельством существования в турецком обществе значительного слоя сторонников демократии.

Конечно, можно критиковать издательский коллектив еженедельника за какие-то упущения и недостатки, но важно понимать, что он открыто отражал мнение турецкого народа, столкнувшегося с необходимостью сохранения демократии в своей стране.

Примечания

¹ Лаицизм, секуляризм (тур. Laiklik) – светский характер государства и отделение государства от ислама. Одной из первых реформ Мустафы Кемаля Ататюрка была отмена шариатского права. Затем был введен запрет на религиозное образование, а все школы были подчинены Министерству просвещения Турции.

² Аднан Мендерес – премьер-министр Турции (1950–1960), лидер Демократической партии.

Список литературы

1. *Özbudun E.* The role of the military in recent Turkish politics. Occasional papers in international affairs. Cambridge : Center for International Affairs, Harvard University, 1966. 54 p.
2. *Oral F.* Türk basın tarihi. 1919–1965. Cumhuriyet dönemi. Ankara : Doğuş Matbaacılık ve Ticaret Lmd. Şirketi, 1966. 467 s.
3. *Aydemir Ş. S.* Menderesin Dramı. İstanbul : Remzi Kitabevi, 1984. 512 s.
4. *Kendi aramızda.* Sevgili Akis Okuyucuları // Akis. С. 3. 1955. 8 Ocak. № 35. S. 3.
5. *Toker M.* Huzura Götüren Tek Yol // Akis. С. 11. 9 Kasım. 1957. № 183. S. 5.
6. *Куреев Н. Г.* Промышленная политика и эволюция капиталистических отношений // Капитализм в Турции. Социально-экономическое развитие в 50–80-х годах / под ред. П. П. Моисеева. М. : Наука, 1987. С. 112–132.

7. Türkiye Ansiklopedisi 8-ci cilt. Cumhuriyet dönemi. Ankara : İletişim Yayınlar, 1983. 2862 s.
8. *Karpat K.* Türk Demokrasi tarihi. Sosyal, Ekonomik, Kültürel Temeller. İstanbul : İstanbul Matbaası, 1967. 409 s.
9. Beklenen misafir ... // Akis. C. 14. 1959. 25 Kasım. № 278. S. 9–12.
10. *İnönü İ.* Muhalefetde. 1950–1956. Konuşmaları, demeçleri, mesajları, sohbetleri ve yazılarıyla. İstanbul : Sıralar Matbaası, 1956. 428 s.
11. *Sander O.* Siyasi Tarih. Birinci Dünya Savaşının sonundan 1980-e kadar. Ankara : İmg Kitabevi, 1989. 447 s.
12. *Eroğul C.* Demokrat Parti (Tarihi ve ideolojisi). Ankara : A.Ü.S.B.F. yayınları, 1970. № 294. 228 s.
13. Kendi aramızda. Sevgili Akis Okuyucuları // Akis. C. 2. 1954. 13 Kasım. № 27. S. 3.
14. Kendi aramızda. Sevgili Akis Okuyucuları // Akis. C. 1. 1954. 4 Eylül. № 17. S. 3.
15. *Topuz H.* 100 Soruda Türk basın tarihi. İstanbul : Gerçek Yayınevi, 1973. 270 s.
16. Kendi aramızda. Sevgili Akis Okuyucuları // Akis. C. 5. 1955. 31 Aralık. № 86. S. 3.
17. Seçim neticeleri üzerinde bir inceleme. 1950, 1954, 1957 Milletvekili seçimleri. Ankara : C.H.P. Araştırma Bürosu, 1959. № 7. 47 s.
18. *Nadi N.* Atatürk ilkeleri ışığında uyarmalar. Bir iflâsın kronolojisi. 1950–1960. İstanbul : Cumhuriyet Yayınları, 1961. 320 s.
19. *Aydemir Ş. S.* İkinci adam : İsmet İnönü. Üçüncü ve Son Cilt (1950–1964). İstanbul : Remzi Kitabevi, 1968. 578 s.
20. *Aksal İ. R.* Muhalefet cephesi // Akis. C. 10. 1957. 8 Haziran. № 161. S. 9.
21. Tebliğ // Akis. C. 7. 1956. 14 Temmuz. № 114. S. 6.
22. *Teziç E.* 100 soruda Siyasi partiler (Partilerin hukuki rejimi ve Türkiyede partiler). İstanbul : Gerçek Yayınevi, 1976. 368 s.
23. İşbirliğini Seçmenler Yapacaktır // Akis. C. 11. 1957. 21 Eylül. № 176. S. 5–6.
24. *Toker M.* Bu Talihsizliği yenmeliyiz // Akis. C. 9. 1957. 12 Ekim. № 179. S. 5–8.
25. *Feyzioğlu T.* Seçimin öğrettiği Gerçek // Akis. C. 11. 1957. 15 Kasım. № 184. S. 13.
26. *Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 296 с.
27. *Авсцоğlu D.* Maneviyat Peşinde // Akis. C. 14. 1959. 28 Mart. № 247. S. 9.
28. Manzara // Akis. C. 16. 1960. 3 Şubat. № 288. S. 5.
29. Demokrasi // Akis. C. 13. 1958. 2 Ağustos. № 221. S. 4–5.
30. Gazetecinin kaderi // Akis. C. 14. 1959. 15 Eylül. № 268. S. 6–7.

Поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 00.12.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 06.12.2021; approved after reviewing 00.12.2021; accepted for publication 31.01.2022

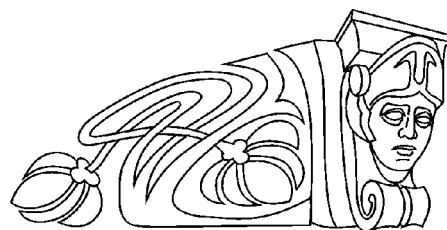

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 207–213
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 207–213
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-207-213>

Научная статья
УДК [327:[616-036.21:578.834.1]](470+571:430)|2020/2022|

Проблемы сотрудничества России и Германии в борьбе с пандемией COVID-19

А. Н. Растворцева

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Растворцева Александра Николаевна, аспирант факультета международных отношений, кафедра европейских исследований, alexandra.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5881-8783>, Author ID: 8785-7693

Аннотация. В статье рассматривается развитие диалога между Россией и Германией по вопросу признания вакцины Sputnik V; анализируются мнения германских и европейских политиков по данной проблеме. Формулируется вывод о том, что взаимное признание вакцин между Россией и Германией как одного из основных акторов Европейского Союза могло бы стать как началом улучшения ситуации с распространением вируса, так и двусторонних взаимоотношений, и отношений Россия – ЕС в целом.

Ключевые слова: Россия, Германия, ЕС, пандемия, вакцина, сотрудничество, COVID-19

Для цитирования: Растворцева А. Н. Проблемы сотрудничества России и Германии в борьбе с пандемией COVID-19 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 207–213. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-207-213>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems of Russia and Germany cooperation in the fight against the COVID-19 pandemic

A. N. Rastvortseva

Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg 199034, Russia

Alexandra N. Rastvortseva, alexandra.95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5881-8783>, Author ID: 8785-7693

Abstract. The article examines the development of a dialogue between Russia and Germany regarding the recognition of the Sputnik V vaccine, the opinions of German and European politicians on this issue. The author comes to the conclusion that the mutual recognition of vaccines between Russia and Germany as one of the main actors of the European Union could be both the beginning of an improvement in the situation with the spread of the virus, as well as bilateral relations and relations between Russia and the EU as a whole.

Keywords: Russia, Germany, EU, pandemic, vaccine, cooperation, COVID-19

For citation: Rastvortseva A. N. Problems of Russia and Germany cooperation in the fight against the COVID-19 pandemic. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 207–213 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-207-213>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Российско-германским отношениям в XXI в. посвящено немало исследований, касающихся различных аспектов взаимодействий стран. Среди современных отечественных исследователей стоит упомянуть В. Б. Белова, изучающего экономическое, политическое и энергетическое взаимодействие России и Германии [1], Н. А. Власова, рассматривающего политику безопасности ФРГ [2]. Работы В. А. Федорцева [3] и И. Ф. Максимычева [4] посвящены проблемам российско-германского сотрудничества, Н. В. Павлов исследует историю внешней политики Германии [5], Ф. О. Трунов анализирует политику ФРГ в условиях международных кризисов [6].

В Германии российско-германскими отношениями занимаются такие авторы, как Х. Й. Шпангер [7], Ш. Майстер [8], С. Фишер [9], которые дают оценку внешней политике Германии на российском направлении. С. Фишер, например, считает отношения с Россией «сложными» [9, с. 45], а Х.-Й. Шпангер, анализируя историю российско-германских взаимодействий, приходит к выводу о том, что наиболее предсказуемые риски для германо-российских отношений кроются в растущем разрыве между идеями политического порядка [7, с. 40]. Работы Р. Гётца [10] посвящены энергетическому сотруд-

ничеству Российской Федерации и Германии, а С. Шпан изучает роль медиа в международных отношениях, например, в создании образа Украины в Германии [11].

В работах вышеназванных авторов рассматриваются такие аспекты, как роль Германии в международных процессах на современном этапе, российско-германские отношения на фоне Украинского кризиса, внешняя политика Германии, сотрудничество Германии и Российской Федерации в газовом, экономическом, политическом секторах. Однако на данный момент еще нет исследований, касающихся развития диалога между Россией и Германией на тему обоюдного признания вакцины против вируса COVID-19, который изменил жизнь на всех уровнях: от личного до международного.

В 2020 г. мир столкнулся с глобальным вызовом – пандемией COVID-19, заблокировавшей общественную жизнь и заставившей ученых начать срочную разработку вакцины, которая стала бы единственной возможностью взять под контроль распространение вируса.

Первым препаратом стала зарегистрированная в августе 2020 г. российская вакцина Спутник V, созданная в Центре эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи [12]. Вслед за российским препаратом в мире появились такие вакцины, как BioNtech/Pfizer, Moderna, AstraZeneca, CoronaVac, Ad5-nCoV и др.

Однако общая проблема, обеспечения жизни и здоровья жителей всех стран не стали прорывом в улучшения политического климата в отношениях Россия – Запад. Практически с момента появления вакцины политическая составляющая вышла на первый план, и до сих пор существует деление на «российскую» и «зарубежную» вакцины, а также взаимное непризнание вакцинации, которое фактически исключает международное взаимодействие, и конкретно сотрудничество России и Европейского Союза в борьбе против вируса.

Россия, благодаря научному потенциалу, продолжила разработку защитных вакцин, и сегодня зарегистрированы и введены в оборот уже четыре препарата отечественного производства: помимо Спутник V, это ЭпиВакКорона, Ковивак и Спутник Лайт. Стоит отметить, что с момента появления Спутник V уже зарегистрирован практически в 70 странах мира, среди которых государства Ближнего Востока, Азии и Африки, Северной и Южной Америки и некоторые страны Европы [13].

Научные исследования и публикации в таких признанных журналах как The Lancet [14], Nature [15], Cell Reports Medicine [16] указывают на высокую эффективность вакцины, но, несмотря на это, европейское сообщество не стремится к окончательному признанию эффективности российской вакцины и рекомендации к ее применению на своей территории, тем самым давая

возможность нарастить присутствие на мировом рынке вакцин собственного производства. Вынужденным ответом России в вопросах вакцинации европейскими препаратами также оказалось их неприятие в качестве признанной защиты от вируса.

В свою очередь, в Германии на данный момент российские вакцины как не прошедшие формальную процедуру одобрения со стороны Европейских организаций не признаны, и используются препараты только таких компаний, как:

Biontech-Pfizer – стратегический альянс инновационной немецкой биотехнологической фирмы-разработчика и американского гиганта фармацевтики;

Moderna – американская фармацевтическая компания;

Johnson&Johnson – американская холдинговая компания;

AstraZeneca – англо-шведская фармацевтическая компания, зарегистрированная в Великобритании [17].

Если рассматривать ситуацию в динамике, можно увидеть следующую картину. Дебаты о возможности признания российского препарата немецкими фармацевтическими компаниями ведутся давно [18], так как с начала вакцинации в Германии федеральное правительство сталкивалось с критикой того, что было заказано слишком малое количество доз вакцины, и, соответственно, вакцинация проходит слишком медленно [19]. Однако, как уже говорилось, на решение данного вопроса влияют не только факторы, касающиеся здравоохранения, но и политическая обстановка. Ведь сегодня отношения между Россией и Германией претерпевают довольно сложный период, который некоторые источники характеризуют как потерю доверия [20], охлаждение [21], или же, как новый этап, на котором сторонам все сложнее добиться консенсуса в решении важных проблем [22].

В феврале 2021 г. новости о том, что российская вакцина Спутник V благодаря научным исследованиям доказала свою эффективность и безопасность, вызвали бурную реакцию в Германии. Федеральный министр здравоохранения Й. Шпан заявил, что Германия может поддержать вакцину, которая еще не зарегистрирована в Европе, а также, что будут проведены переговоры с Москвой для определения производственных мощностей по производству вакцины в ФРГ [23]. Кроме того, он сообщил, что, в случае необходимости Германия может одобрить использование вакцины самостоятельно на национальном уровне, не дожидаясь одобрения со стороны Европейского Союза [24]. Буквально через день правительство земли Саксония-Ангальт подтвердило, что российские разработчики связались с IDT Biologika в Дессау: «В отношении Спутник V нет никаких идеологических оговорок.

Мы приветствуем все, что может помочь в борьбе с короной. Если бы IDT Biologica захотела производить российскую вакцину, и она была бы одобрена в ЕС, мы, конечно же, сделали бы все возможное, чтобы помочь» [25], – заявил Райнер Хазелофф, пресс-секретарь премьер-министра.

Следует отметить, что Ангела Меркель лично предложила правительству Германии помощь в ускорении утверждения Спутник V в Европейском Союзе, так как Россия выразила готовность к тому, чтобы производить свою вакцину на территории ФРГ [26, 27]. Кроме того, Франция, Испания и Австрия также выразили заинтересованность в использовании вакцины, а Италия объявила о планах компании AdienneSrl в Ломбардии производить Спутник V с июля 2021 г. [28, 29].

Кроме Ангелы Меркель, Йенса Шпана и Райнера Хазелоффа, за одобрение и регистрацию российской вакцины высказались и другие политические деятели Германии: Вольф-Дитер Людвиг, глава комиссии по лекарствам немецких медиков и член совета директоров ЕМА (Европейское агентство лекарственных средств) назвал принцип вакцины Спутник V «очень разумным» [30]. Такое же мнение выразил Глава Постоянной комиссии по вакцинации Томас Мертенс [31]. За введение в оборот препарата Спутник V высказались также министр экономики Гарри Глау (ХДС) и премьер-министр земли Мекленбург-Передняя Померания Мануэла Швезиг (СДПГ), лидер тюрингской парламентской группы ХДС Марио Фойгт [32] и др.

Мэр Берлина Михаэль Мюллер (СДПГ) подчеркнул необходимость получения российской вакцины: «Нам нужна каждая вакцина, которую мы можем получить». Маркус Зёдер (ХСС) потребовал, чтобы Евросоюз начал действовать сейчас, без «классической бюрократической процедуры по мелочам» [33]. Депутат Европейского парламента Петер Лизе настоятельно рекомендовал Европейской комиссии «оценивать это не политически, а объективно» [34].

Уже в марте 2021 г. делегация партии Альтернатива для Германии посетила Москву, чтобы изучить российские методы борьбы с пандемией [35]. В апреле немецкоязычная пресса говорила о том, что европейские страны и регионы проявляют все больше интереса к российской вакцине [36]. Более того, по словам премьер-министра Саксонии Кречмера (ХДС), Германия планировала закупить 30 млн доз Спутник V – по 10 млн в июне, июле и августе [37].

Стоит также отметить, что Бавария и Мекленбург-Передняя Померания провели отдельные, независимые переговоры с российским производителем, а премьер-министр Бранденбурга Дитмар Войдке (СДПГ) планировал вести переговоры с Москвой. Однако путь к сотрудничеству перекрыла партия «Зеленых»: сенатор по экономическим вопросам Рамона Поп и депутаты,

сославшись на ситуацию с А. Навальным, заявили, что только Путин и Кремль выиграют от соглашения по вакцине. В ответ на это эксперт по здравоохранению партии СДПГ Томас Изенберг заявил о том, что он «ошеломлен» тем, что на основании вето Рамоны Поп был отклонен законопроект администрации здравоохранения, а также не принято решение об обеспечении Берлина партией вакцины Спутник V в случае его одобрения ЕС. «Зеленые», по его мнению, «идеологизируют» вакцину вместо того, чтобы сотрудничать в поиске решения проблемы [38].

Кроме того, депутаты Свободной демократической партии Германии делали запрос в Бундестаг [39], в котором задавали вопросы, касающиеся таких тем, как отношение федерального правительства к российской вакцине; объемы поставок Спутник V в другие страны; связывалось ли федеральное правительство с Российским государством или с Российскими исследователями, участвовавшими в разработке, для получения дополнительных данных из клинических исследований препарата Спутник V; были ли контакты между Федеральным министерством здравоохранения и российским посольством или представителями правительства России по поводу Спутник V; какие площадки для производства Спутник V известны федеральному правительству; как федеральное правительство оценивает возможное производство Спутник V в Германии и др.

В ответном документе федеральное правительство сообщило, что на данный момент проверка и оценка данных перед подачей полной заявки все еще продолжаются, поэтому график возможного утверждения вакцины Европейской комиссией еще не установлен [40]. Что касается объемов поставок, то достоверных данных об объемах экспорта Спутник V нет. Однако на уровне руководства Федерального министерства здравоохранения состоялось четыре обсуждения с представителями Посольства России в Германии и с Министерством здравоохранения России по вопросу использования российской вакцины.

Правительство Германии продолжает вести переговоры с Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) о возможной поставке Спутник V для Германии. Но предпосылкой для закупок и сотрудничества в производстве все же остается одобрение вакцины в ЕМА. В документе подчеркивается, что любое производство вакцин, способных сдерживать последствия пандемии COVID-19 и одобренных Европейской комиссией, получит поддержку федерального правительства.

Необходимо отметить, что депутат Бундестага от партии Левых Дитер Дем в мае 2021 г. демонстративно прошел вакцинацию препаратом Спутник V в Москве, чем хотел показать, что он критикует тот факт, что российская вакцина еще не одобрена в ЕС и, следовательно,

не введена в оборот в Германии, а является одной из «вакцин, наиболее игнорируемых и оклеветанных германским империализмом» [41].

Со своей стороны российская фармацевтическая компания «Р-Фарм» объявляла о готовности производить вакцину Спутник V в Иллертиссене (Бавария) с июня или июля 2021 г. [42]. Баварский министр здравоохранения Клаус Холчек сказал, что был бы счастлив, если бы вакцина производилась именно в Баварии [26]. Однако за закупку вакцин отвечает федеральное правительство, которое, несмотря на заявления, сделанные ранее, все же поставило твердое условие заключения сделки – одобрение вакцины Евросоюзом.

Рассматривая в целом отношение стран Европейского Союза к российскому препарату, стоит обратить внимание на следующие мнения. Президент Совета ЕС Шарль Мишель обвиняет Россию и Китай в использовании своих вакцин «в пропагандистских целях». Примечательно, что эту же опасность видят и международные эксперты: Нью-Йоркский аналитический центр «The Soufan Center» даже сравнил подход России и Китая с «новой гонимой вооружений» [43].

Кроме того, в названиях некоторых статей можно увидеть новый термин «дипломатия вакцины» – *Impf-Diplomatie* [44], а также прочитать следующую мысль: «Спутник V с самого начала был политическим проектом, начиная с названия. «Спутник» был названием первого спутника на околоземной орбите, доставленного туда Советским Союзом. Россия теперь хочет первой поразить мир своей вакциной» [45]. Таким образом, очевидно, что вопрос взаимопомощи в области здравоохранения сводится к чисто политической тематике.

Представитель Австрийского агентства по вопросам здоровья Криста Виртумер-Хох не просто высказалась против экстренного одобрения Спутник V, но и предостерегла от игры в «русскую рулетку» [41]. Согласно ZDFheute, российская вакцина агрессивно рекламируется в социальных сетях, при этом Россия – не бескорыстный помощник, ее стратегия направлена против Европейского Союза. Сара Пагунг, исследовательница России из Немецкого общества внешней политики, также видит в сложившейся ситуации «целенаправленную, иногда агрессивную публичную дипломатию». Кампания Спутник V, по ее мнению, которое приводит Н. Метцгер, представляет собой типичный пример российского зарубежного общения за последние 10 лет [46].

Госсекретарь при МИД Франции Клеман Бон еще в марте призвал страны ЕС не признавать российский препарат до общеевропейского одобрения, так как это было бы «проблемой с точки зрения солидарности международного сообщества и рисков для здоровья» [46].

Помимо этого, в одной из апрельских статей Tagesspiegel [47] говорится о том, что Спутник становится все более скандальной вакциной и постепенно превращается в большой политический скандал. Следовательно, шансы на положительный исход процесса одобрения уменьшаются. Существуют также и подозрения в том, что Россия представила сомнительные документы в Европейское агентство по лекарственным средствам (ЕМА).

Летом 2021 г. Спутник V все еще находился на процедуре экспертизы агентства ЕМА, которое указывало на нехватку данных, в связи с чем в Германии шла речь о том, что признания вакцины раньше осени не будет. При этом снова звучали голоса немецких политиков, призывающих к более быстрому решению проблемы. Например, Маркус Зёдер в очередной раз выступил в поддержку Спутник V и призвал не ставить во главу угла идеологические причины. Он подчеркнул, что «двигатель вакцинации не должен заикаться», так как Бавария имеет возможность закупить 2,5 млн доз [48].

Однако, рассматривая ситуацию осенью 2021 г., стоит подчеркнуть, что немецкие СМИ говорят о том, что Россия до сих пор не предоставила документы, требуемые Европейским агентством по лекарственным средствам и Всемирной организацией здравоохранения. Кроме того, российская сторона даже отменила запланированную на октябрь поездку экспертов ЕМА, в связи с чем германский дипломат Маркус Эдерер высказался следующим образом: «Это не первый случай, когда Россия не соблюдает сроки проведения проверок, требуемых ЕМА» [49].

На данный момент процесс продолжается. Цель процедур, заявленных ВОЗ, – ускорить доступ к безопасным и эффективным вакцинам, чтобы спасти жизни и взять под контроль пандемию. Минздрав России надеялся на прогресс в решении данного вопроса в декабре 2021 г., однако западные дипломаты предполагают, что одобрение ЕС может затянуться до весны 2022 г. [50]. По этому поводу в октябре выступил упомянутый политик ФРГ Дитер Дем, назвав абсурдом то, что, «например, венгру, полностью вакцинированному Спутником V, можно есть в немецком ресторане, который придерживается правила 2G, а немцу – в данном случае мне – нет» [51]. Так как в рамках ЕС Спутник уже применялся различными странами, в Германии продолжаются дебаты о том, можно ли признать сертификаты жителей ЕС российской вакциной. Адвокат Дема, известный юрист из Карлсруэ Кристиан Кирхберг предполагает, что свидетельства должны быть признаны, так как это соответствует общему правовому принципу в ЕС по защите основных свобод, которые также подразумевают свободное передвижение людей. Однако эксперт по конституционному и европейскому праву Геттингена

Франк Шоркопф делает вывод, «что государства-члены не обязаны признавать венгерский сертификат о вакцинации, выданный на основании вакцинации Спутник V» [51]. По словам Д. Хиппа, сертификат не должен быть признан, потому что этому противоречит формулировка немецких законодательных положений, и это также подпадает под действие законодательства ЕС [51].

Общественное мнение жителей Германии также неоднозначно. Согласно данным de Statista – опроса, проведенного от имени Tagesspiegel среди 2,5 тыс. респондентов в Германии около 51% немцев вакцинировались бы российской вакциной при условии, что она получит одобрение Европейского Союза. С другой стороны, около 37% отвергают вакцину, а чуть менее 12% – не определились [52].

Statista также демонстрирует существующее в Германии разделение на восток и запад, когда дело касается доверия к препарату Спутник V: в то время как около 59% респондентов из новых федеральных земель согласились бы на вакцинацию, на западе «за» высказались только 49%. Отказ от российской вакцины также значительно выше в старых федеральных землях – от 41 до 27%. Есть также различия между полами: Спутник V поддержали 56% мужчин, но только 45% женщин [52].

То, что многие политические деятели Германии выступают за положительное решение вопроса о производстве российской вакцины, показывает, с одной стороны, их заинтересованность в преодолении охватившей мир пандемии в кратчайшие сроки, несмотря на политические разногласия между Германией и Россией; с другой стороны, указывает на ослабление Европейского Союза как международного образования в целом: страны-члены ЕС выражают намерения принятия решений на национальном уровне.

Подводя итог, можно сказать, что Спутник V мог бы стать первой западной вакциной против коронавируса, одобренной в Европейском Союзе [43], так как агентство по лекарственным средствам ЕС уже начало процесс утверждения, или же стать одной из вакцин в отдельных странах Европы, заключивших с Россией двусторонние соглашения. Если данное решение будет принято на уровне Евросоюза, можно будет говорить о том, чтобы и вакцины западного производства были признаны в России, что позволит расширить сотрудничество, увеличить количество препаратов, облегчить межгосударственные контакты на разных уровнях.

Известно, что на данный момент вакцинация в Германии проходит довольно быстрыми темпами и более половины населения уже имеют сертификаты. Однако в последнее время появляются все новые штаммы вируса, которые требуют пересмотра действия вакцин, а также ставят вопрос о необходимости ревакцинации другими

препаратами спустя определенный промежуток времени.

Исходя из неопределенности ситуации, стоит учитывать возможность производства различных вакцин как необходимого инструмента проведения вакцинации на международном уровне в том темпе, которого потребуют обстоятельства. В истории уже существуют примеры преодоления пандемии совместными усилиями в кратчайшие сроки, которые показывают, что остановка распространения опасных заболеваний возможна, только если действия предпринимаются коллективно. Ведь нельзя не учитывать тот факт, что взаимопомощь в вопросе здравоохранения ставит на кон не только политические выгоды, но и человеческие жизни.

Взаимодействие России и Германии в области здравоохранения на данный момент могло бы стать одним из шагов не только по налаживанию двусторонних отношений и восстановлению доверия, но и укреплению отношений Россия – ЕС. Так как Германия является одним из столпов Европейского Союза, продвижение одобрения российской вакцины немецкими политиками внесло бы существенный вклад в заключение взаимных договоренностей о совместном использовании различных вакцин против распространения вируса и может стать фактором возрождения доверия и преодоления сложных нагромождений политических контрпродуктивных конструкций современного развития международных отношений.

Список литературы

1. Белов В. Б. Актуальные вызовы для российско-германских отношений // Современная Европа. 2018. № 3 (82). С. 125–132.
2. Власов Н. А. Россия в политике безопасности ФРГ на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. № 2. С. 184–199.
3. Федорцев В. А. Политика Германии в отношении России : тенденции и перспективы // Международная политика. Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2 (35). С. 9–23.
4. Максимычев И. Ф. Есть ли будущее у германо-российского сотрудничества // Россия XXI. 2015. № 6. С. 28–37.
5. Павлов Н. В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М. : Международные отношения, 2012. 800 с.
6. Трунов Ф. О. Политика ФРГ в НАТО и украинские события // Современная Европа. 2016. № 5. С. 34–43.
7. Spanger H.-J. Paradoxe Kontinuitäten. Die deutsche Russlandpolitik und die koalitionären Farbenlehren // HSFK-Report 12/2005. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/29884/report1205.pdf> (дата обращения: 23.07.2020).
8. Meister S. Pragmatische Russlandpolitik. Deutschland sollte seine Verhandlungsposition stärken // DGAP Memo. 2021 № 4. S. 1–4. URL: <https://dgap.org/de/forschung/>

- publikationen/pragmatische-russlandpolitik (дата обращения: 28.11.2021).
9. Fischer S. Schwieriges Verhältnis zu Moskau. Deutsche Russlandpolitik muss weiter justiert werden // *Maihold G., Mair S., Müller M., Vorrath J., Wagner Ch.* (Hg.) Deutsche Außenpolitik im Wandel. Beiträge zu Sammelstudien 2021.30.09. S. 45–48.
10. Götz R. Review of Deutsch-russische Beziehungen im Gassektor. Wirtschaftliche Rahmenbedingungen, Interorganisationsnetzwerke und die Verhandlungen zur Nord Stream Pipeline; Russland als globaler Wirtschaftsakteur. Handlungsressourcen und Strategien der Öl- und Gaskonzerne // *Sander M., Grätz J.* Osteuropa. 2013. № 63 (9). S. 120–124.
11. Spahn S. Das Ukraine-Bild in Deutschland : Die Rolle der russischen Medien. Wie Russland die öffentliche Meinung in Deutschland beeinflusst // *Aus Russland-Analysen.* 2016. № 317. S. 2–4.
12. «Спутник V». Все о первой российской вакцине от коронавируса // *ria.ru.* 2021.01.07. URL: <https://ria.ru/20210701/sputnikv-1739169613.html> (дата обращения: 08.07.2021).
13. ПАРТНЕРСТВА. URL:<https://sputnikvaccine.com/rus/partnerships/> (дата обращения: 08.07.2021).
14. Logunov D. Y., Dolzhikova I. V., Shcheblyakov D. V., Tikhvatulin A. I., Zubkova O. V. et al. Safety and efficacy of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine : an interim analysis of a randomised controlled phase 3 trial in Russia // *The Lancet.* 2021. Vol. 397, iss. 10275. P. 671–681. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(21\)00234-8/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(21)00234-8/fulltext) (дата обращения: 20.06.2021). [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)00234-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)00234-8)
15. Mounting evidence suggests Sputnik COVID vaccine is safe and effective // *Nature.* 06.07.2021. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-021-01813-2?fbclid=IwAR2MVXNVUtD2XAFeg6MA10PUrudcHZ85fOsWNex9Q3Az87D11fe6GzFmqQk> (дата обращения: 21.07.2021).
16. Rossi A. H., Ojeda D. S., Varese A., Sanchez L., Ledesma M. M. G. L., Mazzitelli I., Juliá A. A., Rouco S. O., Pallarés H. M., Navarro G. C. S., Rasetto N. B., Garcia C. I., Wenker S. D., Ramis L. Y., Bialer M. G., Jose M. de Leone, Hernando C. E., Sosa S., Bianchimano L., Rios A. S., Cienfuegos T. M. S., Caramelo J. J., Longueira Y., Laufer N., Alvarez D. E., Carradori J., Pedrozza D., Rima A., Echegoyen C., Ercole R., Gelpi P., Marchetti S., Zubieta M., Docena G., Kreplak N., Yanovsky M., Geffner J., Pifano M., Gamarnik A. V. Sputnik V Vaccine Elicits seroconversion and neutralizing capacity to SARS-CoV-2 after a single dose // *Cell Reports Medicine.* 2021. Vol. 2, iss. 8. <https://doi.org/10.1016/j.xcrm.2021.100359>
17. Impfstofftypen. URL: <https://www.zusammengegenreconora.de/impfen/impfstoffe/impfstofftypen/> (дата обращения: 08.07.2021).
18. Putin und Merkel diskutierten über gemeinsame Impfstoff-Produktion // *Welt.de.* 2021.05.01. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article223769332/Putin-und-Merkel-diskutieren-ueber-gemeinsame-Impfstoff-Produktion.html> (дата обращения: 25.03.2021).
19. Kritik an Impfstrategie der Bundesregierung // *Dw.com.* 2021.03.01. URL: <https://www.dw.com/de/kritik-an-impfstrategie-der-bundesregierung/a-56116445> (дата обращения: 25.03.2021).
20. Fischer S. Was Russland an Deutschland nicht versteht // *Ipg-journal.de.* 2020.29.09. URL: <https://www.ipg-journal.de/rubriken/aussen-und-sicherheitspolitik/artikel/was-russland-an-deutschland-nicht-versteht-4675/> (дата обращения: 08.07.2021).
21. Küstner K. Deutsch-russische Beziehungen. Ein neuer Kältegrad // *Tagesschau.de.* 2021.09.02. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/russland-deutschland-ausweisung-105.html> (дата обращения: 08.07.2021).
22. Lebedew A. Deutsche Moskau-Politik “Tief verankerte Sonderbeziehung zu Russland” // *Zdf.de.* 2021.07.02. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/beziehung-russland-deutschland-100.html> (дата обращения: 08.07.2021).
23. Spahn : Zulassung von Sputnik V in EU denkbar // *Zdf.de.* 2021.03.02. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/corona-spahn-zulassung-sputnik-v-100.html> (дата обращения: 25.03.2021).
24. Berlin will, dass die EU Sputnik V bestellt // *Zdf.de.* 2021.24.03. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/berlin-sputnik-impfstoff-eu-100.html> (дата обращения: 25.03.2021).
25. Hessler U. Russischer Corona-Impfstoff bald aus Dessau? // *Dw.de.* 2021.05.02. URL: <https://www.dw.com/de/russischer-corona-impfstoff-bald-aus-dessau/a-56470817> (дата обращения: 25.03.2021).
26. Spahn zu russischem Vakzin. Rufe nach Sputnik V werden lauter // *Tagesschau.de.* 2021.19.03. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/deutschland-corona-sputnik-v-101.html> (дата обращения: 27.03.2021).
27. Sputnik V soll in Deutschland produziert werden // *Tagesschau.de.* 2021.15.03. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/corona-eu-deutschland-sputnik-v-101.html> (дата обращения: 25.03.2021).
28. Russischer Corona-Impfstoff soll in Deutschland produziert werden // *Zeit.de.* 2021.15.03. URL: <https://www.zeit.de/wissen/2021-03/sputnik-v-russland-meldet-vereinbarung-zur-produktion-in-deutschland> (дата обращения: 25.03.2021).
29. Russland : Vereinbarung zur Produktion von Sputnik V in Deutschland // *Faz.net.* 2021.15.03. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/produktion-von-corona-impfstoff-sputnik-v-in-deutschland-vereinbart-17245813.html> (дата обращения: 25.03.2021).
30. Krökel U. Das große Streiten um Sputnik V // *Saarbruecker-Zeitung.de.* 2021.21.03. URL: <https://www.saarbruecker-zeitung.de/nachrichten/politik/ausland/debatte-um-eine-zulassung-des-russischen-vakzins-sputnik-v-in-eu-aid-56927457> (дата обращения: 25.03.2021).
31. „Sputnik V ist clever gebaut”. Chef der Impfkommision lobt russischen Impfstoff // *Tagesspiegel.de.* 2021.10.03. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/sputnik-v-ist-clever-gebaut-chef-der-impfkommision-lobt-russischen-impfstoff/26991286.html> (дата обращения: 25.03.2021).
32. Deutschland plant bilateralen Vertrag zum Sputnik-V-Ankauf // *Faz.net.* 2021.08.04. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/deutschland-will-russischen-corona-impfstoff-sputnik-v-kaufen-17282978.html> (дата обращения: 10.04.2021).

33. Müller und Söder liebäugeln mit russischem Impfstoff Sputnik V // Spiegel.de. 2021.19.03. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/corona-impfstoff-mueller-und-soeder-liebbaeugeln-mit-russischem-impfstoff-sputnik-v-a-3fbd776d-dc4b-4388-b876-5d888c8478e2> (дата обращения: 25.03.2021).
34. CDU-Politiker Liese zu Sputnik V Impfstoff nicht aus politischen Gründen ablehnen // Deutschlandfunk.de. 2021.09.04. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/cdu-politiker-liese-zu-sputnik-v-impfstoff-nicht-aus-100.html> (дата обращения: 25.03.2021).
35. Parteien : Russischer Impfstoff : AfD-Delegation reist nach Moskau // Sueddeutsche.de. 2021.11.03. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/parteien-russischer-impfstoff-afd-delegation-reist-nach-moskau-dpa-urn-newsml-dpa-com-20090101-210311-99-773764> (дата обращения: 20.06.2021).
36. Freund A. Eisele I. Faktencheck : Wie wirksam ist Sputnik V? // Dw.de. 2021.15.04. URL: <https://www.dw.com/de/faktencheck-wie-wirksam-ist-sputnik-v/a-57188137> (дата обращения: 20.06.2021).
37. Russischer Corona-Impfstoff. Deutschland will 30 Millionen Sputnik-Dosen // Tagesschau.de. 2021.22.04. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/kreitschmer-sputnik-101.html> (дата обращения: 20.06.2021).
38. Fröhlich A., Kiesel R. Streit um russischen Impfstoff. Grüne blockieren Sputnik V für Berliner // Tagesspiegel.de. 2021.20.04. URL: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/streit-um-russischen-impfstoff-gruene-blockieren-sputnik-v-fuer-berliner/27115282.html> (дата обращения: 20.06.2021).
39. Deutscher Bundestag. Drucksache 19/28957. 19. Wahlperiode. Kleine Anfrage. 2021.23.04. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/289/1928957.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
40. Deutscher Bundestag. Drucksache 19/29495. 19. Wahlperiode. Antwort der Bundesregierung. 2021.10.05. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/294/1929495.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).
41. Salzen C. von Linken-Abgeordneter reist nach Moskau. Warum Diether Dehm Werbung für Sputnik macht // Tagesspiegel.de. 2021.11.05. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/linken-abgeordneter-reist-nach-moskau-warum-diether-dehm-werbung-fuer-sputnik-macht/27180702.html> (дата обращения: 20.06.2021).
42. Russland will Impfstoff in Schwaben produzieren // Zeit.de. 2021.24.03. URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2021-03/sputnik-v-corona-impfstoff-russland-produktion-schwaben-r-pharm> (дата обращения: 27.03.2021).
43. Wissenswertes zum Impfstoff Sputnik V // Zdf.de. 2021.15.03. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/corona-impfstoff-sputnik-v-europa-100.html> (дата обращения: 25.03.2021).
44. Ginsburg L. Impf-Diplomatie. So vergrößern China und Russland ihren Einfluss // Bild.de. 2021.13.02. URL: <https://www.bild.de/politik/inland/politik/impf-diplomatie-so-vergroessern-china-und-russland-ihren-einfluss-75349574.bild.html> (дата обращения: 25.03.2021).
45. Grieb Th., Antonovic D., Liese P. Sputnik V für die Welt // Deutschlandfunkkultur.de. 2021.18.03. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/russlands-impfdiplomatie-sputnik-v-fuer-die-welt.979.de.html?dram:article_id=494262 (дата обращения: 25.03.2021).
46. Metzger N. Aggressive Social-Media-Kampagne. Wie Russland mit Sputnik V die EU spaltet // Zdf.de. 2021.09.04. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/corona-sputnik-v-russland-werbung-social-media-100.html> (дата обращения: 15.04.2021).
47. Marschall C. Russischer Impfstoff für Deutschland. Sputnik soll Impfdebakel lindern – ein Skandal // Tagesspiegel.de. 2021.11.04. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/russischer-impfstoff-fuer-deutschland-sputnik-soll-impfdebakel-lindern-ein-skandal/27079280.html> (дата обращения: 15.04.2021).
48. “Sputnik V”-Zulassung in der EU wohl erst im Herbst // Dw.com. 2021.30.05. URL: <https://www.dw.com/de/sputnik-v-zulassung-in-der-eu-wohl-erst-im-herbst/a-57716591> (дата обращения: 20.07.2021).
49. Fast 1000 Corona-Tote pro Tag. Russische Skepsis am eigenen Impfstoff : Warum der Kreml auf die EU-Zulassung von Sputnik V hofft // Stern.de. 2021.09.10. URL: <https://www.stern.de/gesundheit/sputnik-v-warum-es-weiter-keine-zulassung-im-westen-gibt-30815952.html> (дата обращения: 07.11.2021).
50. Corona-Impfstoffe. Was ist mit Sputnik V? // Pharmazeutische-zeitung.de. 2021.13.10. URL: <https://www.pharmazeutische-zeitung.de/was-ist-mit-sputnik-v-128581/seite/alle/> (дата обращения: 07.11.2021).
51. Hipp D. Coronaimpfung mit Sputnik V. Gleiches Recht – nur nicht für alle? // Spiegel.de. 2021.06.10. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/justiz/corona-impfung-mit-sputnik-v-gleiches-recht-nur-nicht-fuer-alle-a-eb048550-caa5-481d-b8b7-3bb8695cc103> (дата обращения: 07.11.2021).
52. Boksch R. Die Deutschen sind bei Sputnik V gespaltener Meinung. 2021.18.03. URL: <https://de.statista.com/infografik/24460/vertrauen-in-den-impfstoff-sputnik-v-in-deutschland/> (дата обращения: 25.03.2021).

Поступила в редакцию 21.12.2021; одобрена после рецензирования 30.12.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 21.12.2021; approved after reviewing 30.12.2021; accepted for publication 31.01.2022

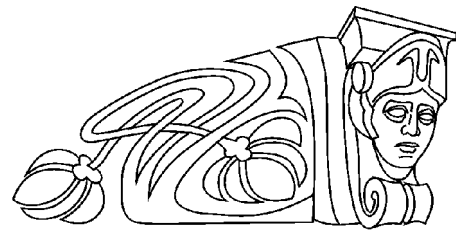
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 214–218

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 214–218

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-214-218>

Научная статья
УДК 327:379.83

Туризм как инструмент «мягкой силы» международной политики

Т. В. Черевичко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия, директор института истории и международных отношений, tvcherevichko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-002-9645-1513>, Author ID: 471929

Аннотация. В статье рассматривается потенциал туризма как инструмента «мягкой силы» публичной дипломатии. Обозначены концептуальные подходы к определению понятий «мягкая сила» и «публичная дипломатия». При анализе структуры «мягкой силы» отдельно выделен ее эмоциональный компонент. Представлен авторский взгляд на понимание системной привлекательности туристского региона, позволяющей оценить эффективность туризма как инструмента «мягкой силы».

Ключевые слова: туризм, международная политика, публичная дипломатия, концепция «мягкой силы», инструменты «мягкой силы», эффективность «мягкой силы», индекс влияния «мягкой силы»

Для цитирования: Черевичко Т. В. Туризм как инструмент «мягкой силы» международной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 214–218. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-214-218>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Tourism as an instrument of “soft power” in international politics

T. V. Cherevichko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatyana V. Cherevichko, tvcherevichko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9645-1513>, Author ID: 471929

Abstract. The article examines the potential of tourism as a tool of “soft power” of public diplomacy. Conceptual approaches to the definition of the concept of “soft power” and “public diplomacy” are highlighted. When considering the structure of “soft power”, its emotional component is singled out separately. The author’s view is presented on understanding the systemic attractiveness of the tourist region, which makes it possible to evaluate the effectiveness of tourism as a tool of “soft power”.

Keywords: tourism, international politics, public diplomacy, the concept of “soft power”, tools of “soft power”, effectiveness of “soft power”, the index of influence of “soft power”

For citation: Cherevichko T. V. Tourism as an instrument of “soft power” in international politics. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 214–218 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-214-218>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Формирующаяся с конца XX века цифровая реальность, наряду с замирающими процессами глобализации, в условиях продолжающейся пандемии COVID-19 кардинально меняет современный мир. Преобразования затрагивают все сферы общественной жизни и особенно сферу международных отношений. Глобальный кризис, вызванный пандемией, во первых, обусловил приоритетность национальных интересов государств по сравнению с общемировыми целями устойчивого развития. Международное сотрудничество претерпевает значительные изменения

на всех уровнях – от правительственных до профессиональных. Во-вторых, пандемия ускорила процессы «цифровизации» всех сфер жизни и международных отношений в том числе.

В определенной степени можно сказать, что современные международные отношения как сложная совокупность явлений и процессов служат основой для возникновения системы межгосударственных и транснациональных взаимодействий нового типа. Представляется важным подчеркнуть, что происходящие трансформационные изменения затронули и важнейшую часть

международных отношений – дипломатическую деятельность.

Концептуальной основой трансформационных изменений сферы международных отношений выступает концепция «мягкой силы». Понятие «мягкая сила» для обозначения альтернативных инструментов решения внешнеполитических задач было введено американским политологом Дж. Наем. Он определяет «мягкую силу» как способность государства достичь желаемого не путем принуждения, а путем убеждения, опираясь на привлекательность внешней политики, культуру и национальные ценности государства, отмечая, что позитивный имидж, с помощью которого одни государства могут располагать к себе другие, может быть более эффективным инструментом воздействия, чем иные внешнеполитические инструменты [1].

В последние годы во всем мире отмечалась возросшая популярность концепции «мягкой силы» в международных отношениях. Так, необходимость работы для наращивания «мягкой силы» страны отмечена в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 12 февраля 2013 г. Президентом РФ. Палата лордов Великобритании создала Комитет по «мягкой силе». Китайские специалисты-международники констатируют, что в последние десятилетия «мягкая сила» – наиболее обсуждаемая и используемая политическая концепция в международных отношениях. Согласно рейтингу стран мира по влиятельности с точки зрения «мягкой силы» *The Soft Power 30* лидерами являются Франция, Великобритания, Германия, Швеция и США, Россия в 2019 г. заняла лишь 30-е место [2, с. 103].

Трансформационные изменения, происходящие в системе международных отношений, требуют более глубокого осмысления как содержания понятия «мягкая сила», так и инструментария концепции, систематизации методов использования «мягкой силы» и оценки ее эффективности. В связи с этим представляется важным отметить ряд подходов, расширяющих содержание понятия «мягкая сила», которые обосновываются П. Б. Паршиным, Т. А. Алексеевой, Д. Лобановой. Так, П. Б. Паршин в содержании «мягкой силы» выделяет особую «ресурсную» его часть, которая и определяет потенциал государства оказывать ненасильственное воздействие на другие субъекты международной политики при помощи ценностно-культурных инструментов [3]. В свою очередь, Т. А. Алексеева при анализе структуры содержания «мягкой силы» обращает внимание на элемент риска при использовании государством данного внешнеполитического инструмента [4]. В отличие от приведенных содержательных особенностей понятия «мягкая сила» Д. Лобанова акцентирует внимание на понимании силы вообще. В зависимости от внешнеполитических задач происходит

изменение формы проявления силы – от «мягкой силы» к «жесткой» и наоборот, при этом, природа «силы» остается неизменной по своей сути категорией [5]. Представляется, что такой подход к осмыслению понятия «сила» позволяет выявить ее инверсионную особенность, когда некоторые практики утрачивают «мягкие» характеристики, превращаясь в институты «жесткого» влияния.

Концепция «мягкой силы» в международных отношениях наиболее активно проявляется в современной дипломатии. Это обусловлено тем, что среда, в которой действует современная дипломатия, постоянно меняется. Сегодня, как никогда ранее, происходят глубокие и скоротечные изменения в международных отношениях и дипломатической деятельности под воздействием пандемии. Изменения происходят и в результате «замирания» процессов глобализации, что выражается в «закрытии» национальных границ и активизации цифровой трансформации современной реальности. Цифровая трансформация вызывает глубокие и всесторонние изменения не только в производственной сфере, но и особенно в международных процессах, обеспечивая при этом широкомасштабное использование цифровых технологий в дипломатических практиках. Более того, в настоящее время следует говорить о масштабном расширении «цифровой дипломатии» как особого вида дипломатической деятельности. Цифровая дипломатия России как значимая часть внешнеполитической деятельности осуществляет информационную работу на зарубежных направлениях, которая нацелена на постоянное наращивание присутствия России в международном информационном пространстве. Согласно рейтингу цифровой дипломатии *Digital Diplomacy Index* в феврале 2021 г. Россия занимала 5-е место [6, с. 6].

Важно подчеркнуть, что изменения среды, в которой действует современная дипломатия порождают не только новые вызовы и риски, но и выявляют новые возможности для дипломатической деятельности. По мнению российских исследователей-международников, такая деятельность в новых условиях становится гораздо сложнее и многообразнее. Они отмечают, что в настоящее время достаточно четко проявляются два уровня воздействия на зарубежную аудиторию [7, с. 47]. Первый связан с влиянием на официальные структуры, второй – на общественные организации, бизнес-объединения, население страны. Министр иностранных дел России С. В. Лавров, подчеркивая значимость различных форм дипломатической деятельности, отмечает, что «в нынешней непростой ситуации в мировых делах народной дипломатии принадлежит особая роль в деле продвижения положительной, объединительной, устремленной в будущее государственной политике дня. Активное подключение к этой работе общественных

организация способствует наращиванию диалога с зарубежными партнерами, преодолению существующих стереотипов, предотвращению появления новых разделительных линий» [8].

В практике международных отношений второй уровень обозначается как публичная дипломатия. В настоящее время существуют различные подходы к определению публичной дипломатии, однако единого видения явления, обозначенного этим термином, пока не достигнуто.

В классическом понимании публичная дипломатия представляет собой систему институтов и механизмов, сопровождающую внешнеполитические интересы государства посредством реализации концепции «мягкой силы». В научной литературе можно встретить более узкую трактовку публичной дипломатии: она определяется как действия, направленные на развитие долгосрочных отношений, защиту целей национальной внешней политики и лучшего понимания ценностей и институтов собственного государства за рубежом. Представляется, что при таком подходе публичную дипломатию следует воспринимать как одно из направлений дипломатической деятельности, включающей в себя общественное, научное, культурно-гуманитарное сотрудничество и информационные коммуникации.

Современная публичная дипломатия для обеспечения равного диалога в мировом сообществе основывает свою деятельность на принципах взаимодействия, а также на использовании современных информационных технологий. В этой связи важно подчеркнуть нацеленность цифровых технологий на повышение результативности публичной дипломатической деятельности как инструмента «мягкой силы».

Определяя публичную дипломатию как инструмент «мягкой силы», представляется необходимым указать ее миссию, которая состоит в продвижении национальных интересов, обеспечении национальной безопасности путем изучения настроений иностранного общественного мнения, информирования его и влияния на него посредством позитивного национального имиджа.

Публичная дипломатия, в свою очередь, располагает инструментарием, ориентирующим как на краткосрочное, так и на долгосрочное влияние. К краткосрочным инструментам относятся СМИ и современные каналы связи. Это, прежде всего, Интернет, социальные сети, блоги – так называемые «новые медиа». Думается, что в международных отношениях и, особенно в дипломатической деятельности, понятие «новые медиа» наполняется более широким смыслом и используется для более «рельефного» отражения мировых событий.

Именно 2020 г. стал годом широкомасштабной цифровизации публичной дипломатии. Пандемия коронавируса способствовала практически

полному переходу в онлайн-формат крупнейших международных и российских мероприятий в сфере публичной дипломатии. Не случайно в дипломатической практике появилась «Zoom-дипломатия». В определенной степени «цифровой переход» расширил возможности публичной дипломатии: цифровая доступность позволила проводить экспертные обсуждения из любой точки мира, практически мгновенное распространение информации и воздействие на широкую аудиторию через социальные сети. Цифровизация международных отношений вынудила и правительственные структуры интенсифицировать свою деятельность в социальных сетях. Сегодня, к примеру, активно развиваются Facebook- и Twitter-дипломатии МИД России. В этой связи необходимо отметить происходящую в настоящее время интеграцию сетевых технологий, новых и социальных медиа, что усиливает их адаптацию к новым реалиям и повышает мобильность структурных компонентов «мягкой силы» публичной дипломатии.

Вместе с тем, как подчеркивается в научных исследованиях, отличительная особенность краткосрочных инструментов публичной дипломатии проявляется в том, что они по продолжительности воздействия явно уступают долгосрочным инструментам, но более успешны для достижения быстрых результатов при воздействии на общественную аудиторию [7, с. 51]. Однако при этом именно цифровые краткосрочные инструменты публичной дипломатии позволяют установить инверсионную природу информационных компонентов «мягкой силы», которая проявляется в противоречивости стратегических установок ее практик влияния.

Долгосрочные инструменты публичной дипломатии в значительной степени ориентированы на развитие взаимоотношений в международной сфере по линии «общество – общество». Представляется важным подчеркнуть нацеленность долгосрочных инструментов на выявление конкурентных преимуществ страны, позволяющих формировать «имиджевую лояльность».

К долгосрочным инструментам публичной дипломатии в определенной степени можно отнести и непроизводственную сферу, предлагающую услуги и впечатления, способные обеспечить глобальный позитивный имидж страны. Особо высоким потенциалом «мягкой силы», направленным на позиционирование страны в системе международных отношений, обладают культура и искусство, образование, туризм и спорт.

Наиболее масштабным долгосрочным инструментом «мягкой силы» является въездной туризм. Он концентрирует способность государства привлекать к себе другие государства путем демонстрации ценностей и культурного наследия и, как результат, формировать и удерживать такие нематериальные источники и виды легитимации,

как лояльность, согласие, признание, верность бренду. Туризм формирует имидж страны на основе личных впечатлений туристов, превращая его в «эмоциональный компонент мягкой силы». В этой связи важно подчеркнуть, что понятие «мягкая сила» по отношению к туризму выступает «зонтичным» к таким понятиям, как бренд, имидж, культурная дипломатия.

Вместе с тем туризм является и особым видом экономической деятельности. Однако макроэкономические показатели деятельности туристского сектора мировой экономики в условиях продолжающейся пандемии свидетельствуют о беспрецедентном падении спроса на туристские услуги. По данным Всемирной туристской организации ООН, если до начала пандемии в 2019 г. было осуществлено 1,5 млрд международных поездок, то в 2020 г. число международных прибытий снизилось на 74% по сравнению с 2019 г., т. е. на 1 млрд прибытий. Экспортные доходы от туризма упали на 1,3 трлн долл. В сфере туризма утрачено от 100 до 120 млн рабочих мест. Для российского туристского рынка последствия пандемии также оказались чрезвычайно тяжелыми. В 2020 г. объем платных туристских услуг в России сократился на 86,9 млрд руб., что в 2 раза меньше, чем в 2019 г. [8, с. 21]. И тем не менее, оценивая ситуацию с позиций международной конкурентоспособности, следует отметить, что Россия в настоящее время входит в 20 самых востребованных туристских направлений мира благодаря постоянному улучшению «имиджевой лояльности» страны. В данном контексте развитие туризма как отрасли является показателем безопасности и цивилизованности страны.

Туризм как инструмент «мягкой силы» представляет собой действенный и привлекательный компонент внешнеполитического влияния. Представляется, что такой подход к определению туризма как инструмента публичной дипломатии во многом соответствует положениям теории политического реализма, рассматривающей национальные интересы в качестве основного мотива внешней деятельности государства

Туризм как компонент публичной дипломатии проявляет себя в реализации ряда внешнеполитических задач. Так, туризм как инструмент «мягкой силы» формирует и расширяет мировой туристский рынок. В XX в. произошла трансформация туристского рынка за счет экспансии в мировую экономику развивающихся туристских рынков. Если в 50-е гг. XX в. 75% всех путешествующих в мире были из Европы и посещали Францию, Германию, Италию, Великобританию, то к началу XXI в. к обозначенным странам прибавилась Россия, Испания, Турция, Китай, Таиланд.

Говоря о расширении туристского рынка в мировом пространстве, нельзя не затронуть вопрос о легитимации непризнанных государств.

Приезжающие туда люди де-факто (а при пересечении границ часто и де-юре) признают независимость данного государственного образования. А если впечатления, приобретенные в результате поездки, оказываются не просто позитивными, а исключительно приятными, то вчерашний турист становится проводником идеи о признании. Такую стратегию, например, реализует Турецкая Республика Северного Кипра.

В настоящее время, расширение мирового туристского рынка перешло в несколько иную плоскость. Продолжающаяся пандемия, закрытие границ, сокращение транспортных перевозок обусловили необходимость активного использования туристско-информационного компонента как инструмента «мягкой силы»

Важным моментом в развитии туризма является его эффективное информационное сопровождение. Наряду с телепередачами о путешествиях по экзотическим местам особое место занимают социальные сети и цифровые коммуникации как инструменты продвижения туристских эмоциональных впечатлений. Иначе говоря, цифровизация туризма играет значительную роль в цифровой трансформации туризма как инструмента «мягкой силы», так как происходит интеграция цифровых технологий в бизнес-процессы, операции и принципы создания новых туристских впечатлений.

Туризм привлекает туристов к стране, используя эмоциональный эффект влияния, и здесь важно говорить о таком явлении, как системная привлекательность туристского направления. Системная привлекательность туристского направления представляет собой совокупность качественных и количественных характеристик о туристском регионе, позволяющая оценить туристские ресурсы «мягкой силы», которыми обладает страна, с одной стороны, и выявить степень их реального влияния в мире – с другой.

Оценка эффективности «мягкой силы» – достаточно сложная задача, но она непосредственно связана с возможностями прогнозирования, так как позволяет предположить какое влияние «мягкая сила» окажет на экономику, внутреннюю и внешнюю политику государства, использующего эту «мягкую силу». Как отмечает Е. Харитоновна, инструменты «мягкой силы» должны трансформировать имеющийся потенциал в реальное влияние [9, с. 52]. В связи с этим представляется, что туризм как инструмент «мягкой силы» служит предметом оценки с позиции своей результативности, иначе говоря, соответствия полученных результатов поставленным целям. Такая оценка осуществляется с помощью международных рейтингов, определяющих успех «мягкой силы» отдельных государств в туристской деятельности по различным критериям

Туризм, являясь инструментом «мягкой силы», входит в структуру мировых индексов, разработанной системы оценки для ранжирования

стран по «индексу мягкой силы быстро растущих рынков», «индексу национальных брендов». Следует отметить, что рейтинговая оценка эффективности «мягкой силы» позволяет в рамках системной привлекательности региона в первую очередь определить туристские и инвестиционные особенности региона. Экспертиза регионов в определенной степени предполагает и активное моделирование внешнеполитической реальности посредством туризма как инструмента «мягкой силы»

В условиях трансформационных изменений современного общества особое значение имеет формирование позитивного государственного имиджа в международном пространстве. Обозначая важность туризма как инструмента «мягкой силы», следует подчеркнуть его миссию, которая состоит в проведении политики доверия, в расширении коммуникативного и информационного взаимодействия как в традиционной, так и в цифровой реальности.

Список литературы

1. Nye J. Smart power // *New Perspectives Quarterly*. 2009. Vol. 26, iss. 2. P. 7–9.
2. Погорлецкий А. «Мягкая сила» и экспортный потенциал России в несырьевых секторах экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 3. С. 102–110.
3. Паршин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // *Вестник МГИМО – Университет*. 2014. № 2 (35). С. 14–21.
4. Алексеева Т. А. «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // *Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: тезисы XXX Харакского форума (г. Ялта, 26–30 мая 2016 г.)* / под ред. Т. А. Сиднишкиной, А. В. Баранова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 5–21.
5. Лобанова Д. Концептуальные подходы к определению понятия силы в международных отношениях // *Международные процессы*. 2017. Т. 15, № 2 (49). С. 77–86.
6. Бурлинова Н. Публичная дипломатия в России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по международным делам (РСМД), доклад № 7 / 2021 / Н. Бурлинова, М. Чагина, В. Иванченко; Российский совет по международным делам (РСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». М.: НП РСМД. 2021. 36 с.
7. Лебедева М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // *Мировые процессы*. 2015. Т. 13, № 4 (октябрь – декабрь). С. 45–58.
8. Лавров отметил особую роль народной дипломатии в мировой ситуации [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180213/1514521252.html> (дата обращения: 2.02.2022).
9. Харитонова Е. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 6. С. 48–58.

Поступила в редакцию 23.01.2022; одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 23.01.2022; approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 219–233

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 219–233
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-219-233>

Научная статья
УДК 94(470+571+470.44-25)|16|+929Чириков

Воевода Алексей Пантелеевич Чириков: страницы биографии

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Author ID: 512797

Аннотация. В статье впервые представлена подробная биография воеводы Саратова Алексея Пантелеевича Чирикова. Этот служилый человек по отчеству в юные годы стал стольником патриарха Филарета, потом стряпчим, а затем царским стольником. После службы в Саратове он участвовал в походе царя Алексея Михайловича на Ригу, был воеводой в Глухове и Переяславле Южном.

Ключевые слова: воевода, дьяк, Устюжская четверть, боярские списки, Саратов, малороссийские города, родословные росписи, Шереметевы

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Воевода Алексей Пантелеевич Чириков: страницы биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 219–233. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-219-233>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Voevoda Alexey Panteleevich Chirikov: Pages of biography

Ya. N. Rabinovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

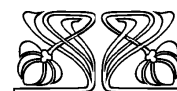
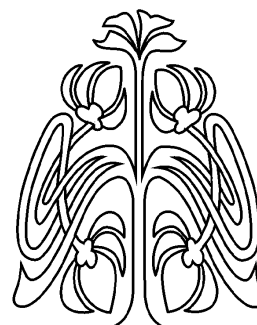
Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Author ID: 512797

Abstract. The article for the first time presents a detailed biography of the governor of Saratov, Alexei Panteleevich Chirikov. In his youth, this serviceman from his homeland became the steward of Patriarch Filaret, then a solicitor, and then the tsar's steward. After serving in Saratov, he participated in the campaign of Tsar Alexei Mikhailovich to Riga, was a voivode in Glukhov and Pereyaslavl Yuzhny.

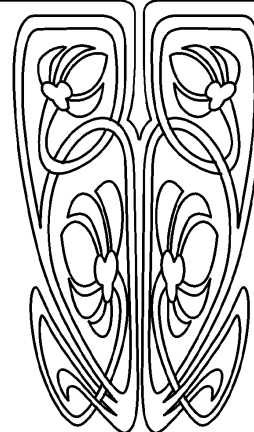
Keywords: voevoda, clerk, Ustyug quarter, boyar lists, Saratov, Little Russian cities, genealogy of painting, Sheremetevs

For citation: Rabinovich Ya. N. Voevoda Alexey Panteleevich Chirikov: Pages of biography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 219–233 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-219-233>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

О пребывании в Саратове стольника Алексея Пантелеевича Чирикова стало известно в 1888 г. после публикации в Трудах СУАК ряда грамот, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции (Мамю), обнаруженных и подготовленных к публикации А. А. Голомбиевским [1, с. 439–455]. Поэтому в книгах А. И. Шахматова [2, с. 39], Ф. Ф. Чекалина [3, с. 80] и в Саратовской летописи, составленной Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским [4, с. 26–27], опубликованных через несколько лет после выхода данного тома Трудов СУАК, этот воевода уже упомянут. Причем, если А. И. Шахматов указал Алексея Чирикова на воеводстве в Саратове только в 1652 г., а далее следующим воеводой отметил в 1659 г. Д. В. Хитрово, то Ф. Ф. Чекалин «раздвинул» хронологические рамки воеводства Чирикова (1652 и 1653 гг.) и назвал следующего воеводу – В. В. Нелединского (в 1655 и 1656 гг.).

Еще в середине XIX в. П. И. Иванов в своем алфавитном указателе отмечал, что Алексей Пантелеевич Чириков был стряпчим (7144, 7148 гг.), затем стольником (7166, 7176 гг.) и умер в Переяславле в 7177 (1668/1669) г. [5, с. 457]. Здесь указаны годы составления боярских книг, в которых А. П. Чириков был отмечен в данном чине. Фактически он стал стряпчим и стольником несколько ранее указанных дат.

О некоем воеводе Переяславля в конце 1667 г. Алексее Чирикове, который был «человек большой и беспечный», писал Н. И. Костомаров, когда описывал трагические события в Малороссии [6, с. 112]. Историк, проживший в Саратове около 10 лет, видимо, даже не подозревал, что пишет об одном из воевод этого города.

В книге И. Е. Забелина подробно описаны конфликт на царском дворе в Кремле Алексея Чирикова с Измайловыми в 1643 г. и его расследование [7, с. 316–321].

А. П. Барсуков в своей монографии о роде Шереметевых специально уделил большое внимание А. П. Чирикову, генеалогии его рода, биографии не только его самого, но также отца и дяди. Много страниц в книге было посвящено жене и дочери А. П. Чирикова. Интерес А. П. Барсукова к ним был вызван тем, что первая была тещей, а вторая – женой известного фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Самым подробнейшим образом в книге было перечислено все приданое невесты – прежде всего, иконы, вещи, одежда и обувь. Можно сказать, что «повезло» и родному дяде А. П. Чирикова (Степану Михайловичу), о котором сведений в монографии А. П. Барсукова больше, чем об отце (Пантелее Михайловиче). Содержится немало сведений о родителях и других родственниках жены А. П. Чирикова, происходившей из рода Сомовых. К сожалению, отдельные моменты биографии самого А. П. Чирикова, как и его отца, выпали из поля зрения А. П. Барсукова, а другие нуждаются в уточнении [8].

А. А. Гераклитов, когда составлял свой список воевод Саратова и Царицына [9, с. 67], видимо, не был знаком с данной монографией А. П. Барсукова, но из справочника этого исследователя о городских воеводах [10, с. 594] он взял некоторые сведения, в том числе – о службе А. П. Чирикова, кроме Саратова, в ряде других городов (Полтава, Переяславль). В статье А. А. Гераклитова мы найдем сведения, отсутствующие в монографии А. П. Барсукова о роде Шереметевых. Эти факты из биографии А. П. Чирикова были обнаружены А. А. Гераклитовым в ряде томов описания Мамю [11, 12, 13].

Все позднейшие исследователи не добавили к биографии А. П. Чирикова, как и в отношении других воевод Саратова, ничего нового. Они только использовали наработки А. А. Гераклитова и не учитывали интересные сведения, содержащиеся в монографии А. П. Барсукова, о роде Шереметевых. К примеру, даже в монографии А. И. Заозерского, посвященной Б. П. Шереметеву, отсутствуют данные о первой жене фельдмаршала, о тесте (Алексее Чирикове), вскользь упомянут год женитьбы Бориса Петровича. В этой книге мы не найдем никого из Чириковых, за исключением бригадира Луки Чирикова, который имеет весьма отдаленное отношение к воеводе Саратова и его семье, соответственно – и к жене Б. П. Шереметева [14, с. 12–14].

В настоящей работе предпринята попытка собрать все известные сведения про воеводу Саратова А. П. Чирикова, уточнить некоторые спорные сюжеты, исправить допущенные погрешности.

Что касается генеалогии рода Чириковых (или нескольких родов), то ему «не повезло». Родословная отсутствует в Бархатной книге (вскользь указано, что Чириковы выехали из Татари, а «родословная их под № 36») [15, с. 401]. В Гербовнике дворянских родов Всероссийской империи сказано, что родственник «царя Беркая» выехал на Русь и при крещении был наречен Петром, а в Четгях-Минеях под 30 июня подробно описано житие этого Петра, царевича Ордынского. В Гербовнике также упомянут праправнук Святого Петра, Петр Игнатъевич Чириков, сражавшийся против Мамай на Куликовом поле в Сторожевом полку. Далее говорится, что потомки этого П. И. Чирикова служили «*Российскому престолу в боярах, наместниками, стольниками, комнатными окольными и в иных чинах*» [16, с. 200]. Насчет боярства Чириковых – вопрос спорный. Известен только один боярин удельного князя Андрея Васильевича Углицкого, брата Ивана III. Этот Власий Федорович Чириков участвовал в стоянии на Угре в 1480 г., а потом, когда Андрей Углицкий попал в опалу, был отправлен в ссылку в Муром.

Также не найдено никаких сведений о Чириковых в Родословном сборнике кн. П. В. Долго-

рукова. Князь лишь сожалеет, что «в *Бархатной книге не помещены многие из числа древнейших и знаменитейших родов земли русской; в ней неизвестно почему, не помещены... потомки знаменитых воевод битвы куликовской*», в том числе Чириковы [17, с. 315]. Этот недостаток пытался исправить В. В. Руммель, который собрал много сведений об этом роде (фактически о трех разных родах Чириковых), но не успел опубликовать свои находки. Частично наработки В. В. Руммеля использовал А. П. Барсуков в своей книге о роде Шереметевых (он часто ссылался на рукописи Руммеля). Из современных исследователей генеалогию этого рода рассматривал А. В. Антонов [18, с. 330–331]. В 2020 г. впервые были опубликованы Л. Е. Шабаетовым две родословные росписи Чириковых, которые позволили выяснить родственные связи героя этого очерка с другими представителями данного рода [19, с. 243–246].

Судя по этим родословным росписям потомков выехавшего из Орды царевича Петра, у героя Куликовской битвы Петра Игнатьевича Чирикова было 2 внука – Федор и Тимофей Ивановичи. От сыновей Федора Ивановича Чирикова Власия и Никифора пошли две ветви рода, потомки которых известны в XVIII–XX вв. (один из них – знаменитый мореплаватель Алексей Ильич Чириков). Если потомок Федора Чирикова Андрей Чириков в родословной росписи, представленной в Палату родословных дел в 1686–88 гг., указал подробно про выезд царевича Петра и крещение его ростовским митрополитом Кириллом, а также про сына, внука и правнука этого царевича, то потомок Тимофея Чирикова Иван Чириков в родословной отметил кратко: «*Петр Игнатьевич породы татарские*» [19, с. 245]. Про выехавшего из Орды к ростовскому князю Борису Васильевичу «сродника», а также его ближайших потомков Иван Чириков ничего не мог сказать, сославшись на отсутствие документов. Будем более подробно разбирать именно эту родословную.

Сыновья Тимофея Ивановича Чирикова Матвей и Алексей оставили многочисленное потомство, которое отличилось в событиях Смутного времени и в последующих войнах XVII в. Внук Алексея Тимофеевича Чирикова Иван Яковлевич имел двух сыновей, старший из которых – Михаил Иванович – был дедом нашего героя. Младший – Тимофей Иванович – умер бездетным, а его земли, в том числе села Сенез в Каменском стане и Веретье в Лутосенском стане Дмитровского уезда, перешли к племянникам. Племянниками Тимофея Чирикова были Пантелей, Степан, Константин и Гаврила Михайловичи. Пантелей Михайлович (отец Алексея Чирикова) был старшим из четырех сыновей М. И. Чирикова. Его связь с основателем рода Чириковых, героем Куликовской битвы, можно представить следующим образом: Петр Игнатьевич Чириков – Иван – Тимофей – Алексей – Яков –

Иван – Михаил – Пантелей. В родословной о нем сказано мало, в отличие от его брата Степана.

Впервые Пантелей Чириков в качестве жильца упомянут в документах в 1604 г., когда он с братом Степаном выставил для борьбы против Лжедмитрия четырех конных воинов [20, с. 393]. В те годы Пантелей и Степан были еще очень молоды (указаны как недоросли), которым в 1603 г. было дано поместье их дяди, дьяка Тимофея Ивановича Чирикова в Дмитровском уезде [21, с. 403–404]. Чтобы подчеркнуть молодость жильцов Чириковых, их даже назвали уменьшительными именами «*Пантелейка да Степанка Михайловы дети Чирикова*» [20, с. 393].

Об участии П. М. Чирикова в борьбе против Болотникова и Лжедмитрия II, в обороне Москвы от тушинцев свидетельствуют пожалования ему вместе с братом Степаном вотчины в Рязанском уезде в Старорязанском стане (по данным писцовой книги) [22, с. 498].

Пантелей с братом Степаном участвовали в Подмосковном ополчении, они прибыли под Москву в мае 1611 г. (у брата Степана дата приезда указана 22 мая), «с тех мест был без съезду». В Боярском списке 1611 г. оба брата по-прежнему отмечены как жильцы [23, с. 80]. Скорее всего, Пантелей был записан жильцом в Боярской книге 117 г. и в Жилецком списке 119 г., которые не сохранились, но ссылки на них имеются во многих документах. Поместный оклад П. М. Чирикова составлял в то время (1611 г.) 600 четей, а денежный – 17 руб., он был четвертчиком Галицкой чети. Позже, уже в октябре 1615 г., он подтвердил вместе с другими соратниками по службе оклад четвертчика этой чети жильца князя Михаила Семеновна сына Гагарина [24, с. 204].

Во времена царствования Василия Шуйского в семье Чириковых произошло какое-то трагическое событие, о котором вскользь упоминает брат Пантелея Степан. В этом был замешан Владимир Вешняков, который Чириковым был «недруг», их мать «*разорил без остатка и животы наши все пошмал*». Поэтому в 1614 г. Степан Чириков не хотел служить под Смоленском под командованием Владимира Вешнякова и просил перевести его в полк к Василию Петровичу Шереметеву. Просьба была удовлетворена [25, с. 133]. В дальнейшем Чириковы будут часто служить вместе с Шереметевыми и породнятся с ними.

В 1613–1615 гг. в Новодевичьем монастыре игуменьей была Марья Чирикова [26, с. 224], которой 15 апреля 1614 г. царь Михаил Романов пожаловал на церковное строение 80 руб. [27, с. 88].

В 1617 г. П. М. Чириков из жильцов был переведен в дворяне московские (в Боярской книге 1616 г. его еще нет в списке дворян [28, с. 138–147], а в Осадном списке 1618 г. он уже указан в числе московских дворян) [22, с. 37]. В мае 1617 г. П. М. Чириков отправил своего крестьянина Добрыню Труфанова вместе с другими

«наимщиками» сопровождать обоз с государевым хлебом в Дорогобуж [29, стб. 587]. 30 июня 1617 г. после того, как обоз прибыл в Вязьму, где Моисей Глебов принял хлеб для ратных людей, в Москве выдавали деньги людям, которые отправляли это зерно. Пантелею Чирикову было положено за 3 чети ячменя и за 3 чети овса выдать 4 руб., 4 алтына. Здесь же указаны 6 крестьян П. М. Чирикова, которым тоже были предназначены деньги за четь ячменя и 6 осьмин овса. Все деньги получил тогда младший брат Пантелея Константин [29, стб. 653]. Видимо, П. М. Чириков в это время отсутствовал в Москве. Не исключено, что он находился в своей рязанской вотчине или в дмитровских владениях в отпуске в связи с рождением сына Алексея.

Осенью 1618 г. братья Пантелей и Степан Чириковы в качестве московских дворян участвовали в обороне Москвы от войск польского королевича Владислава. За эту службу им часть поместья в Дмитровском уезде была дана в вотчину [22, с. 37, 195, 370].

В 1624–1626 гг. московский дворянин П. М. Чириков был воеводой в Цивильске, где сменил Григория Свинына [30, стб. 1035, 1147, 1254; 31, с. 47; 32, с. 93]. В июле 1626 г. ему на замену в Цивильск был отправлен И. П. Матюшкин. В Записной книге Московского стола указано, что 25 июля 1626 г. отправили «в Цивилеск Ивана Павлова сына Матюшкина на Пантелеево место Чирикова» [33, с. 398]. Поэтому неточными являются сведения в справочнике С. Б. Веселовского о воеводстве П. М. Чирикова в Цивильске – «с 1624 по июль 1627 г.» [34, с. 567].

Осенью 1627 г. П. М. Чириков был отправлен в Воронеж встречать турецкого посла Фому Кантакузина и быть у него приставом, сопровождая до Москвы. 3 декабря 1627 г. турецкого посла торжественно встречали уже в Москве, а 3 марта 1628 г. посол был отпущен назад, и Пантелей Чириков был снова у него приставом до Воронежа. Только к апрелю 1628 г. эта хлопотная служба для П. М. Чирикова закончилась [35, стб. 958, 977]. В начале апреля 1628 г. он вернулся в Москву и 6 апреля на Вербное воскресенье был за столом у государя [35, стб. 1000]. Это может свидетельствовать о том, что поручение было выполнено успешно. К тому времени П. М. Чириков уже свыше 10 лет был московским дворянином, хотя С. Б. Веселовский впервые называет его московским дворянином только с момента службы приставом при Ф. Кантакузине [34, с. 567]. А. П. Барсуков указывал, что П. М. Чириков был московским дворянином до 1624 г., до назначения в Цивильск: «В 1624 году, состоя в чине дворянина, был назначен воеводою в Цивильск» [8, с. 244]. В Боярских списках 1627/28 г., 1628 г., 1629 г. и 1629/30 г. он по-прежнему записан в московских дворянах вместе с братом Степаном [31, с. 139, 216, 299, 380]. В первых трех списках против его фамилии не стоит никакой

пометы. Это означает, что он находился все время в Москве или в своих вотчинах (небольшую двойную командировку к Воронежу и обратно дьяки не указали), но в списке 1629/30 г. читаем: «Пантелей да Степан – на Валуйку – Михайловы дети Чирикова» [31, с. 380]. На Валуйку обычно ежегодно отправляли из Москвы представителей Государева двора для «посольской размены» (они встречали и провожали русских и крымских послов). Старшим при этом назначали окольных. В 1629 г. им был Ф. Л. Бутурлин, а в 1630 г. – А. В. Измайлов.

В следующем Боярском списке 1630/31 г. П. М. Чириков указан уже не дворянином, а дьяком Устюжской чети. Аналогично – и в последующих Боярских списках 1631/32 г. и 1632/33 г. [31, с. 432, 444, 507, 530].

Как выяснил С. Б. Веселовский, П. М. Чириков «3 апреля 1631 г. назначен дьяком в Устюжскую четверть и был там до своей смерти в конце 1641 г.». [34, с. 567]. С. К. Богоявленский уточнил, что еще 29 июля 1641 г. П. М. Чириков был в этой четверти дьяком, но уже с 1 сентября 1641 г. вместо него указан другой дьяк – Дмитрий Карпов [36, с. 199, 309]. А. П. Барсуков ошибочно писал, что только «с 1633 года дьяк Пантелей Михайлович Чириков сидел в приказе Устюжской четверти» [8, с. 246]. В документе, на который ссылается исследователь (царская грамота от 18 июля 1633 г.), действительно говорится о дьяке этой четверти П. М. Чирикове, который должен был проконтролировать наличие в Великом Устюге съестных припасов, достаточных для встречи наемников, прибывших на русскую службу в Архангельск и направлявшихся через Устюг в Москву [37, с. 338–339]. Но к моменту составления данной грамоты П. М. Чириков был уже свыше двух лет дьяком этой четверти.

Видимо, назначение П. М. Чирикова дьяком каким-то образом связано с первым упоминанием его малолетнего сына Алексея при дворе патриарха Филарета (оба назначения произошли почти одновременно). Будущему воеводе Саратова к тому времени было около 13–14 лет.

В 1632–1634 гг., будучи дьяком Устюжской чети, П. М. Чириков выдает жалование служилым людям, участникам Смоленской войны. Так, в июле 1632 г. деньги получил дьяк Александр Дуров, назначенный в поход к Смоленску с боярином М. Б. Шеиным [38, с. 362]. В марте 1633 г. П. М. Чириков выдал денежный оклад Федору Еропкину [39, с. 474], в апреле – Ивану Вельяминову [40, с. 492], а 31 декабря 1634 г. за оборону Вязьмы – Мирону Вельяминову [41, с. 650]. В источниках приводятся челобитные служилых людей, указываются подробности их службы и памяти из Разряда П. М. Чирикову о выдаче им жалования (часто выдавался оклад и еще прибавка). В случае придачи к окладу за службу Пантелей Чириков должен был указать

эту придачу в четвертных книгах, которые находились под его контролем. В 1633 г. он, как и многие другие представители Государева двора и приказные люди, на своих подводах обеспечил отправку хлебных запасов под Смоленск для ратных людей. По сравнению с другими дьяками, он отправил значительное количество продовольствия – 50 чети (у других обычно – 10–30 чети), что в какой-то мере может характеризовать его земельные владения [42, стб. 450].

В 1635 г. П. М. Чириков, оставаясь дьяком Устюжской чети, на короткое время (май – июнь) был отправлен дьяком в Судный Владимирский приказ, руководил которым в те годы боярин И. В. Морозов [36, с. 172].

В октябре 1636 г. по приказу думного дьяка Ивана Гавренева он выдавал жалование Федору Сухотину, который был отправлен на р. Усерд «для чертежу» [43, с. 26]. Речь идет о строительстве Белгородской черты.

С 25 ноября 1637 г. по 7 марта 1639 г. П. М. Чириков одновременно был дьяком в новом Приказе сбора ратных людей, собирал даточные деньги сначала вместе с боярином кн. И. А. Голицыным, а потом вместе с боярином кн. П. А. Репниным [44, с. 269–270]. Данный приказ был создан в связи с угрозой похода на русские земли Крыма и Турции из-за взятия казаками Азова. Уже в декабре 1637 г. была отправлена одна из грамот на Устюжну Железопольскую, в которой говорилось о создании данного приказа во главе с боярином кн. И. А. Голицыным и дьяком П. М. Чириковым, которому помогал дьяк Емельян Евсевьев (эту грамоту скрепил по склейкам своей приписью сам П. М. Чириков) [45, с. 418–420]. А. П. Барсуков указывал, что П. М. Чириков «с 1639 г. Дьяк в Приказе сбора ратных людей» [8, с. 246]. На самом деле П. М. Чириков был в этом приказе с декабря 1637 г. до марта 1639 г. В документе от 30 апреля 1639 г., на который ссылался А. П. Барсуков, сказано, что имеется приходная окладная книга «прошлого 146 г. за приписью дьяка нашего Пантелея Чирикова». Далее приводятся сведения, что «в нынешнем 147 г.» дьяками в этом Приказе сбора ратных людей были уже новые люди – Василий Прокопьев и Михаил Неверов (Михаил Неверов и скрепил эту грамоту своей приписью) [46, с. 361]. Отметим, что 146 г. – это 1637/38 г., а «нынешний» 147 г. – это 1638/39 г.

24 марта 1641 г. в дополнение к прежним обязанностям дьяка Устюжской чети П. М. Чирикову было велено взять у дьяка Приказа городского дела Андрея Евдокимовича Строева, которого отправляли в Казань для сыска, все дела, книги и росписи. Так что теперь П. М. Чириков ведал еще «московским городовым земляным делом», строительством укреплений от Стретенских ворот до р. Яузы. К тому же он должен был описывать казну и имущество княжны Ири-

ны Мстиславской вместо Андрея Строева [44, с. 261].

Одно из последних упоминаний о деятельности П. М. Чирикова в качестве дьяка Устюжской чети относится к 12 июня 1641 г., когда ему было велено выдать «сполна» государево жалование князю Федору Петровичу Борятинскому (в будущем – воеводе Саратова) для «Атемарской службы» [44, с. 288–289].

Вскоре П. М. Чириков скончался. Точную дату смерти установить трудно. По мнению С. Б. Веселовского, это произошло в конце 1641 г. [34, с. 567], в Древней Российской Вифлиофике указана дата 3 августа 1642 г. [47, с. 405]. А. П. Барсуков, не согласный с данной датой, исправил ее на 3 августа следующего 1643 г. Он пишет: «Мы позволили исправить это на 1643 год, ибо имеется отводная грамота на рыбные ловли, от 15 мая 1643 г. с приписью дьяка Пантелея Чирикова» [8, с. 246]. Потом он еще раз повторил в рассказе об Алексее Чирикове: «Мы уже знаем, что 3 августа 1643 года он лишился отца» [8, с. 253].

В указанной отводной грамоте от 15 мая 1643 г. говорится о прошлой царской грамоте за приписью П. М. Чирикова на рыбные ловли на р. Сухоне, которые были раньше на оброке за посадским человеком из Тотьмы (тотьмянином) Левкой Кусковым [48, стб. 570]. Эту грамоту П. М. Чириков отправил в Тотьму, которая была подведомственна его Устюжской чети, еще в 7149 (1640/41) г., когда эти рыбные ловли взял на оброк тотьмянин Левка Кусков.

Сведений о жене П. М. Чирикова пока обнаружить не удалось, а из его детей известен только Алексей Пантелеевич Чириков.

Впервые в источниках Алексей Чириков указан в конце 1633 г. Когда после смерти патриарха Филарета встал вопрос, что делать с его многочисленными стольниками, то был осуществлен разбор двора патриарха (служилых людей), в итоге эти патриаршие стольники стали жильцами, стряпчими, дворянами или царскими стольниками. В документах разбора патриарших стольников указан «Олексей Пантелеев сын Чириков (Мал)», а далее говорится, что «142-го февраля в 23 день (23.02.1634 г.) государь пожаловал в стряпчие» [49, с. 35, 50]. В этом же списке стряпчих мы видим записанным до А. П. Чирикова еще одного патриаршего стольника – В. Г. ФеофилаТЬева, которого через много лет Чириков сменит в Саратове. Дополнение «Мал» указывает на юный возраст и может свидетельствовать о том, что А. П. Чириков стал стольником патриарха Филарета в последние годы жизни патриарха, и ему к моменту этой записи было около 16 лет, видимо, он родился примерно в 1617–1618 гг. или даже позже. Еще один патриарший стольник Аверкий Болтин (тоже в будущем воевода Саратова) стал после этого разбора московским дворянином.

В Подлинных боярских списках 1626–1632 гг. имя А. П. Чирикова отсутствует [31]. С другой стороны, известно, что в 1633 г. он был уже стольником патриарха Филарета. Следует учесть, что до 1630 г. в Боярских списках стольники патриарха Филарета записаны все, а Боярские списки 1630/31 г. и 1631/32 г. неполные, в них отсутствуют листы со многими патриаршими стольниками. Поэтому можно предположить, что А. П. Чириков стал стольником патриарха Филарета не ранее осени 1630 г., но до середины 1633 г., скорее всего – в 1631 г., вскоре после того, как отец в апреле 1631 г. стал дьяком Устюжской чети.

За период 1635–1637 гг. сведения об А. П. Чирикове пока не обнаружены. В недавно опубликованном Е. Н. Горбатовым Боярском списке 1637/38 г. он записан как стряпчий перед Даниилом Ефимовичем Мышецким, сыном одного из прежних воевод Саратова. Многие стряпчие, как и другие представители Государева двора, в это время находились на Туле, в Тульском Большом полку в связи с угрозой войны со стороны Османской империи, но против фамилии А. П. Чирикова никакой пометы не стоит, он оставался в Москве [50, с. 54]. В следующем Боярском списке 1638/39 г. против его фамилии стоит помета «(На Туле). Не был» [51, с. 177]. Взятые в скобки слова означают, что в Подлинном списке они были зачеркнуты.

Далее молодой стряпчий А. П. Чириков был указан в Разрядах 5 февраля 1639 г., когда происходила встреча персидского посла за Яузой по Владимирской дороге. Этот посол шел из Персии вместе с голштинскими послами (подробно это возвращение голштинцев описано у Адама Олеария). Среди встречавших 113 стряпчих 33-м по списку значится Алексей Пантелеевич Чириков, за ним – снова Данила Мышецкий [52, стб. 949]. Это первая известная запись об участии стряпчего А. П. Чирикова в дворцовых церемониях. Там же на этой встрече персидского посла среди дьяков записан и его отец П. М. Чириков. В Боярской книге 1639 г. А. П. Чириков отмечен в чине стряпчего. Больше никаких сведений о нем не указано, нет никаких помет, где бы говорилось о каких-то изменениях в службе [53, с. 75].

19 апреля 1643 г. А. П. Чириков был участником конфликта на Красном и на Постельном крыльце в Кремле. Речь идет о ссоре Чириковых с Измайловыми. Подробности данного конфликта описаны в книге И. Е. Забелина [7, с. 316–321], на которого позже ссылался А. П. Барсуков [8, с. 253–259]. Он отмечал, что это произошло «за два с половиной месяца до кончины родителя» (на самом деле отца уже давно не было в живых), а далее пишет про А. П. Чирикова, что «в то время Алексей Пантелеевич был еще жильцом» [8, с. 253]. Однако источники это не подтверждают. Ранее в документах А. П. Чириков указан стряпчим, на следующий год после конфликта

в боярском списке 1643/44 г. он также записан стряпчим, и позже будет именно из стряпчих переведен в стольники. Жильцы по рангу были намного ниже стряпчих, иногда из стряпчих за провинность переводили в жильцы или в городовые дворяне. Вряд ли А. П. Чириков за этот конфликт был переведен на время из стряпчих в жильцы, а потом на следующий год восстановлен в чине стряпчего.

У Чириковых давно из-за чего-то велась ссора с Измайловыми, в которой были замешаны отец и дяди Алексея Чирикова, а с другой стороны – окольничий Артемий Васильевич Измайлов и его брат Тимофей. Когда-то в 1630 г. вместо Степана Чирикова для посольской размены на Валуйки пришлось ехать его брату Константину, а руководил этим разменом окольничий Артемий Измайлов. Затем в 1633 г. люди П. М. Чирикова отвозили под Смоленск в войско Шеина и Измайлова продовольственные запасы на своих подводках. Артемия Измайлова казнили вместе с Шеиным в апреле 1634 г. за капитуляцию русской армии под Смоленском, брат Артемия Измайлова Тимофей Васильевич тоже попал в опалу, но потом был помилован. Ссора 19 апреля 1643 г. произошла между детьми Тимофея Измайлова Львом и Александром, с одной стороны, и Алексеем Чириковым со своими дядями Степаном и Константином – с другой. Чириков называл Измайловых ворами, изменниками и страдниками (страдник – подлый человек, подлец). Те в ответ говорили: «Псаренок, псаревый внук, подлец». Упоминание псаревого внука может означать, что дед Алексея Чирикова Михаил Иванович был служителем царского ловчего пути. Александр Измайлов, по словам Чирикова, раньше был в приводе, в Разбойном приказе, так что тоже отличался буйным характером, однако братья Измайловы были умнее и осторожнее, не стали заводить ссоры на царском дворе, зная, чем это может кончиться. Оба дяди Чирикова тоже особо не шумели, буйствовал только Алексей Чириков. Следствие по челобитной Тимофея Измайлова проводил стряпчий с ключом Иван Михайлович Аничков. В ходе следствия выяснилось, что еще накануне 18 апреля между Алексеем Чириковым и Александром Измайловым произошло какое-то столкновение на Девичьем поле, когда Измайлов со своими людьми хотел побить Чирикова. Чем закончилось это дело, неизвестно, но, видимо, Алексею Чирикову пришлось здорово поплатиться за такое открытое нарушение чести Государева двора, хотя следует учесть, что этот конфликт произошел до Соборного уложения. Если бы это произошло лет через 6–7, то санкции были бы более тяжкие.

Вероятно, какие-то конфликты и словесные перепалки, сопровождаемые угрозой применения оружия, были в Кремле не редкостью среди представителей Государева двора. Это привело к появлению особой статьи в Соборном уложении

1649 г., по которой даже разговоры на повышенных тонах в Кремле возле царского дворца приравнивались к тяжким преступлениям и сурово наказывались.

А. П. Барсуков после разбора данного конфликта писал: «Имени Алексея Чирикова не встречается в разрядных списках до 1652 г.», и далее отмечал его воеводство на Саратове, «где он пробыл два года» [8, с. 259]. Однако сохранилось немало сведений, в том числе в разрядных записях, в которых указывалось, где находился и чем занимался Алексей Чириков в 1644–1651 гг., до отъезда в Саратов. Постараемся заполнить эту лакуну.

В Боярском списке 152 (1643/44) г. отмечено, что стряпчий А. П. Чириков направлен на Тулу. Скорее всего, это назначение произошло весной 1644 г. Кроме Чирикова, на Тулу было отправлено около 30 стряпчих, а также стольники и дворяне. Всего в боярском списке 152 г. записано 220 стряпчих, Чириков значился 50-м по списку [54, с. 402].

В Дворцовых разрядах записан разряд в Украинные города на весну – лето 1644 г. «для приходу Крымского царя и Крымских и Нагайских людей». Воеводами на Тулу были назначены боярин Иван Васильевич Морозов, князь Григорий Петрович Борятинский и дьяк Семен Софонов. Другие воеводы были отправлены на Венев, Переяславль-Рязанский, Одоев, Крапивну и Мценск [52, стб. 734].

Видимо, в ходе этого похода на Тулу произошел конфликт между А. П. Чириковым и И. И. Косаговым, который в Боярском списке 1643/44 г. также указан на Туле [54, с. 437]. В 1644–1646 гг. в Разряде разбиралось дело об оскорблении Алексеем Чириковым Ивана Косагова. Чириков назвал Косагова «стрелецким и поповым сыном и холопу своему братом» [11, с. 275].

А. А. Гераклитов дословно привел этот текст из Описания МАМЮ, с опечаткой в номере страницы, указав «XII–257» вместо «XII–275» [9, с. 67]. В других сносках на Описание МАМЮ он не стал указывать номера страниц, откуда была взята та или иная информация, а брал цифры из именного указателя, помещенного в конце каждого тома (но там вообще отсутствуют номера страниц, а указаны только номера архивных дел). Такие «глухие» ссылки, особенно, когда иногда пропущен номер тома, затрудняют сверку информации с текстом источника.

Отметим, что в 1644 г. И. И. Косагов был уже дворянином, а Чириков все еще стряпчим. Хотя дворяне во всех боярских списках писались после стольников и стряпчих, в действительности они стояли выше стряпчих. Через 16 лет после этих событий И. И. Косагов будет назначен воеводой в Саратов.

При новом царе Алексее Михайловиче в первые годы до отъезда в Саратов А. П. Чири-

ков довольно часто упоминается в источниках. А. П. Барсуков приводит сведения о том, что в 1646 г. он вместе с дядей Степаном Михайловичем «владел деревней Варвариною, где, вероятно, они и проживали отдельными дворами или усадьбами». В переписной книге того года говорится, что в этой деревне было два двора вотчинников [8, с. 259–260].

23–25 апреля 1647 г., когда царь уезжал в с. Покровское, в Москве оставались за него бояре И. В. Морозов, кн. П. И. Пронский и окольный Б. И. Пушкин. 25 апреля с окольным Б. И. Пушкиным на Государевом дворе дневали и ночевали стольники, стряпчие и московские дворяне. Среди 24 стряпчих первым записан А. П. Чириков [55, с. 366].

Через месяц 30 июня 1647 г. царь уезжал в с. Коломенские. Снова с окольным Б. И. Пушкиным, который оставался на Москве, первым в списке стряпчих записан А. П. Чириков [55, с. 377].

13 сентября 1648 г. в Москве состоялась встреча английских посланников в золотой меньшей палате. При приеме посланников рындами в белом платье были по правую сторону два стольника, а по левую – стольник Н. А. Вельяминов и стряпчий А. П. Чириков [56, с. 412]. Обычно рындами выступали стольники, но здесь сделали исключение для стряпчего.

22 января 1649 г. во время похода в с. Вяземы царь пожаловал А. П. Чирикова из стряпчих в стольники: «...Приказал государевым словом думный дьяк Иван Гавренев. И ко кресту приведен» [56, с. 426].

В Боярском списке 1649/50 г. против фамилии стольника А. П. Чирикова стоит помета – «В Литве» [57, с. 433]. 29 ноября 1649 г. царь послал «государевых великих и полномочных послов» к новому польскому королю Яну Казимиру. Это посольство возглавляли боярин и оружничий Григорий Гаврилович Пушкин, окольный Степан Гаврилович Пушкин и дьяк Гаврила Леонтьев. Вместе с ними в составе посольства находились 2 стольника, стряпчий и 8 дворян. Одним из стольников был А. П. Чириков. В Дворцовых разрядах имеется следующая запись: «Да с боярином и оружейничим Григорьем Гавриловичем да с окольным с Степаном Гавриловичем Пушкиными во дворянах, столники: Матвей Степанов сын Пушкин, Алексей Пантелеев сын Чириков; стряпчей Петр Федоров сын Беклемишев; дворяне...». Среди 8 дворян записан «Петр Данилов сын Протасьев» [58, стб. 140]. В это время на Украине разгоралась освободительная война против польских панов под руководством Богдана Хмельницкого. Россия помогала Украине продовольствием, оружием, принимала беженцев, а теперь организовала дипломатическую поддержку. Братья Пушкины, прибыв в начале 1650 г. в Варшаву, заявили на официальном приеме, что Речь Посполитая нарушает Поляновский мир

1634 г., во многих бумагах поляки пишут неверно титул русского царя, в польских типографиях печатают разные книги, в которых содержатся «многое бесчестье и укоризна царю Михаилу Федоровичу, самому царю Алексею Михайловичу, боярам и всяких чинов людям» [59, с. 600]. Послы потребовали от короля наказания, вплоть до казни тех магнатов, которые искажают царский титул, а также вернуть Смоленск и уплатить большую сумму денег в царскую казну. В результате такого дипломатического нажима король весь 1650 г. держал большую армию на русской границе, не ведя активных боевых действий против Украины, что позволило Богдану Хмельницкому накопить новые силы для продолжения борьбы. На переговорах также обсуждался вопрос о самозванце Тимошке Анкудинове, который в то время находился на Украине. Некоторые из сопровождавших послов лиц во главе с дворянином П. Д. Протасьевым в итоге отправились из Варшавы к гетману Хмельницкому для поимки этого самозванца. Стольник Алексей Чириков, видимо, оставался при послах до самого конца. С. М. Соловьев много внимания уделил данному посольству, однако неправильно указал имя русского посла: «В январе 1650 года отправлены были в Варшаву боярин Гаврила Пушкин, окольничий Степан Пушкин и дьяк Гаврила Леонтьев» (правильно – Григорий Пушкин) [59, с. 599].

В дальнейшем русским послам отправлялись новые секретные инструкции, вызванные начавшимися городскими восстаниями в Новгороде и Пскове. В целом во время данного посольства был подтвержден Поляновский мир с новым королем Яном Казимиром (ратификация мира в Варшаве состоялась 23 июля 1650 г.).

Царь Алексей Михайлович остался очень доволен результатами этого посольства. Послы вернулись в Москву в октябре 1650 г., когда восстания в Новгороде и Пскове были уже подавлены. 22 октября 1650 г. на праздник Казанской иконы был стол у государя в столовой избе. Царь жаловал за посольскую службу Г. Г. Пушкина и других послов (им даны шубы, кубки, придачи к денежному окладу, а боярину Г. Г. Пушкину – еще и вотчина из дворцовых земель). Далее в разрядах говорится, что «*стольников, стряпчих и дворян пожаловал государь*» (в тексте не указано, чем именно жаловал, видимо, им даны придачи к окладам, а возможно, и ценные подарки) [58, стб. 203, 204].

Остается непонятным, почему такой важный эпизод из жизни А. П. Чирикова выпал из поля зрения А. П. Барсукова, который неоднократно ссылался на Дворцовые разряды, но «проглядел» данную информацию. Также непонятно, почему В. В. Похлебкин в своем справочнике не указал уполномоченных от России и Польши на этих переговорах. Читаем: «*От России:*» (далее – пустое место) [60, с. 446]. В других случаях автор везде указывал имена послов.

Уже через месяц после возвращения из Польши стольник А. П. Чириков приступил к выполнению обычных дворцовых обязанностей. 30 ноября 1650 г. состоялся царский поход в Звенигород в Саввино-Сторожевский монастырь. В списке стольников, сопровождавших царя, указан А. П. Чириков, за ним записан Борис Ефимович Мышецкий. Через неделю, 7 декабря 1650 г., царь уехал в с. Покровское. Вновь А. П. Чириков сопровождал царя в этом походе. 3 апреля 1651 г. во время очередного царского похода в Хорьшево стольник А. П. Чириков также отмечен разрядами в составе царской свиты [58, стб. 213, 216, 229].

На следующий год стольник А. П. Чириков получает свое первое воеводское назначение. Это был город Саратов. Видимо, Чириков прибыл на новое место службы с первым весенним караваном в апреле – мае 1652 г. Во всяком случае в Москве в мае 1652 г. знали, что в Саратове А. П. Чириков уже сменил прежнего воеводу В. Г. ФеофилаТЬева, поэтому именно ему адресовали 24 мая грамоту о пожаловании дворового места Новоспасскому монастырю, которое раньше принадлежало Надее Светешникову [61, с. 446].

Ранее весны 1652 г. Чириков не мог быть в Саратове, так как в Дворцовых разрядах воеводой в 1651/52 г. указан еще прежний воевода В. Г. ФеофилаТЬев [58, стб. 277]. Тому же именно ФеофилаТЬеву в начале 1652 г. была адресована царская грамота об отдаче посадскому человеку из Гороховца Ивану Белину на откуп с 1 марта 1652 г. саратовских Столбовских вод на 3 года до 1 марта 1655 г. (в этой грамоте указаны границы этих вод и стоимость откупа) [62, с. 19].

О пребывании А. П. Чирикова в Саратове имеется немало сведений из книг Печатного приказа. По указанию из Москвы он сдает на оброк Иргизские ловли сначала саратовскому стрельцу Богдану Мордвинову, потом – Новоспасскому монастырю [63, с. 446], дает откупщикам различные места и рыбные ловли (кадашевцам Оське Степанову, Федьке и Ивашке Прозоровым и торговому человеку Гостиной сотни Киприану Климшину), назначает служилых людей на должности. При нем начал служить на Саратове сотником конных стрельцов Иван Жадовский из Цивильска, а в детях боярских – Родион Протопопов [62, с. 10, 19–20].

Будучи в Саратове, А. П. Чириков обеспечивал безопасность плавания по Волге посольских караванов в своей зоне ответственности – от Саратова до Самары и до Царицына (в том числе возвращение в Москву из Грузии стольника Н. Толочанова, посольства в Персию и обратно окольничего кн. И. И. Лобанова-Ростовского, грузинского посольства в Москву, в составе которого были царевич Николай (Иракий) Давыдович с матерью Еленой и др.).

Одно из последних известных упоминаний о пребывании А. П. Чирикова в Саратове относится к апрелю 1654 г. Именно в это время (после Святой недели) он выпустил из саратовской тюрьмы воровского казака Стеньку Федорова Самаренина, который находился в заточении еще при прежнем воеводе В. Г. Феофилачеве [64, с. 68–88].

Трудно сказать, когда Чириков вернулся в Москву. Сведения о его пребывании при дворе за 1654–1655 гг. пока не обнаружены. С другой стороны, первые известные грамоты, адресованные его сменщику В. В. Нелединскому, известны лишь с 1655 г. К тому же Нелединский, по мнению В. В. Руммеля, в 1654 г. был сотенным головой в полку боярина Шереметева [65, с. 131]. Так что не исключено, что смена могла произойти не только в 1654 г., но и в 1655 г.

Летом 1656 г. А. П. Чириков участвовал в походе царя Алексея Михайловича на Ригу во время русско-шведской войны, был при «струговом деле». Эти речные суда для обеспечения похода готовились в разных местах, а потом переправлялись на Двину и вслед за войском везли разные припасы и вооружение к Риге. Чириков, находясь в Витебске, отправил оттуда на Касплю 40 стругов, которые были предназначены для пушек и пушечных запасов из Смоленска [66, с. 505].

О каком-то Чирикове (без инициалов) говорится как о сеунщике ертаульного полка под Ригой, отправленного стольником П. В. Шереметевым [67, стб. 77].

Дальнейшая служба А. П. Чирикова была связана с назначением его воеводой в Полтаву. А. П. Барсуков (в списке воевод), а вслед за ним А. А. Гераклитов на основании Дворцовых разрядов указывали, что в 1658 г. А. П. Чириков был воеводой в Полтаве [9, с. 67; 10, с. 594]. В книге о роде Шереметевых А. П. Барсуков после слов о назначении Чирикова в 1658 г. в Полтаву и подчинении его воеводе Киева В. Б. Шереметеву писал: «Долго-ли оставался Чириков в Полтаве, неизвестно. В 1665 году, он был в Москве» [8, с. 261].

Однако анализ источников позволяет сделать вывод, что Алексей Чириков так и не добрался до Полтавы в связи с начавшейся на Украине гражданской войной.

В дополнениях к Дворцовым разрядам написано: «Того же месяца Апреля в 21 день послал Государь в Черкасские города воевод: в Чернигов столник и воевода Андрей Яковлев сын Дашков; в Корсунь воевода Аверкей Федоров сын Болтин, ... на Платаву воевода столник Алексей Пантелеев сын Чириков» [67, стб. 128].

Сохранился черновой наказ воеводе Полтавы А. П. Чирикову, «как ему исполнять свои обязанности» [68, стб. 151–170]. Перед отправкой А. П. Чириков, как и другие воеводы, получил согласно царскому указу от 22 апреля 1658 г. «государево жалование по 40 соболей человеку,

ценою по 50 рублей сорок». Далее уточняется размер жалования: «Денег по 50 рублей да по 40 соболей по 50 рублей» [68, стб. 161].

В Полтаве Чириков согласно наказу должен был взаимодействовать с местным полтавским полковником Мартыном Пушкарем. Однако Чириков так и не добрался до Полтавы. Это фактически спасло ему жизнь. По пути в Полтаву 18 мая 1658 г. Чириков прибыл в Курск, а 21 мая – в Белгород, но в связи с тревожными вестями из Малороссии находящийся в Белгороде думный дьяк Семен Заборовский не отпустил далее его в Полтаву, так как «Платова осожона, а стоят де под нею многие воинские люди: гетман Выговской с козаки и многие Крымские и Ногайския люди, и проехать де мне холопу твоему в Платаву с малыми людьми нельзя» [68, стб. 168–169].

1 июня 1658 г. под Полтавой произошло настоящее побоище, закончившееся победой изменника гетмана Выговского и татар. Сторонник Москвы полтавский полковник Мартын Пушкарь был убит, Полтава разграблена татарами, а Выговский вскоре заключил с поляками Гадячский договор, перечеркнувший все статьи Переяславской рады. В июне 1658 г. царь, узнав о реальном положении дел, приказал Чирикову оставаться в Белгороде до указа. Резолюция от 30 августа по этому делу была следующая: «Государь пожаловал, велел отпустить», а далее рукою дьяка добавлено: «А которые воеводы посланы в черкасские города, и тем указал государь из Белгорода быть к Москве» [69, стб. 182]. Уже в конце сентября 1658 г. Чириков вернулся в Москву.

В дальнейшем Чириков несколько лет сражается против поляков в Белоруссии. В июле 1661 г. ему велено быть на службе в полку кн. И. А. Хованского [70, с. 389]. 1 ноября 1664 г. боярин и воевода кн. Ю. А. Долгоруков сообщал, что к нему в полк прибыл А. П. Чириков и другие представители Государева двора [71, с. 70].

Последнее место службы А. П. Чирикова связано с городом Переяславем Южным. Еще в июле 1665 г. ему велено быть в Киеве, но по неизвестной причине он игнорировал царский указ, за что был бит прилюдно батогами перед Разрядом 23 ноября 1665 г. [58, стб. 601, 602]. Затем Чириков был отослан в Малороссийский приказ и в начале 1666 г. прибыл в Киев, а оттуда киевским воеводой срочно направлен в Глухов в связи со смертью прежнего воеводы Ивана Гавренева. Чириков написал челобитную в Москву, по которой получил царский наказ на воеводство в Глухове и послушную грамоту. Вскоре он уже докладывал в Малороссийский приказ о приеме города Глухова, при этом приводил разные вести о настроениях его жителей [12, с. 43, 55, 56].

Служба А. П. Чирикова в Глухове продолжалась менее года, до осени 1666 г. Осенью 1666 г. в Переяславле Южном умер воевода Григорий Вердеревский. Его смерть произошла вскоре после трагических событий в этом городе в июле

1666 г., когда сторонники гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко едва не захватили город, который при этом сильно пострадал, а русский гарнизон понес значительные потери [72, 73].

Вскоре последовал царский указ о назначении в Переяславль глуховского воеводы Алексея Чирикова, а на его место в Глухов был отправлен Мирон Лаврентьевич Кологривов. Передав дела новому воеводе, Алексей Чириков в конце 1666 г. приехал в Переяславль [12, с. 123]. Учитывая, что вместе с воеводами на Украину направлялись и их семьи, можно сказать, что Чирикову и его семье в какой-то мере повезло в отличие от сменщика – Мирона Кологривова. Вместе с Чириковым на Украину отправилась его жена Федосья Павловна, дочь Павла Степановича Сомова с юной девицей Евдокией, которой к тому времени было около 13 лет. То, что произошло в Глухове в начале 1668 г., было еще страшнее, чем 10 лет назад в Полтаве.

В одном из документов приводятся сведения о ссоре стольника Алексея Чирикова с переяславским полковником Дмитрашкой Райчей *«вследствие отказа воеводы дать последнему кузнецов, слесарей, сабельников и портных мастеров из переяславских мещан»* [12, с. 123].

А. А. Гераклитов писал о *«неуживчивом, вздорном характере»* воеводы Переяславля Чирикова, который *«поссорился с переяславским полковником Дмитрашкою Райчею из-за отказа дать последнему ремесленников»* [9, с. 67]. С этими выводами А. А. Гераклитова следует быть осторожнее, особенно в связи с предыдущим июльским 1666 г. восстанием в Переяславле и последующими событиями на Украине, начавшимися в январе 1668 г. (очередной этап украинской «Руины»), а также враждебными действиями этого Дмитрашки Райчи, доверенного человека гетмана Брюховецкого, против русских воевод. 17 декабря 1667 г. Алексей Чириков докладывал киевскому воеводе боярину Петру Васильевичу Шереметеву о самоуправстве полковника Райчи, который не давал собирать деньги и хлеб русскому ротмистру, отправленному Чириковым, при этом Райча насильно переводил мещан жить из Крапивны в Золотоношу, которую укрепляет *«накрепко, и рвы около города выкопал большие, неведомо для какого умыслу, тайно»* [74, с. 14].

Следующее еще более тревожное донесение о взрывоопасном положении в Переяславле Чириков отправил в Киев 21 декабря 1667 г. [75, с. 11]. В это же время в Переяславле побывал царский посол к гетману Дорошенко стряпчий Василий Тяпкин, который докладывал А. Л. Ордин-Нащокину, что местные жители в Переяславле *«все бунтовщики и лазутчики великие, и в одном слове верить никому нельзя, и из всех городов токова шаткова места нет»*. Русский гарнизон у воеводы Чирикова мал (всего

человек 300), ратные люди *«наги, босы и голодны, и многие с голоду и с стужи помирают и бегут от бедности розно. Воевода Алексей Чириков zelo болен и без памяти»* [76, с. 244–246]. Н. И. Костомаров перевел эту фразу как *«человек большой и беспечный»* [6, с. 112].

В начале 1668 г. из-за измены гетмана Брюховецкого произошло убийство и пленение воевод, членов их семей, начальных людей и рядовых воинов русских гарнизонов во многих городах Украины (Стародуб, Новгород-Северский, Прилуки, Сосницы, Батулин, Глухов, Полтава, Миргород, Лубны). Эти события ярко отражены в трудах С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова и других исследователей. Подробно об этом можно узнать из донесения киевского воеводы Шереметева от марта 1668 г. Указав на захват казаками Брюховецкого этих городов, далее Шереметев сообщает: *«А к Переяславлю де и к Нежину, и к Чернигову изменники чинили два приступа жестокие»*. Приступы были отбиты, но в городах *«скудость большая хлебными запасами»* [77, с. 56].

«Беспечный» (по мнению Костомарова) Чириков накануне восстания принял превентивные меры для укрепления гарнизона Переяславля и повышения обороноспособности крепости. Он *«взял наряду войскового из города Переяславля 15 пушек больших медных, 18 затинных пищалей... и по се время в Переяславском замке есть»* [78, с. 94]. Аналогично действовали воеводы других городов (Чернигова, Нежина и Остра), перевозя из городов в укрепленные замки, где стояли русские гарнизоны, всю городскую артиллерию, обеспечивая этим относительную безопасность. Благодаря таким действиям мятежники не могли при штурме крепостей использовать осадную артиллерию.

В других документах говорится, что Чириков в разное время взял 25 пушек и, несмотря на царский указ, не отдал их казакам, кроме одной. Также он забрал в городе *«утвари всякие церковные Переяславские»* [79, с. 178]. Переяславский полковник Райча, перешедший на сторону нового гетмана Многогрешного после убийства прежнего гетмана Брюховецкого Петром Дорошенко, позже, в мае 1669 г., жаловался гетману Многогрешному на то, что многие церковные серебряные вещи, *«которые во время этой войны с поущения Божия, за грехи наши, в церквах божественных»* были «поиманны», несмотря на царский указ, *«из тех церковных вещей ни мало до нас дошло и не отдано»* [79, с. 181].

Январские и февральские события 1668 г. в Переяславле и штурмы крепости, видимо, сильно отразились на здоровье Чирикова. В конце февраля 1669 г. киевскому воеводе П. В. Шереметеву стало известно, что Чириков болен, не может исполнять обязанности воеводы. Шереметев, *«видя его Алексееву болезнь, чтоб города не потерять»*,

послал из Киева до государева указу жильца Степана Кондырева» [80, с. 126].

Шереметев, несмотря на скудость в самом Киеве воинских сил, неоднократно оказывал помощь осажденному Переяславлю, отправляя туда подкрепления и продовольствие. Обычно такие походы возглавлял второй воевода Киева. Интересно отметить, что вторым воеводой Киева был сначала Константин Осипович Щербатый, а потом еще Петр Тимофеевич Измайлов, младший брат Льва и Александра Измайловых, с кем спорил Чириков в апреле 1643 г. В этих экспедициях принимал активное участие сын киевского воеводы, молодой Борис Петрович Шереметев. Так что с будущим зятем Чириков был хорошо знаком. В дальнейшем жена (вдова) Чирикова Федосья Павловна с дочерью Евдокией была эвакуирована из Переяславля в Киев. Киевский воевода П. В. Шереметев взял их под свое покровительство.

Точная дата смерти Чирикова неизвестна. В Боярской книге 1658 г. против его фамилии только стоит помета, что он «умер в Переяславле в 7177 году» (т.е. в период с сентября 1668 г. по август 1669 г.) [81, с. 48]. При этом ни о каких его предыдущих заслугах, ни о наказаниях ничего не говорится.

В марте 1669 г. после Глуховской рады, на которой был избран новый гетман Демьян Многогрешный, князь Г. Г. Ромодановский прислал воеводам таких городов, как Нежин, Чернигов, Киев, Остер и Переяславль, в том числе Чирикову, списки с договорных статей. К тому времени ему еще не было известно о смерти Чирикова [78, с. 102–103]. Однако 16 мая 1669 г. гетман Многогрешный, находясь в Батурине, уже знал о его смерти [79, с. 178]. Дмитрашек Райча накануне сообщил гетману, что все церковные вещи, конфискованные в свое время Чириковым, киевский воевода боярин Шереметев «по смерти покойного стольника и воеводы Переяславского Алексея Пантелеевича Чирикова из Переяславля при его животах забрав, в Киев отвез» [79, с. 181].

Сохранилось сыскное дело на 30 листах «о задушении бывшего на службе в Переяславле стольника Алексея Пантелеевича Чирикова его дворовыми людьми» [13, с. 395]. У А. А. Гераклитова в списке воевод при перечислении источников пропущен номер этого тома МАМЮ, в котором имеется данное сыскное дело (Т. 15), только записаны номера дела и столбца («411, IV»), хотя предыдущие тома МАМЮ указаны (Т. 12 и 13) [9, с. 67].

А. П. Барсуков пишет, что больной Чириков, как только приехал в Переяславль ему на замену жилец Иван Кондырев, уехал с женой и дочерью в Киев, и здесь, незадолго до отъезда П. В. Шереметева в Москву, скончался [8, с. 221].

Чириков был похоронен в Киево-Печерской лавре. По просьбе его вдовы киевский воевода Шереметев заложил в лавру его имущество

(серебро и собольи хвосты) за 300 руб. После отъезда Шереметева в Москву началась длительная переписка между старцами лавры во главе с архимандритом Иннокентием Гизелем и Ртищевым по поводу выкупа этого вклада. Старцам нужны были деньги, а не вещи, они пишут, что нам «потребны денги, а не серебро и хвосты». Чем закончилось это дело, неизвестно. 28 октября 1669 г. от царя была отправлена старцам Лавры, «архимандриту Иннокентию Гизелю с братьею» грамота, в которой говорилось, что царю ведомо про вклад Чирикова, про серебро и собольи хвосты, которые были заложены в 300 рублей [82, стб. 83, 85–86; 83, стб. 120].

Вдова Чирикова Федосья Павловна с дочерью возвратилась в Москву летом 1669 г., после того как в Киев прибыл новый воевода окольный князь Григорий Афанасьевич Козловский, и боярин П. В. Шереметев передал все дела своему сменщику. Путь из Киева домой был нелегким. Отряд, сопровождавший П. В. Шереметева, постоянно вел бои с враждебными черкасами и крымскими татарами, отражая их нападения на обоз. В этом обозе находились и семьи начальных людей, в том числе многочисленное семейство Шереметева, а также вдова и дочь Чирикова. Видимо, и в этих боях вновь отличился молодой 17-летний юноша Борис Петрович, защищая и свою будущую жену. Свадьбу играли вскоре после приезда в Москву. Все биографы Б. П. Шереметева, не уточняя даты, сообщают, что свадьба была в 1669/70 г. Помолвка молодых, как отметил А. П. Барсуков, произошла 19 сентября 1669 г. Рядный договор был составлен в октябре 1669 г. [8, с. 226], свадьба могла состояться вскоре после этой даты, но до начала Филиппова поста (ноябрь 1669 г.). В приданое девица Евдокия Алексеевна Чирикова получила вотчину в Дмитровском уезде (две пустоши – Тиманово и Половинку и две деревни – Ботино и Савино). Пустоши, бывшие село и деревня Тиманово и Половинка, ранее принадлежали Троице-Сергиеву монастырю, который в 1649/50 г. совершил их обмен на вотчины А. П. Чирикова [84, с. 294]. В с. Тиманово раньше была церковь Николая, она сгорела в Смуту, и тогда же само село превратилось в пустошь. Позже в пустоши Половинной Б. П. Шереметев построил новую усадьбу, церковь Казанскую, в итоге эта пустошь превратилась в с. Богородское. В 1718 г. Б. П. Шереметев еще при жизни отдал ее своему внуку.

Что касается старого владения с. Сенез в Каменском стану Дмитровского уезда, которым после Пантелея и Степана Чириковых владели их дети – двоюродные братья Алексей Пантелеевич и Федор Степанович [84, с. 298], а после 1685 г. – дети Ф. С. Чирикова, то эти земли в дальнейшем в 1752 г. принадлежали Софье Федоровне Чириковой [84, с. 298].

Приведенные сведения о жизненном пути А. П. Чирикова, несмотря на их неполноту, поз-

воляют в какой-то мере представить облик этого служилого человека, карьера которого была типичной для многих представителей Государева двора того времени.

Список литературы

1. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Грамоты по Саратову, хранящиеся в Московском архиве Министерства Юстиции (№ 10794-10823) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. С. 439–455.
2. *Шахматов А. И.* Исторические очерки города Саратова и его округа, составленные А. И. Шахматовым / под ред. Вл. Г. Вучетич. Саратов : типо-лит. П. С. Феокритова, 1891. Вып. 1. [4], XII, 206, 17 с., 3 л. ил., карт.
3. *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. / [Соч.] Ф. Ф. Чекалина; с рис. старого Саратова Олеария. Саратов : пар. скоропеч. Губ. правл., 1892. [2], 81 с., 1 л. фронт. (ил.).
4. *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов : Саратов. о-во вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. Вып. 1. 1893. [2], 372, V с. С. 19–104.
5. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / сост. статский советник П. И. Иванов. М. : В типографии С. Селивановского, 1853. [4], VI, 498, [3] с., [3] л.
6. *Костомаров Н. И.* «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы». Исторические монографии и исследования (Серия «Актуальная история России»). М. : Чарли, 1995. 800 с.
7. *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. : в 2 т. (Третье издание с дополнениями). Т. 1 (Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.). М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895. XXI, 751 с.
8. *Барсуков А. П.* Род Шереметьевых : в 8 кн. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Кн. 7. IX, 470, [3] с., [2] л. ил.
9. *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 61–82.
10. *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. X, 611 с.
11. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции (далее – Описание МАМЮ) : в 21 кн. М. : Типография Имп. Моск. ун-та, 1901. Кн. 12. [9], 551. 76 с.
12. Описание МАМЮ. Кн. 13 [Документы Разрядного приказа: столбцы Белгородского стола 1638–1695 гг.]. М. : Синодальная типография, 1903. [7], 546. 83 с.
13. Описание МАМЮ. Кн. 15. М. : Типография Имп. Моск. ун-та, 1908. [7], 535. 156 с.
14. *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев / сост. Н. К. Ткачева ; отв. ред. Б. В. Левшин. М. : Наука, 1989. 312 с.
15. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе родословную книгу, собранную и сочиненную в Разряде при царе Федоре Алексеевиче, и по временам дополняемую, и которая известна под названием Бархатной книги... изданная по самовернейшим спискам : в 2 ч. М. : В Университетской типографии у Н. И. Новикова, 1787. Ч. 2. [4]. 453 с.
16. Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года. Издал С. Н. Тройницкий [1912 г.] / ред., подгот. текста, послесл. и коммент. О. Н. Наумова. М. : Старая Басманная, 2008. 255 с., [8] л. цв. ил.
17. *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым : в 4 ч. СПб. : В тип. Эдуарда Веймара, 1855. Ч. 2. 327 с.
18. *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII века. М. : Археогр. центр, 1996. 414 с.
19. Родословная роспись Чириковых, представленная Андреем и Иваном Чириковыми: Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство... / публикация Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2020. Вып. 8. С. 243–246.
20. *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 506 с.
21. Ввозная грамота недорослям Пантелею и Степану Михайловым детям Чирикова на поступное поместье их дяди дьяка Тимофея (Иванова сына) Чирикова село Сенеж с деревнями в Каменском стану и сельцо Веретея в Лутосенском стану Дмитровского уезда. 1603, октябрь // Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2002. Т. 3, №. 484. С. 403–404.
22. Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. Т. 8. 682 с.
23. Список разных чинов людей, которые были на земской службе с воеводою кн. Д. Т. Трубецким. 1611, ноября 2 // Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1 : Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. № 45. С. 78–80.
24. Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов : Четвертчики Смутного времени 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1912. Кн. 2. С. 189–240.
25. Челобитье Степана Чирикова о переводе его со службы к воеводе В. П. Шереметеву от воеводы В. Вишнякова, который ему недруг. 1614 // АМГ. Т. 1, № 97. С. 133.
26. *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1877. X с., 1064, 68 стб.
27. Приходно-расходные книги Казенного приказа // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 40 т. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1884. Т. 9. С. 1–384.

28. Книга, а в ней писаны бояре и окольничие и думные люди ...и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... 124 году // АМГ. Т. 1, № 108. С. 138–147.
29. Приходно-расходная книга Разряда 125 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. М. : Синодальная типография, 1912. Т. 28. Стб. 509–682.
30. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб. : В Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. 1 (1614–1627). XV, II с., 1380 стб.
31. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / Федеральное арх. агентство, Рос-сийский гос. арх. древних актов ; [сост. Е. Н. Горбатов]. М. : Древлехранилище, 2015. 736 с.
32. «Наличный» боярский список 1624 года (публикация Е. Н. Горбатова) // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2018. Вып. 3. С. 71–102.
33. Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 : Записные книги Московского стола // РИБ. Т. 9. С. 385–524.
34. *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М. : Наука, 1975. 611 с.
35. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 4 т. СПб. : В Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. Т. 1 (1612–1628). [4], XXXVI, [2] с., 1184, XII стб.
36. *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1946. 316 с.
37. Окружная Грамота (в списке) Государя Царя Михаила Федоровича в Устюг Великий, воеводе Максиму Стрешневу: о приготовлении достаточного количества съестных припасов на продовольствие нанятым в Англии Полковником Александром Лесли, для Российской службы, ратным людям, кои, прибыв к городу Архангельскому, будут следовать оттуда в Москву. 1633, июля 18 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД) : в 5 ч. М. : В типографии Селивановского, 1822. Ч. 3, № 95. С. 338–339.
38. Челобитная дьяка А. Дурова о выдаче ему жалованья для службы, и память из Разряда дьяку Пантелею Чирикову о выдаче. 1632, июля 18 // АМГ. Т. 1, № 352. С. 362.
39. Дело по челобитью Федора Еропкина о пожаловании его за службу, сеунч, языки и убитых мужиков помещным и денежным жалованием. 1633, марта 12 // АМГ. Т. 1, № 503. С. 472–474.
40. Дело по челобитью Ивана Матвеевича Вельяминова о пожаловании его за службу. 1633, апреля 15 // АМГ. Т. 1, № 515. С. 489–492.
41. Дело по челобитью вяземского воеводы Мирона Вельяминова о пожаловании его за службы помещною и денежною придачею. 1634, декабря 31 // АМГ. Т. 1, № 705. С. 645–650.
42. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб. : В Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.
43. Записная книга Московского стола 7145 года // РИБ. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 1–103.
44. Записная книга Московского стола 7149 года // РИБ. Т. 10. С. 201–300.
45. Царская грамота на Устюжну Железопольскую о сборе денег на жалование ратным людям по случаю войны с Крымским Ханом. 1637, декабря 12 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (далее – ААЭ) : в 4 т. СПб. : Тип. 2-го отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. Т. 3 (1613–1645), № 275. С. 418–420.
46. Царская грамота Чердынскому воеводе Дорофею Остафьеву, о сборе денег на жалование ратным людям. 1639, апреля 30 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ) : в 5 т. СПб. : Тип. 2-го отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1841. Т. 3 (1613–1645), № 206. С. 361–363.
47. Древняя Российская Вивлиофика, изданная Николаем Новиковым. Изд. 2 : в 20 ч. М. : В типографии Компании типографической, 1791. Ч. 20. [3], 442 с.
48. Отводная грамота на рыбные ловли. 1643, мая 15 // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / изд. Археографическою комисс. под ред. Николая Калачова (далее – АЮБ) : в 3 т. СПб. : В Тип. Императорской Акад. наук, 1864. Т. 2, № 180. Стб. 570–576.
49. Документы разбора стольников патриарха Филарета (1633–1634 гг.) (публикация Е. Н. Горбатова) // Российская генеалогия : научный альманах. М. : Старая Басманная, 2017. Вып. 2. С. 21–67.
50. «Подлинный» боярский список 1637/38 года (публикация Е. Н. Горбатова) // Российская генеалогия : научный альманах. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 5. С. 41–113.
51. «Подлинный» боярский список 1638/39 года (публикация Е. Н. Горбатова) // Российская генеалогия : научный альманах. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 6. С. 163–235.
52. Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2 (1628–1645). [4], IV с., 976 стб., II с.
53. Боярская книга 1639 г. / ред. В. И. Буганов; предисл. Н. М. Рогожина; вступ. ст. М. П. Лукичева; подгот. текста В. А. Кадика [и др.]. М. : Издательский центр Института российской истории РАН, 1999. 265 с.
54. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года (публикация Г.В. Жаринова) // Архив русской истории : в 8 вып. М. : Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 382–483.
55. Записная книга Московского стола 7155 года // РИБ. Т. 10. С. 301–400.
56. Записная книга Московского стола 7157 года // РИБ. Т. 10. С. 401–490.
57. *Белусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : [в 2 т.]. Т. 2. Казань : Институт истории АН РТ, 2009. 463 с.

58. Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.
59. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения : в 18 кн. М. : Голос, 1995. Кн. 5, т. 9–10. 752 с.
60. Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. : справочник. Вып. 2 : Войны и мирные договоры. Кн. 1 : Европа и Америка. М. : Международные отношения, 1995. 784 с.
61. Гоздаво-Голомбиевский А. А. Грамоты по Саратову, хранящиеся в Московском архиве Министерства Юстиции : Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе стольнику Алексею Пантелеевичу Чирикову о пожаловании Новоспасскому монастырю (архим. Никону) в г. Саратове дворового места, бывшего Светешникова, и ещё трех дворовых мест... 1652, мая 24 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. С. 446 (документ № 4).
62. Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова: записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.) / сообщил А. Голомбиевский. М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. 26 с.
63. Гоздаво-Голомбиевский А. А. Грамоты по Саратову, хранящиеся в Московском архиве Министерства Юстиции: Грамота из Приказа Казанского дворца к воеводе Чирикову об отдаче на оброк Новоспасскому монастырю Иргизских рыбных ловель... 1653, апреля 6 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. С. 446 (документ № 5).
64. Рабинович Я. Н. Левобережный Саратов при воеводе Василии Григорьевиче Феофилачеве (1650–1652) // Город и городская жизнь в России XVI–XXI веков : материалы всероссийской научной конференции, посвященной 430-летию Саратова (Саратов, 26 сентября 2020 г.) / под ред. М. В. Зайцева. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 68–88.
65. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1887. Т. 2 (М–Я). [8], 918 с.
66. Отписка воеводы князя П. Долгорукова о приеме на р. Каспле стругов у стольника С. Змеева и роздаче их. 1656, июня 10 // АМГ. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1894. Т. 2 : Разрядный приказ. Московский стол, 1635–1659. № 830. С. 505.
67. Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов, издаваемых по высочайшему повелению 2-м Отделением Собственной ЕИВ Канцелярии. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1854. 246 с.
68. Акты, относящиеся до посылки в Малороссийские города государевых воевод : Наказ стольнику Алексею Пантелеевичу Чирикову, посланному 26 апреля 1658 г. воеводой в Полтаву о том, как ему исполнять свои обязанности и другие разнообразные бумаги, относящиеся до посылки вообще воевод в Малороссийские города. 1658, апрель – июнь // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АЮЗР) : в 15 т. СПб. : Тип. А. Катайского и Ко, 1892. Т. 15: 1658–1659 (дополнение к IV тому) / [под ред. Г. Ф. Карпова, С. А. Белокурова]. № 3-VI. Стб. 151–170.
69. Акты, относящиеся до назначения воеводами в Киев боярина Василия Борисовича Шереметева с товарищи и похода их туда с ратными людьми; возвращение обратно в Москву воевод, назначенных прежде в малороссийские города: Бумаги, относящиеся до воевод посланных в черкасские города: возвращение их в Москву... 1658, мая 21 – августа 28 // АЮЗР. Т. 15, № 4-II. Стб. 177–182.
70. Грамота к боярину кн. Ив. А. Хованскому о назначении и посылке к нему в полк стольника Ал. П. Чирикова. 1661, июня 15 // АМГ. Т. 3 : Разрядный приказ. Московский стол, 1660–1664 / под ред. Д. Я. Самоквасова. № 441. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1901. С. 389.
71. Записная книга Московского стола 7173 года (1664, сентябрь – 1665, август) // РИБ. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1889. Т. 11. С. 1–328.
72. Две отписки к царю гетмана Брюховецкого о выступлении войск из-под Гомеля, о бунте Переяславских казаков... 1666, июля 17–22 // АЮЗР. Т. 6 : 1665–1668 / [ред. Н. И. Костомаров]. № 48. СПб. : В типографии Эдуарда Праца, 1869. С. 133–139.
73. Акты об отправлении в Малороссию жильца Ионы Леонтьева, по случаю бунта Переяславских казаков. 1666, августа 9 – сентября 30 // АЮЗР. Т. 6, № 50. С. 140–150.
74. Отписки боярина Петра Шереметева и других воевод о начавшихся смутах в Малороссии. 1668, январь – февраль // АЮЗР. Т. 7 : 1657–1663, 1668–1669 / [ред. Н. И. Костомаров]. № 8. С. 11–28 (№ 8-II. Самоуправство полковника Райчи. С. 14). СПб. : В типографии В. В. Пратца, 1872.
75. Извлечения из писем к боярину Петру Шереметеву Белоцерковского коменданта Стахорского и воевод : Переяславского, Черниговского и Севского. 1668, после 18 января // АЮЗР. СПб., 1872. Т. 7, № 6. С. 9–11.
76. Пребывание у гетмана Петра Дорошенка дворянина Василия Дубенского и стряпчего Василия Тяпкина, посланных Русским правительством для склонения его перейти на службу России... 1667, декабря 13 – 1668, апреля // АЮЗР. Т. 6, № 71-X. С. 244–246.
77. Две отписки царю Киевского воеводы Петра Шереметева : 1) о затруднительности провоза в Киев селитры и свинцу ; 2) о военных действиях с казацкими полковниками с Васильем Дворецким и с Михайлом Ивановым, укрепившимся в городе Остре. 1668, март // АЮЗР. Т. 7, № 26. С. 54–58.
78. Статейный список князя Григория Ромодановского и описание Глуховской рады, с разными письмами и отписками, относящимися к этому событию. 1669, февраля 12 – марта 11 // АЮЗР. СПб. : Типография В. В. Пратца, 1875. Т. 8 : 1668–1669, 1648–1657 / [ред. Н. И. Костомаров]. № 20. С. 94–112.
79. О приезде к Москве посланцев гетмана Демьяна Многогрешного, генерального войскового есаула Матвея Гвинтовки... 1669, мая 26 // АЮЗР. Т. 8, № 52. С. 171–182.
80. Письмо Дорошенка к киевскому воеводе Петру Шереметеву, с упреками в нарушении братолюбия ; Два ответных письма Шереметева, в которых доказывается, что во всем виноват сам Дорошенко; Известия, сообщенные посланцами Переяславского полковника, о нашествии Дорошенка. 1669, февраля 27 // АЮЗР. Т. 8, № 26. С. 123–126.

81. Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин; подг. текста В. А. Кадик. М. : ИРИ РАН, 2004. 333, [2] с., [1] л. портр.

82. Наказ старосте Федору Предремирскому, посланному из Киева в Москву по делам Киево-Печерской лавры. 1669, октябрь // АЮЗР. СПб. : Типография М. Эттингера, 1877. Т. 9 : 1668–1672 / [ред. Н. И. Костомаров]. № 21. Стб. 82–88.

83. Царская грамота архимандриту Киево-Печерского монастыря Иннокентию Гизелю... 1669, октябрь 28 // АЮЗР. СПб., 1877. Т. 9, № 26. Стб. 118–122.

84. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII вв. : в 11 вып. Вып. 11. Верейская, Дмитровская и Троицких вотчин десятины (Московского уезда). М. : Синодальная типография, 1913. 380 с.

Поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 23.12.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 06.12.2021; approved after reviewing 23.12.2021; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 234–242

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 234–242

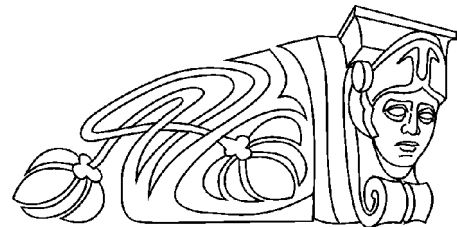
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-234-242>

Научная статья

УДК 271.2(470.43/44)|19|

«Раскольники криволицкие больше всех употребляют насилия...»: о становлении единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии (1850–1860-е годы)

П. К. Соловьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Соловьев Павел Константинович, соискатель кафедры истории России, solovjev.pasha2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2258-1331>, Author ID: 1145866

Аннотация. На основе архивных материалов в статье рассматривается начальный период становления «мирского» единоверия в Николаевском уезде после его включения в состав Самарской губернии. Присоединение старообрядцев к Русской Православной Церкви совершалось бюрократическими методами, что впоследствии привело к повторному уклонению в раскол большинства новоиспеченных единоверцев. В числе других причин сокращения численности единоверцев находились активное противодействие со стороны местных руководителей старообрядцев, приверженность семейной традиции и стремление к полной независимости от епархиальной власти. Анализируются виды религиозного отступничества, а также практика «увещаний», которая позволила сохранить в этом регионе главные единоверческие общины.

Ключевые слова: единоверие, история Русской Православной Церкви, иргизские старообрядцы, Самарская губерния, борьба с расколом

Для цитирования: Соловьев П. К. «Раскольники криволицкие больше всех употребляют насилия...»: о становлении единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии (1850–1860-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 234–242. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-234-242>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“The Krivolutchie schismatics use violence the most...”: About the formation of the same faith in the Nikolaevsk district of the Samara province (1850–1860s)

P. K. Solovyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Pavel K. Solovyev, solovjev.pasha2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2258-1331>, Author ID: 1145866

Abstract. On the basis of archival materials, the article examines the initial period of the formation of the “secular” coreligionism in the Nikolaevsk district after its incorporation into the Samara province. The accession of the Old Believers to the ROC was carried out by bureaucratic methods, which subsequently led to the repeated deviation into the split of the majority of newly minted coreligionists. Among other reasons for the reduction in the number of coreligionists were active opposition from the local leaders of the Old Believers, adherence to family tradition and the desire for complete independence from the diocesan authorities. The types of religious apostasy are considered, as well as the implementation of the practice of “exhortations”, which made it possible to preserve the main co-religionist communities in this region.

Keywords: coreligionism, history of the Russian Orthodox Church, Irgiz Old Believers, Samara province, struggle against schism

For citation: Solovyev P. K. “The Krivolutchie schismatics use violence the most...”: About the formation of the same faith in the Nikolaevsk district of the Samara province (1850–1860s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 234–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-234-242>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Региональный аспект истории единоверия как особого внутриконфессионального феномена Русской Православной Церкви в последнее время вызывает большой интерес исследователей старообрядчества [1, 2, 3]. В этом контексте перспективным представляется изучение истории единоверия в Самарской губернии второй половины XIX – начала XX в. и, в частности, на р. Ирғиз – в «гнезде раскола». Если о закрытии иргизских раскольничьих монастырей и обращению их в единоверческие вышел целый ряд научных работ [4, 5, 6], то тема становления «мирского» единоверия в этом регионе требует дальнейшей разработки. Число исследований на эту тему ограничено. Первая работа вышла почти 100 лет назад, и основная часть опубликованного в ней архивного материала раскрывает локальный эпизод становления единоверия в с. Криволучье до включения Николаевского уезда в состав Самарской губернии [7]. Другие работы затрагивают отдельные, узко специальные вопросы истории единоверия на Ирғизе [8, 9]. Поэтому задача исследования начального этапа истории единоверческих общин Самарской губернии в условиях становления епархиальных структур по-прежнему остается актуальной. Необходимо также рассмотреть реакцию старообрядцев Николаевского уезда на распространение единоверия, формы повторного уклонения в раскол так называемых «записных» единоверцев и меры гражданских и церковных властей по сохранению единоверческих приходов на Ирғизе в 1850–1860-е гг.

С середины XIX в. и до революции 1917 г. Николаевский уезд в Самарской губернии был регионом с наибольшей численностью старообрядцев. По данным 1862 г., здесь проживала треть всего старообрядчества губернии: 10541 из 32428 чел. [10, с. 50]. На Ирғизе располагались знаменитые старообрядческие монастыри, здесь раскольники основали множество поселений, среди которых были Мечетное, Березовая Лука, Мосты, Криволучье и др. Со второй половины XVIII в. старообрядцы обустроивали здесь свой религиозный быт и занимались активным прозелитизмом среди местного православного населения, что представляло собой серьезную проблему с точки зрения местной гражданской и церковной властей [11, с. 99–101]. Единоверие, основанное на принятых в 1800 г. правилах московского митрополита Платона (Левшина), рассматривалось в качестве одного из перспективных способов борьбы с расколом. Единоверцам на законных основаниях предоставлялась возможность сохранить дониконовский богослужебный уклад при условии канонического единства с Церковью.

С начала царствования Николая I старообрядческие обители на Ирғизе стали первым объектом государственной политики присоединения местных раскольников на условиях единоверия. В начале 1840-х гг. последние раскольнические

монастыри были закрыты (часть из них преобразована в единоверческие). После их ликвидации наступила очередь обращения в единоверие «мирских» старообрядцев Николаевского уезда.

На первый взгляд, действия гражданских и церковных властей Саратовской губернии были в этом направлении успешными. Активное содействие в этом им оказывала Саратовская удельная контора, в ведомстве которой находились крестьяне многих населенных пунктов Николаевского уезда. Епархиальное начальство в лице саратовского епископа Иакова (Вечеркова) пошла навстречу старообрядцам, пожелавшим оставить раскол, и предложила для них весьма либеральные условия воссоединения с Церковью. На старообрядческом съезде, который состоялся осенью 1842 г. в Криволучье, были сформулированы так называемые «криволучские правила». Согласно этим условиям единоверцы получали полную богослужебную и церковно-административную автономию с правом самим избирать себе приходского священника или утверждать кандидатуру, предложенную епископом. В 1843 г. к Церкви на условиях единоверия были присоединены более 5100 старообрядцев, проживавших в 20 населенных пунктах уезда [7, с. 14]. Возникли «суперприходы» в слободе Криволучье и с. Теликовка, к которым были приписаны единоверцы других общин уезда. В 1844 г. в Криволучье был отстроен единоверческий храм, в следующем году появляется молитвенный дом в Теликовке.

Однако уже на рубеже 1840–1850-х гг. в Николаевском уезде происходит катастрофическое сокращение численности единоверцев и количества общин. В 1843–1846 гг. среди жителей Криволучья, Теликовки и Острой Луки имели место многочисленные отказы новоиспеченных единоверцев крестить детей в единоверческой церкви. Несмотря на то, что епископ Иаков (Вечерков) предписывал духовенству увещевать «заблудших» [12, л. без нумерации], они по-прежнему уклонялись от общения с единоверческим духовенством [13, л. 1–1 об., 9–9 об.].

Обращение в единоверие приобрело черты формального процесса и осуществлялось оно административно-бюрократическими методами. Местные чиновники зачастую ограничивались простой записью раскольников в списки единоверцев целыми селами, не спрашивая согласия самих старообрядцев. Поэтому они и отказывались принимать единоверческое духовенство, обращаясь «для исправления христианских треб» к беглым попам. К моменту вхождения Саратовского Левобережья в состав Самарской губернии эти тенденции приобрели угрожающий для местного единоверия характер. Оказалось, что из 5619 «записных» единоверцев Балаковского, Каменского и Тягло-Озерского приказов Саратовской удельной конторы только 110 чел. остались «верными чадами Церкви» [8, с. 142–144].

Как выяснилось, старообрядцы превратно понимали саму суть единоверия. Для них оно не являлось способом преодоления раскола с Церковью, а напротив, стало возможностью приобретения «легального попа», который бы никак не зависел от епархиальной власти, исполняя христианские требы «по вере предков». Завершающим этапом легализации священника в глазах «записных» единоверцев считалось не назначение его епископом, а признание самой общиной. Формы признания были вполне традиционными для раскольников. Так, над первым священником единоверческой церкви Криволучья Григорием Ильменским старообрядцы совершили так называемую «справу», как это делали на Иргизе над всеми принимаемыми в раскол беглыми попами [7, с. 3, 19].

Архимандрит единоверческого Спасо-Преображенского монастыря благочинный Иоасаф в сентябре 1852 г. сообщал самарскому епископу Евсевию (Орлинскому), что отпавшие от единоверия государственные крестьяне с. Яблонов Гай не желают быть подведомственными единоверческому священнику, «под каким-либо предлогом зависящему от епархиального начальства». На этом основании они предпочли остаться «на старых правах», т. е. в расколе [14, л. без нумерации].

Подобные настроения были широко распространены среди единоверцев Николаевского уезда. В Теликовке с момента открытия молитвенного дома многие «записные» единоверцы по той же причине бойкотировали богослужения. В декабре 1852 г. с ними встретился иеромонах Нижне-Воскресенского единоверческого монастыря Самуил Белопухов и, опираясь на аргументы, взятые из Священного Писания, убедительно показал несостоятельность их позиции. В то же время, признавая «свое заблуждение», старообрядцы выше слов «из Священного Писания Божиего» ставили авторитет семейной традиции, поскольку «завещание родителей и предков своих изменять считают весьма тяжелым преступлением». Примечательно, что «записные» единоверцы соглашались признать свой статус при условии, если над единоверческим священником будет совершена «справа» в г. Вольске у некоего беглого попа Прохора. Поскольку изначально невыполнимое условие теликовских старообрядцев не было удовлетворено, оно использовалось ими как удобное оправдание отступничества. Негативное отношение к единоверческому духовенству активно поддерживали местные старообрядческие «наставники, <...> противящиеся Святой Церкви и священнику, правильно поставленному от епископа» [12, л. без нумерации].

Впоследствии теликовские единоверцы жаловались на своего священника Федора Павловского, что он будто бы ввел «новые обряды» в старообрядческое богослужение, и это стало

для них препятствием к участию в церковной жизни. В итоге Павловский был переведен из Теликовки в другое место. Сменивший его священник Василий Горин, который в течение 1860 г. периодически проводил беседы с теликовскими единоверцами, отмечал, что они продолжали игнорировать богослужение [15, л. 172–173].

В д. Дураковке староста Г. Сафонов от лица всех собравшихся заявил единоверческому священнику Алексею Надеждинскому, чтобы тот «не изволил ни с какими требами более приходить к ним в дома и со Св. Крестом». Некоторые высказались, что скорее согласятся быть вновь формально приписанными к православному приходу с. Березовая Лука. До принятия единоверия дураковские старообрядцы «усердствовали от себя посильными вспомоществованиями» на устройство православной церкви в Березовой Луке, но своей единоверческой церкви помогать отказывались [12, л. без нумерации].

Непростая ситуация сложилась во взаимоотношениях старообрядцев и единоверческого духовенства Криволуцкой слободы. Значимость криволуцкого прихода была обусловлена тем, что в его компетенцию входило большинство единоверческих общин в селах Балаковского, Каменского и Тягло-Озерского приказов. К началу 1850-х гг. духовная жизнь местных единоверцев практически замерла, потому что единоверческого священника в Криволучье не было. Самарский чиновник Компанейщиков, посетивший слободу с инспекцией, обнаружил, что храм пустует. Он закрыл церковь и увез ключи, чтобы передать их архиерею [16, л. 1–1 об.].

Прикомандированный к приходу теликовский священник Алексей Надеждинский констатировал, что во время его визитов никто из криволуцких единоверцев за исполнением треб к нему не обращался, так как все они «уклоняются по беглопоповству». В течение восьми месяцев 1851 г. слобожане «по имеющемуся между ними несогласию» не смогли избрать себе настоятеля «из среды себя и из духовного сословия, благонадежного им и правительству». Поэтому епископ Евсевий (Орлинский) принял решение безотлагательно определить на должность священника в криволуцкий приход без одобрения местных жителей. Назначенный в Криволучье священник Яков Терсинский в сопровождении игумена Нижне-Воскресенского монастыря приехал в слободу весной 1852 г., чтобы принять церковное имущество. Но прихожане, собравшиеся в количестве 24 чел., не пустили священников в храм, ссылаясь на то, что на этот счет не было распоряжения из Саратовской удельной конторы [17, л. без нумерации]. Евсевий (Орлинский) обратился к самарскому губернатору с просьбой, чтобы единоверцы Криволучья допустили Терсинского «до документов и церкви», так как слобожане «с некоторого времени вновь отступили от единоверия» [16, л. 1–1 об., 5–6].

Несмотря на то, что Терсинский перед назначением прошел практический курс изучения «древлего» чина богослужения в Нижне-Воскресенском монастыре, криволучские старообрядцы его не приняли. Впоследствии они отказались принимать и другого назначенного в приход священника – Владимира Покровского. В мае 1857 г. он уведомил епископа, что прихожане «в церковь не ходят уже четыре года, как дали подписку Саратовской удельной конторе, в том, чтобы исполнять обряды по единоверию» [18, л. 1].

В 1858 г. благочинный Иоасаф лично явился на собрание прихожан, чтобы убедить их признать своим священником Покровского: «Но они, как раскольники, – то и ответили на сие так, «что как угодно начальству, как Владимир Покровский, так и прочие, все равно, священник им вовсе не нужен». Тогда Иоасаф под свою ответственность временно причислил слобожан к приходу Нижне-Воскресенского монастыря. Оценив ситуацию, самарский епископ Феофил (Надеждин) одобрил инициативу благочинного. Владимир Покровский был переведен на другой приход, а на его место в сан священника был рукоположен диакон самарской единоверческой церкви Федор Таганцев. Его назначение состоялось вновь без согласия прихожан единоверческой церкви Криволучья. Поступая таким образом, самарские архиереи формально нарушали и правила митрополита Платона (Левшина), и «криволучские условия», согласно которым единоверцы имели право избрать себе священника или одобрить кандидатуру, предложенную епархиальным начальством. Это была вынужденная мера. Епархиальные власти опасались, что единоверцы «от щекотливости зараженных расколом» односельчан не станут избирать себе настоятеля вовсе: «Им даже приятно было бы, если бы не определять к ним никакого священника» [19, л. 1–1 об.].

Как было сказано выше, отпавшие от единоверия старообрядцы традиционно совершали христианские требы «через проезжающих (т. е. беглых. – П. С.) попов» [20, л. 3–4 об.]. При этом нельзя не отметить, что в данный период в среде местных раскольников-беглопоповцев и отпавших единоверцев произошла заметная деградация богослужебной практики. Некоторые богослужения, обряды и Таинства (праздничные службы, похороны, отпевания, Исповедь и Причастие перед смертью) требовали своевременного или оперативного совершения при непосредственном участии священника. В тех случаях, когда присутствие беглого попа было невозможным, «записные» единоверцы предпочитали совершать требы «мирянским чином». Единоверческое духовенство при этом игнорировалось.

В 1852 г. среди единоверцев Острой Луки участились случаи крещений у беглых попов

и захоронений «по старому чину», которые совершали старообрядческие «наставники» из мирян: «При гробе публично пели панихиду и чинили сопровождение до самой могилы». Священник Алексей Надеждинский сообщал по этому поводу: «Прихожане мои <...>, как будучи единоверцы, по религиозной расстроенности и наклонности их к расколу, многие помирают без Исповеди и Св. Причастия, родственники их похороняют без обрядов Св. Церкви и без ведома моего» [15, л. 1–3].

Из Криволучья о подобных случаях докладывал епархиальному начальству Владимир Покровский, указывая, что местных единоверцев хоронят с пением «Святой Боже» и «несением наперед креста с водружением на могилу». В 1862 г. губернские власти предписали Николаевскому уездному суду произвести дознание относительно похорон единоверца Г. Юловского, тело которого криволучские старообрядцы «зарыли в землю по раскольническому обряду» сразу же в день его смерти [21, л. 1–4].

Не только в Криволучье, но и в Теликовке, Острой Луке, Дураковке всенощные бдения, воскресные и господские праздники, часы, скитское покаяние многие единоверцы совершали самостоятельно под руководством «наставников» [22, л. 3]. Часто авторитет беглопоповских «наставников» оказывался для единоверцев самой весомой причиной уклонения в раскол: «Мы люди простые, у нас есть настоятели, без которых мы никак не согласимся ходить в церковь и принять священника...» [23, л. 5–5 об.]. Губернские власти признавали, что привлечение «расколотчиков» к ответственности представляло собой сложную задачу при существовавшей в старообрядческих селах круговой поруке и отсутствии прямых улик [15, л. 46].

Острая нехватка «проезжающих» священников на Иргизе привела к росту популярности «наставничества» и трансформации отдельных беглопоповских общин в беспоповские сообщества. В начале 1850-х гг. крестьянин с. Теликовка бывший беглопоповец Ефим Мягков вместе со своим семейством «совратился» из единоверия в поморское согласие. Он отказался крестить своего ребенка у единоверческого священника, утверждая, что сможет это сделать самостоятельно или у поморского наставника [24, л. 1–4]. Кроме того, среди беглопоповцев широкое распространение получило мнение, «что можно исповедовать и причащать простому мужику» [25, л. 1 об.]. Поэтому неудивительно, что «записные» единоверцы Криволучья совершали крещение младенцев, бракосочетания и погребения «мирянским» чином, обращаясь к «наставникам» из беглопоповцев [18, л. 1].

Так, в Острой Луке обязанности священников взяли на себя местные крестьяне Архип Никифоров и Алексей Антонов. Никифоров совершал Крещение над младенцами, а Антонов –

над тяжелобольными сельчанами – «вычитывает по примеру скитского покаяния исповедь, по умершим поет панихиды, читает сорокоуст и отправляет молебны». По научению «наставников» многие единоверцы отказывались совершать требы у теликовского священника, что вызвало «большой соблазн и разврат всем <...> прихожанам – колеблющимся единоверцам» [26, л. без нумерации]. Закономерно, что упадок беглопоповского богослужебного уклада создавал благоприятные условия для распространения на Иргизе поморского и других беспоповских согласий, отвергавших благодатность любого священства. Так, епископ Евсевий (Орлинский) в письме самарскому губернатору К. К. Гроту от 26 июля 1858 г. отмечал, что в Теликовке «единоверцы проживают в домах, с теми, кто придерживается раскола беспоповщинского толка» [15, л. 53].

Отмечена и обратная тенденция. Часть старообрядцев, опасаясь, что после закрытия иргизских монастырей приток «беглых попов» прекратится вовсе и старообрядчество действительно вырождается в «беспоповщину», наконец, обрела себе епископат и полную трехчинную иерархию. Новое поповское согласие, так называемая «белокриницкая иерархия» или «австрийцы», начиная с середины XIX в., стало активно распространять свое влияние среди старообрядцев в России, в том числе и среди единоверцев на Иргизе. Летом 1863 г. священник Василий Горин сообщал благочинному Иоасафу, что в Теликовке проповедует некий Иван Ксенофонов, выдавая себя за «австрийского лжесвященника», и соблазняет в «австрийскую веру» единоверцев, говоря, что «эта вера спасительнее всех вер» [27, л. без нумерации]. Оживленной полемикой с беглопоповцами и единоверцами отмечено возникновение в середине 1860-х г. общины «австрийцев» в Балаково [28, с. 1189]. Здесь авторитет и поддержка местных старообрядческих купцов позволяли многим раскольникам открыто демонстрировать свою конфессиональную принадлежность, отказываясь от такого прикрытия, как принятие единоверия [29, с. 51–52].

Наряду с этим «вожаки раскола» из беглопоповского согласия не прекращали вести миссионерскую деятельность среди новообращенных единоверцев. Повторные «уклонения» в раскол происходили также вследствие активных действий мирских «наставников» беглопоповских общин в Теликовке – Александра Уразова, Поликарпа Дудочкина, Викула Курянина, в Острой Луке – Ивана Маркова, Ивана Полякова, Сидора Лапшина [15, л. 23], в Криволучье – братьев Погановых и др. [23, л. 5–5 об.]. Все они с середины 1840-х гг. были единоверцами, но, как отмечалось в священнических рапортах, «по грубости своей» снова ушли в раскол, активно занимаясь прозелитизмом среди односельчан [26, л. без нумерации].

Дефицит «истинного» старообрядческого духовенства приводил порой к явным нарушениям церковных канонов даже с точки зрения «древлего благочестия». Так, в феврале 1860 г. в Криволучье был задержан вольский мещанин беглопоповец Михаил Фомин, который «под видом дьякона» исполнял различные требы, в том числе и «повенчания». У Фомина при обыске были обнаружены два холщовых лоскута, которые использовались во время совершения бракосочетания раскольников. Здесь было налицо нарушение сакраментальной и канонической сторон богослужения, так как священнослужитель в сане диакона совершать «повенчания» не имел права [30, л. 1–1 об.].

«Повенчания» у беглых попов стали одной из основных форм уклонения в раскол среди иргизских единоверцев. Они совершались массово: в Криволучье зимой 1851 г. беглым попом было повенчано сразу 20 единоверцев [31, 1–1 об.]. Отдаленность некоторых населенных пунктов от приходской церкви также порой вынуждала единоверцев обращаться к «проезжающим попам». В 1853 г. 10 крестьянских семейств в д. Пузанихе сочли за лучшее совершить венчание «по расколу» у себя дома, чем добираться за десятки верст до единоверческой церкви, расположенной в Криволучье [32, л. 1–10]. Десятки дел о незаконных «повенчаниях» единоверцев сел Каменки, Ивантеевки, Таволожки, Яблонового Гая, Толстовки, Мостов лежали в Николаевском уездном суде без движения годами [20, л. 8–15; 33, л. 5, 9]. Например, дело о 9 удельных крестьянах Яблонового Врага, которые весной 1847 г. обвенчали своих детей у беглого попа, длилось 10 лет. После многолетних «увещаний» только один из них дал согласие на «перевенчание» в единоверческой церкви, другие же остались «в раскольническом заблуждении» [34, л. 1 в – 1 в об., 21–21 об.].

Для единоверцев, совершавших незаконные «повенчания», каноничность и сакраментальное содержание Таинства Брака имели второстепенное значение, и «законность» священнодействия обеспечивало соблюдение обрядовой стороны. Венчание в единоверческой церкви представлялось повторным исполнением обряда, не имевшим никакого смысла [23, л. 4]. Священник Владимир Покровский в течение 1858–1859 гг. многократно призывал венчавшихся «по расколу» единоверцев заключить браки в законном порядке. Но все его уговоры остались безответными: единоверцы были уверены в том, что «уже исполнили по своим обрядам этот христианский долг» [18, л. 1–1 об.]. Несмотря на то, что дела о единоверческих «браках по расколу» возбуждались постоянно, они оставались «без окончания судебными местами <...> долговременно ненаказанными» [20, л. 1–2].

Пастырские «увещания» стали основным видом формальной ответственности старообрядцев

за повторное уклонение в раскол. Чаще всего отступничество не декларировалось публично и обнаруживалось в случае отказа принимать у себя в общине единоверческого священника или зафиксированного участия в обрядах «по расколу». Факт ренегатства, как правило, первым устанавливал местный православный или единоверческий священнослужитель, после чего по данному поводу проводил дознание полицейский чиновник или представитель местной власти. Затем возбуждалось дело и передавалось в Николаевский уездный суд, решением которого для отступников определялось обязательное «увещание» в течение 4–6 мес. Беседы проводились в присутственном месте по поручению самарского епископа единоверческим священником. Иногда «увещания» совершали единоверческие благочинные (архимандрит Иоасаф или настоятель единоверческой Казанской церкви в Самаре Павел Кустов). В некоторых случаях на «увещания» назначался «новообрядный» иерей. Местные власти должны были оказывать содействие в организации «увещаний» и следить за тем, чтобы бывшие единоверцы своевременно посещали эти встречи [23, л. 1–2]. Собеседования часто заканчивались стандартной формулировкой: «Увещаемые <...> в заблуждении раскола пребывают упорны» [35, л. 12].

Благочинный Иоасаф на состоявшейся в октябре 1854 г. встрече с отпавшими единоверцами деревень Дураковки и Острой Луки пытался выяснить причины этого явления. Те заявили ему, что их заставили присоединиться к Церкви насильно, «властью»: «...Били нас и ковали, принуждали подписать, да и того от нас не было, а подписки наши заочно сделали, да и стали считать нас единоверцами, чего мы и не думали <...>. А если угодно будет начальству сковать нас и куда-либо сослать, мы готовы Христа ради». Обескураженный Иоасаф попросил собеседников сообщить конкретные факты подобных действий со стороны властей: «И с каких видов это было?». Раскольники привести доказательства затруднились, но в заключение беседы попросили «оставить» их, «как и прежде были» [15, л. 28].

Вместе с тем на Иргизе все чаще происходили инциденты, связанные с насилием со стороны раскольников над теми единоверцами, которые предпочли остаться «в лоне Церкви». С конца 1850-х гг. случаи нападений, нанесения телесных повреждений, незаконного лишения свободы и похищений происходили особенно интенсивно [36, л. 2]. Такая реакция и ее жесткие формы вполне объяснимы. В 1840–1850-х гг. на фоне массового отступничества старообрядцев отдельные случаи возвращения в единоверие [37, л. без нумерации] показали низкую эффективность «увещаний» в данный период. Однако впоследствии подобная практика стала давать свои результаты, и число отпадений постепенно

сократилось. Несмотря на то, что от теликовского прихода почти в полном составе отпали две общины Острой Луки и Дураковки, в самом селе сложился устойчивый приход. Если в 1861 г. численность единоверцев в Теликовке составляла 308 чел. [38, л. 2 об.], то в 1873-м – 386 [39, л. 4 об.]. В Криволучье стараниями священника Таганцева удалось не только остановить катастрофическое сокращение прихода Ильинской церкви, но и добиться существенного численного прироста: со 109 чел. в 1863 г. [40, л. 3 об.] до 284 в 1871-м [41, л. 7]. Кроме того, практически заново была восстановлена община в Балаково. В 1865 г. в этом торговом селе была построена единоверческая церковь, которая в 1874 г. насчитывала 105 прихожан [42, с. 257].

Успешная деятельность единоверческого духовенства вызвала враждебную реакцию старообрядческих «наставников», которые видели в единоверии опасную альтернативу для старообрядчества и прямую угрозу для их духовного авторитета. Зачастую «расколуучители» ничего не могли противопоставить единоверческому духовенству в миссионерских диспутах, и поэтому они директивно запрещали простым старообрядцам всякое общение с ним [15, л. 28]. В отличие от 1840-х в 1860-е гг. характер обращений в единоверие перестал быть коллективным, к Церкви старообрядцы чаще присоединялись индивидуально. Это был осознанный выбор, который порой приводил к острым конфликтам с родственниками и близким окружением. Переход в единоверие воспринимался раскольниками весьма болезненно и оценивался как безусловное предательство [9, с. 220–221].

Драматичный характер приобретали те случаи обращения, когда в старообрядческой семье в единоверие переходил один из супругов. В 1859 г. криволучская крестьянка Н. Братчикова после перехода в единоверие стала подвергаться регулярным побоям со стороны «купножителя» беглопоповца С. Пантелеева. После того, как бывший сожитель заковал ее «в конские железы», Братчикова сбежала от него в Балаково. Пантелеев похитил ее, избил и отвез в Криволучье, где священник Таганцев, «видя, что она избита к смерти», из опасения летального исхода исповедовал и причастил свою прихожанку [43, л. 1 а; 44, л. 1–1 об.]. Похожая история произошла в 1862 г. с удельной крестьянкой с. Красный Яр Ксенией Сидоровой, которая изъявила желание присоединиться к Церкви на условиях единоверия. Узнав, что для этой цели она приехала в Балаково, «купножитель» Сидоровой Ф. Курнев похитил ее и насильно увез к родственникам в с. Быков Отрог, где, закрывшись в доме, они били «по голому телу кнутом, приговаривая: «Не ходи в церковь к Таганцеву, а живи, как муж живет». Сидорову подвергали истязаниям до тех пор, пока она не дала «клятву при

целовании иконы опять жить по расколу». К. Сидорова все же присоединилась к единоверию в Ильинской церкви Криволучья, и вновь Ф. Куренев попытался похитить и насильно увести домой бывшую «купножительницу» [45, л. 4 об.–13 об.].

Старообрядцы пытались деморализовать единоверцев, оказывая на них коллективное психологическое давление. Поэтому они практиковали вызовы на сельский сход новообращенных, где требовали от них вернуться в «старую веру». Если это не имело действия, раскольники прибегали к угрозам и избиениям. Так, в 1861–1862 гг. на сельских сходах за отказ оставить единоверие были избиты Февронья Петрушкова и ее зять Емельян Никифоров [45, л. 1–4 об.], солдатку Марию Барышникову заковали в «железы», угрожали «слопать келью» и требовали отдать дочь в «купноительство» местному раскольнику [46, л. 1 а–2 об.]. Единоверца Дмитрия Антонова криволуцкие старообрядцы, «собравшись пьяныя», вызвали на сход и обвинили в хищении 10 фунтов пшена с мельницы. После этого его избили со словами: «Не за кражу тебя бьем, а за то, что ты не ходишь к попу и не покидал бы нашу веру». Когда священник Таганцев вместе с причетниками попытался спасти прихожанина от расправы, раскольники в ответ пригрозили заковать Д. Антонова «в железы», псаломщиков – «избить», а священнику – «распороть брюхо» [20, л. 27].

Угроза вырвать священнику бороду [47, л. 2–11 об.] была, видимо, самой безобидной. Осенью 1861 г. один из криволуцких раскольников бросился на Таганцева с ножом. Священнику удалось спастись бегством на колокольне, где, ударив в набат, он созвал на помощь своих прихожан [20, л. 14–15 об.]. В мае 1862 г. был жестоко избит псаломщик С. Ф. Толстов. На него вечером неожиданно напала группа местных старообрядцев, среди которых был местный староста Степан Иванов. Нападавшие били псаломщика «палкой <...>, руками и ногами, говоря: «Всё одно, что поп, что ты, если бы и он попался, то и ему тоже бы было» [48, л. 9–9 об.].

Епископ Феофил (Надеждин) неоднократно обращался к самарскому губернатору с просьбой принять меры для того, чтобы раскольники не могли «самоуправно и так жестоко преследовать принимающих единоверие». Он обращал внимание на то, что подобная ситуация была характерной не только для Николаевского уезда, но для всей губернии в целом: «...Раскольники и другие сектанты в здешней губернии с недавнего времени приняли наступательный образ действия: т. е. бьют и оскорбляют единоверцев при всяком удобном случае, не опасаясь ответственности...» [49, л. 1–3].

Единоверческое духовенство не без оснований полагало, что нападения совершались при полном попустительстве полиции, местных

и удельных властей: «Криволуцкие раскольники <...> начали усиливать свои действия против лиц православного исповедания и поступают чисто разбойнически...» [48, л. 4]. Губернские власти признавали наличие проблемы, но в то же время отмечали, что привлечение «расколотчиков» к ответственности представляло для них сложную задачу при существовавшей в старообрядческих селах круговой поруке и отсутствии прямых улик [15, л. 46].

Сведения о «бесчинствах» криволуцких раскольников доходили и до руководства Саратовской удельной конторы. В 1857 г. управляющий конторой И. В. Свечин уведомил Феофила (Надеждина), что он обязал чиновников Балаковского приказа осуществлять строгий надзор за раскольниками Криволучья и предотвращать действия, направленные против местных единоверцев. Представители сельской администрации обязаны были сообщать руководству Саратовской удельной конторы о малейших нарушениях «существующих по селу правил» [22, л. 9].

Но все же в подавляющем большинстве случаев эксцессы, связанные с насилием в отношении единоверцев, оставались для раскольников без серьезных последствий. Так, сообщая о ходе разбирательства по делу о нападении в Криволучье на священника Таганцева, 30 декабря 1862 г. самарский епископ уведомил губернатора, что судебный следователь первого стана Ковдин дела «о буйственных поступках» криволуцких раскольников не начинал. Само следствие состоялось только в начале 1864 г. и длилось полтора года до тех пор, пока Самарская палата уголовного суда не сделала замечание Ковдину за медленный ход разбирательства [47, л. 24–25 об.]. Медлительность судебного следователя объяснялась тем, что у Ковдина «имелись личности» к Таганцеву, т. е. неприязненное отношение. Например, нападение «с колом» раскольника Ивана Поганова на священника Таганцева в ходе миссионерского диспута чиновник квалифицировал как мелкую бытовую ссору «об обрядах веры» [25, л. 6]. При совершении дознания следователь учитывал показания только одной стороны. Самарский архиерей вновь был вынужден обратиться к губернским властям, чтобы чиновники в ходе расследования «производили спрос» не только раскольников, но и единоверцев. В апреле 1867 г. Николаевский уездный земский суд уведомил губернатора, что «виновные в преступлении этом раскольники не сознались». В итоге действия криволуцких старообрядцев остались безнаказанными [46, л. 5–5 об., 6, 13 об., 26].

Чувство безнаказанности за уклонение в раскол порождала также неповоротливость судебной системы. В Липовской волости еще в 1843 г. было выявлено несколько случаев отпадения в раскол единоверцев Острой Луки, но дело лежало без движения в Николаевском уездном суде до начала 1850-х гг. Самарский губернатор

по этому поводу отправил в суд «отношение», в котором просил поторопиться с решением дела [13, л. 17–18]. Помимо бездействия полиции, в качестве одной из причин, побуждавших криволуцких старообрядцев к «самоуправству», указывалось покровительство чиновников Саратовской удельной конторы. В конфликтных ситуациях удельное начальство предпочитало встать на их сторону. По ходатайству «записных» единоверцев Криволучья перед Саратовской удельной конторой были отстранены и переведены все священники Ильинской единоверческой церкви, служившие в период с 1843 до 1862 г.: Григорий Ильменский, Иоанн Архангельский [50, л. 1], Яков Терсинский Владимир Покровский. Раскольники неоднократно пытались убрать с прихода и Федора Таганцева, требуя перевести его в другое место [25, л. 4–5].

В истории с избиением причетника С. Ф. Толстова руководство Саратовской удельной конторы безоговорочно встало на сторону раскольников. Видимо, осознав, что дело зашло слишком далеко, криволуцкие «наставники» пытались решить проблему примирением сторон. Получив отказ, они подали удельному начальству встречную жалобу на причетника. Из нее следовало, что сам Толстов, «проходя пьяный», якобы оскорбил пожилых сельчан, ударил старосту и «разбил дверь», когда его посадили под замок. Управляющий Саратовской удельной конторой Н. А. Мордвинов не стал входить в обстоятельства дела, сочтя вину причетника несомненной. В письме от 26 июня 1862 г. он «покорнейше просил» самарского архиерея «во устранение соблазна» перевести Толстова из Криволуцкой слободы в другое место [48, л. 7].

В других селах удельного ведомства у священства возникли затруднения с осуществлением практики «увещаний». В 1858 г. священник с. Журавлиха Павел Афонский обвинял местную администрацию в фактическом саботаже «увещаний», поскольку сельское начальство не пожелало «понудить» отпавших единоверцев являться на беседы [35, л. 8–8 об.]. Такой же случай произошел в 1859 г. со священником с. Таволожка Иваном Всеволожским. Ему было предписано в течение 4-х мес. увещивать ушедших в раскол удельных крестьян с. Малая Таволожка. В последний месяц они перестали являться на встречи. Особенно угнетающе на священника действовало отсутствие в «сборной избе» как самих «увещаемых», так и представителей местной администрации, на которых он возложил вину за срыв «увещаний». Обвинив удельного старосту в поддержке раскола, он счел поездки к «врагам православия» опасным делом [51, л. 3–4, 6 об. – 7, 26, 33–34].

Таким образом, становление единоверческих приходов в первые десятилетия с момента образования Самарской губернии происходило

в неблагоприятной обстановке. Массовые отпадения в раскол единоверцев показали несостоятельность административных методов преодоления раскола на Иргизе. Большинство старообрядцев отказывалось признать единоверческое духовенство, понимая единоверие исключительно как форму подчинения «господствующей» Церкви. Многие «записные» единоверцы продолжали прежний образ жизни «по расколу». Кроме того, старообрядцы оказывали пассивное сопротивление единоверию, саботируя богослужения, и активное противодействие, которое проявлялось в агрессии по отношению к единоверческому духовенству и мирянам. Тем не менее единоверие в Николаевском уезде доказало свою жизнеспособность. В сравнении с бюрократическим подходом миссионерская проповедь на местах и пастырские «увещания» продемонстрировали большую эффективность в деле обращения старообрядцев из раскола. После полного отказа гражданских властей от попыток искусственного создания массовых единоверческих общин уездное духовенство и самарские епархиальные власти приложили немало усилий, чтобы сохранить главные единоверческие приходы Николаевского уезда в Криволучье и Теликовке. К началу 1870-х гг. сложный и драматический этап становления единоверческих общин на Иргизе завершился.

Список литературы

1. Ермакова Е. С. Единоверческая церковь в Зауралье : XIX – первая треть XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 22 с.
2. Кауркин Р. В., Павлова О. А. Единоверие в Нижегородской губернии в конце XVIII – начале XXI веков // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7 (60). С. 35–39.
3. Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX вв. : общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. 338 с.
4. Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.) : справочник / сост. : В. С. Блок, К. А. Катренко. Самара : Издательство «Самарский Дом печати», 2002. 213 с.
5. Бовако А. А. Из истории единоверческих монастырей России // Православное единоверие в России / сост. : П. Чубаров, В. Н. Павлов. СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 195 с.
6. Наумлюк А. А. Центр старообрядчества на Иргизе : явление, деятельность, взаимоотношения с властью. Саратов : Научная книга, 2009. 99 с.
7. Архангельский Н. А. К истории становления единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии. Самара : Самарский государственный университет, 1923. 52 с.
8. Соловьев П. К. О «криптораскольничестве» единоверцев Николаевского уезда Самарской губернии в 40–70-х годах XIX столетия // Труды Саратовской православной духовной семинарии. Саратов, 2021. Вып. XV. С. 139–151.

9. Соловьев П. К. Условия формирования конфессиональной идентичности единоверцев Николаевского уезда во второй половине XIX века // Межрегиональные Пименовские чтения. 2021. Т. 18, № 18. С. 218–224.
10. Каткова В. В., Мышенцев Н. П. Старообрядческие общины Самарской губернии : численность, структура, динамика развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 47–54.
11. Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае. Саратов : Тип. Н. П. Штерцер и К°, 1888. 480 с.
12. Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Пугачеве (далее – ФГАСОП). Ф. 21. Оп. 1. Д. 69.
13. Центральный Государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 138. Д. 91.
14. ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 70.
15. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 8.
16. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 139. Д. 67.
17. ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 63.
18. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1122 а.
19. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1405.
20. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 137. Д. 34.
21. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1574.
22. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1123 а.
23. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1032.
24. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 137. Д. 14.
25. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 1531.
26. ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 53.
27. ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 135.
28. Швецов К. Балаковская старообрядческая община // Церковь. 1910. № 48. С. 1189–1191.
29. Соловьев П. К. Балаковские «австрийцы» (к истории возникновения и становления старообрядческой общины белокриницкой иерархии в селе Балаково во второй половине XIX в.) // «Рождественское тож...» : очерки по истории православия, единоверия и старообрядчества на Балаковской земле / ред. М. В. Благушина. Саратов : ГАУ ДПО «СОИРО», 2018. С. 46–56.
30. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 147. Д. 31.
31. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 145. Д. 70.
32. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 140. Д. 142.
33. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 140. Д. 20.
34. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 138. Д. 90.
35. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1378.
36. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 151. Д. 27.
37. ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 56.
38. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 12.
39. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 23. Д. 411.
40. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 33. Д. 399 а.
41. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 134.
42. Соловьев П. К. История православных храмов г. Балаково (1762–1917 гг.). Саратов : ИП Кирсанова М. В., 2020. 330 с.
43. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 147. Д. 6.
44. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1453.
45. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1671.
46. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 148. Д. 30.
47. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 149. Д. 3.
48. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6883.
49. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1419.
50. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 663.
51. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1436.

Поступила в редакцию 26.01.2022; одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 26.01.2022; approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 243–249
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 243–249
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-243-249>

Научная статья
УДК 353.2.072.6(470.44)|19|

Рабкрин Саратовской губернии: социально-политическая практика (1920-е годы)

В. А. Митрохин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, Author ID: 385312

Аннотация. В статье на примере Саратовской губернии исследуется деятельность органов Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ), направленная на поиск оптимальной модели организации контроля в обществе советского типа. На материале архивных источников проанализированы приемы и методы, прямо или косвенно связанные с вовлечением трудящихся в эту работу. Показано, в какой степени подобная практика соответствовала курсу партии и правительства на привлечение граждан к управлению государством. Рассматривается, каким образом органы народного контроля влияли на реализацию планов и заданий, вели борьбу за повышение эффективности общественного производства, экономное расходование трудовых, материальных ресурсов и денежных средств в 20-е годы XX в.

Ключевые слова: советская власть, Саратовская губерния, контроль, рационализация, инспекция

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43027 «Народный контроль в системе советской демократии: институционализация, формы и методы осуществления, проблемы преемственности».

Для цитирования: Митрохин В. А. Рабкрин Саратовской губернии: социально-политическая практика (1920-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 243–249. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-243-249>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Workers' and Peasants' Inspectorate in the Saratov governorate: Social and political practice (1920s)

V. A. Mitrokhin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Mitrokhin, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, Author ID: 385312

Abstract. Using the example of the Saratov governorate, the activity of the Workers' and Peasants' Inspectorate bodies aimed at finding the optimal model of control organization in a Soviet-type society is investigated. Techniques and methods directly or indirectly related to the involvement of workers in this work are analyzed on the material of archival sources. It is shown to what extent this practice corresponded to the course of the party and the government to attract citizens to the governance of the state. The article examines how the people's control bodies influenced the implementation of plans and tasks, fought for increasing the efficiency of public production, economical spending of labor, material resources, and money in the 20s of the twentieth century.

Keywords: Soviet power, Saratov governorate, control, rationalization, inspection

Acknowledgments. The research was funded by RFBR according to the project No. 21-011-43027 "The people's control in the system of a Soviet democracy: Institutionalization, forms and methods of implementation, problems of continuity".

For citation: Mitrokhin V. A. Workers' and Peasants' Inspectorate in the Saratov governorate: Social and political practice (1920s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 243–249 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-243-249>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Октябрь 1917 г. в политической истории России был отмечен неординарным событием – революцией и провозглашением невиданного ранее государства рабочих и крестьян. Новая власть не только заявила о своей готовности нести

ответственность за ситуацию в стране, но и приступила к решительным действиям по преодолению системного кризиса в хозяйственной, культурной, управленческой и иных сферах жизни общества. Важнейшей из них, по мнению

главы правительства В. И. Ленина, должна была стать организация системы контроля за мерой труда и потребления. С этой целью 18 (31) января 1918 г. за подписью главы Совнаркома был издан Декрет об образовании Центральной контрольной коллегии, учетно-контрольных коллегий местных Советов и выборных контрольных комиссий в учреждениях и на предприятиях.

По сути это были первые шаги в направлении создания единых органов контроля Советского государства с непосредственным участием в них трудящихся. На последнем, а именно энергичном привлечении представителей трудовых слоев к управлению государством, энергично настаивал руководитель страны. По его мнению, социалистическая демократия требует «активного участия масс не только в обсуждении общих правил, постановлений и законов, не только в контроле за их выполнением, но и непосредственно в их выполнении» [1, с. 80]. Этот подход нашел свое непосредственное воплощение в создании Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) и преобразовании наркомата государственного контроля. В Декрете ВЦИК от 7 февраля 1920 г. указывалось на необходимость вовлечения в работу рабочих и крестьян, превращения формального государственного контроля в орган действительно «народного социалистического контроля» и тем самым совершенствования и укрепления советской власти. Оптимальным инструментом воплощения этой идеи в жизнь на том историческом этапе как раз и виделась грамотная организация работы РКИ. Однако сама логика эволюции однопартийной политической системы того времени настоятельно требовала привнесения нового качества, а именно – усиления партийного влияния в работу по осуществлению контроля и учета в стране. В начале 20-х гг. В. И. Ленин приходит к выводу о необходимости осуществления этих мер в РКИ.

В своих статьях, написанных в январе – марте 1923 г. («Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше») он обосновывает необходимость создания системы партийно-государственного контроля. Было предложено объединить Наркомат РКИ с высшим органом партийного контроля – Центральной Контрольной Комиссией (ЦКК). Такое объединение, по мысли В. И. Ленина, должно было укрепить связь партии, государственного аппарата и масс, поднять авторитет РКИ и способствовать ее большей эффективности. Состоявшийся в апреле 1923 г. XII съезд РКП (б), несмотря на отсутствие по причине болезни лидера партии, но исходя из его указаний, определил новые задачи и методы в работе РКИ.

Решения руководства страны стали воплощаться в жизнь на местах. В Саратовской губернии «Положение» о слиянии Губернской Контрольной Комиссии (ГубКК) и Отдела РКИ было обнародовано 4 декабря 1923 г. [2, л. 9, 10].

По сути это была обширная программа действий объединения по решению насущных государственных и партийных задач на местном уровне. Наиболее важными тогда представлялись следующие:

обследование государственных, общественных, административных и хозяйственных органов в целях проверки правильного проведения директив партии, умелого хозяйствования, экономии средств, борьба с преступлениями, бесхозяйственностью, бюрократизмом, волокитой и пренебрежительным отношением к нуждам рабочих и крестьян;

привлечение к активному участию в работе по улучшению советского аппарата широких кругов парторганов, профсоюзов, фабзавкомов, местных Советов, студентов вузов, учащихся рабфаков и слушателей совпартшкол;

правильная постановка учета в хозяйственных органах и широкая отчетность перед массами трудящихся;

контроль и отслеживание обстоятельств, в силу которых мог ослабнуть союз между рабочим классом и крестьянством, принятие конкретных мер по обеспечению этого союза.

В «Положении» в полной мере отразилась позиция усиления партийного влияния в работе губернской Рабоче-Крестьянской Инспекции. Отдельный раздел программного документа был посвящен внутрипартийным задачам с акцентом на обеспечение единства партии и соблюдение принципов «рабочей демократии». Вот некоторые из них:

борьба с явлениями, нарушающими единство партии и линию на воплощение в жизнь принципов рабочей демократии;

борьба с уклонами в сторону мелкобуржуазной стихии, обывательщины, изменой классовым принципам, обрастанием собственностью, пьянством, моральной распущенностью, религиозными предрассудками;

борьба с карьеризмом и злоупотреблением служебным положением членами партии.

Таким образом, прежняя «узкая» работа начала 20-х гг., связанная с организацией групп и ячеек РКИ, ревизионными обследованиями деятельности учреждений, организаций и предприятий, разработкой рекомендаций по рационализации работы с соответствующими инструкциями и циркулярами, была дополнена «партийной составляющей». В уже упомянутом «Положении», объединившем две губернские управленческие структуры, в разделе «Общегосударственные задачи» указывалось на необходимость «обеспечения партийной линии» и «систематического осведомления партии о том, что совершается в соваппарате и широких массах» [2, л. 10]. Партийное новшество сказались и на кадрах. К началу 1924 г., помимо специалистов (3 чел.), «инспектуры» (21 чел.) и технических работников (5 чел.), в состав коллегии РКИ были

включены 5 сотрудников ГубКК [2, л. 16]. В последующие годы, как правило, председатель ГубКК совмещал свой пост с руководством РКИ.

Материалы Фонда № 154 государственного архива Саратовской области свидетельствуют о том, что процесс объединения ГубКК и РКИ не был простым и находился под пристальным контролем центральной власти. Так, член ЦКК Каковыкин, проведя анализ саратовской ситуации, высказал критические замечания и констатировал отсутствие связи и совместной работы упомянутых структур на конец 1923 г. Однако, судя по всему, к весне ситуация изменилась.

Сохранившийся в архиве «Доклад о состоянии работ Саратовской РКИ (январь – апрель 1924 г.)» подтверждает это. В одном из разделов документа («Что изменилось за последние месяцы») утверждается: «Положение изменилось в лучшую сторону...хоть с трудом и постепенно, но всё же охватываются проблемы, которые стоят перед РКИ в губернском масштабе», «регулярно проводятся совместные заседания Президиума ГубКК и коллегии РКИ (25 за прошедшие месяцы)» [2, л. 1].

Проводимая реорганизация в соответствии с требованиями центра по сокращению и удешевлению административного аппарата способствовала заметному сокращению работников губернской РКИ – с 92-х чел. на 01.01.1923 г. (из них 20 членов партии) до 40 чел. на начало 1925 г. (из них половина – члены РКП (б) [3, с. 6]. Однако сокращение штатных единиц не было самоцелью проводимой кадровой политики. Цель представлялась в виде пересмотра самого характера работы государственного аппарата, привнесение в него нового качества, большей эффективности на началах научной организации труда и управления. В связи с этим при Наркомате РКИ в 1923 г. был создан Совет по научной организации труда (СовНОТ). Велась работа и на местах. В 1924 г. руководство ГубРКИ организовало совещание работников советских учреждений с разъяснением политики государства в данной сфере. Был заслушан доклад об итогах Всесоюзного совещания по научной организации труда и делопроизводства.

Отдельный раздел доклада с характерным названием – «Перевоспитание сотрудников» – прописывал меры по расширению кругозора и профессиональной компетенции работников РКИ. Среди них: разработка и освоение новых методов работы, внедрение рекомендаций и требований вышестоящих инстанций, анализ проделанной работы (прежде всего обследований организаций) с позиций достижений и ошибок, освоение современной литературы, в том числе по научной организации труда (НОТ) [2, л. 11].

Конкретные шаги в направлении «осовременивания» управленческой и хозяйственной сфер жизни, улучшения работы госаппарата губернии тогда виделись такими: прежде всего, подготовка

специалистов по уровню знаний, соответствующих запросам времени; при непосредственном участии РКИ в 1924–1925 гг. были организованы курсы НОТ. 1-й выпуск составил 28 чел., 2-й – 50. К моменту подготовки отчета обучались еще 104 чел. [4, л. 8].

Хорошо была поставлена работа по внедрению практических новшеств в Губернском земельном управлении, городском отделе народного образования, Губотделе труда, в округе связи, Губернском совете народного хозяйства. По современному был налажен документооборот в Коммунистическом университете, Госуниверситете. Новые ячейки НОТ появились на заводе имени В. И. Ленина, в леспроме, полиграфпроме. Правда, отмечалось, что в этих организациях «имеет место уклон в сторону академическо-исследовательской работы» [4, л. 7].

При профсоюзе советских и торговых служащих была организована научная секция счетных работников, энергично взявшихся внедрять рационализацию на местах. Такого рода работа позволила довольно быстро наладить современное делопроизводство, счетоводство и оптимизировать ряд функций аппарата. К 1926 г. передовой опыт использовался в 88 учреждениях Саратова и губернии, включая 48 из 106 волостных исполнительных комитетов [5, л. 1].

Судя по сохранившимся документам губернского бюро НОТ принимало также участие в организации и постановке «психо-технических работ» в военном ведомстве.

Тем не менее сущность НОТ некоторыми слоями и отдельными работниками по-прежнему недопонималась. Чтобы переломить «нездоровое отношение» к научным, техническим и управленческим новшествам, велась большая разъяснительная работа среди населения. Только за период с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г. работниками ГКК – РКИ было проведено 588 собраний и встреч с общим количеством присутствующих 14 662 чел. Из них в городах – 466, в деревнях – 122 чел. [6, л. 29]. Разумеется, повестка этих встреч была самой разнообразной, но, судя по документальным материалам, не последнее место на них занимали популяризация научного и технического прогресса, поиск путей внедрения экономии. В материалах отчета о годовой деятельности ГКК и РКИ отмечалось, что «удалось установить довольно широкую связь с массами» [6, л. 30].

Значительную роль в пропаганде передовых для советского времени идей играла саратовская печать.

В 1925/26 г. 22 материала о работе РКИ были опубликованы на страницах таких изданий, как «Саратовские известия» (общегубернская газета), «Советская деревня» (общегубернская крестьянская газета), «Большевистский молодец» (молодежная газета), «Коммунистический путь»

(журнал Губкома ВКП(б). Национальные издания губернии – «Ялкын» («Пламя») (татарская газета), «Якстере Сокиця» («Красный пахарь») (мордовское издание) – также затрагивали актуальную проблематику РКИ.

Так, центральными темами на страницах самого массового губернского издания «Саратовские известия» с января по март 1926 г. были следующие: новое делопроизводство (№ 2 от 3 января), обследование РКИ деятельности предприятий и учреждений – соцстрах (№ 8 от 10 января), сельские школы I-й ступени (№ 9 от 12 января), обследование уездной и волостной промышленности (№ 71 от 30 марта), проблемы режима экономии (№ 63 от 18 марта), работа Бюро жалоб Рабоче-Крестьянской Инспекции (№ 62 от 17 марта) [5, л. 2].

Работа Саратовской коллегии РКИ в 1925/26 г. стала предметом повышенного внимания со стороны Народного Комиссариата РКИ РСФСР. В архиве сохранился уникальный документ того времени – «Постановление коллегии НК РКИ о работе Саратовской ГубРКИ», дающий достаточно полное представление об основных направлениях, методах деятельности структуры, а также характере взаимоотношений с центральной властью [5]. Среди положительных сторон было отмечено «усиление контрольно-проверочной работы по выполнению предложений РКИ путём фактической проверки через инспектуру» [5, л. 1].

В рамках осуществления заданий центра расширились и окрепли связи с предприятиями и организациями губернии. Как правило эта связь поддерживалась путем прикрепления сотрудников РКИ к производственным и экономическим комиссиям учреждений. На момент проверки 17 представителей ГубРКИ были включены в работу таких комиссий.

Основным направлением совместного сотрудничества был поиск путей усиления эффективности производства, рационализация его деятельности. Положительным примером такой работы стало участие специалистов РКИ в рационализации литейного цеха на заводе «Сотрудник революции» (п. 4).

Из документа видно, сколь пристальное внимание уделялось провозглашенному партией и правительством курсу на экономию. Так, по заданию Москвы, были осуществлены «массовые проверки адмхозорганов» (23 объекта) на предмет экономии средств и ресурсов, выявлены «узкие места», даны рекомендации и организован контроль за их выполнением.

Разумеется, такой гигантский объем работы был не под силу только сотрудникам РКИ. Это стало возможно за счет привлечения профсоюзов, партячек, производственных, экономических, ревизионных комиссий и т. д.

Судя по всему, работа по вовлечению людей в разнообразную деятельность, связанную

с совершенствованием народного хозяйства (производство, сельское хозяйство, управление, кооперация) губернского отделения РКИ, вызывала интерес и находила отклик у представителей различных общественных групп и сообществ губернии. Например, годом раньше для обследования местного бюджета в Саратове (президиум, секция, комиссии горсовета) были привлечены 50 чел. («178 человекоднев»), в том числе 31 студент вузов [4, л. 3]. Это позволило не только значительно сократить сроки ревизии, но и продемонстрировать народу на деле, как работает социалистическая демократия.

Именно «связь с массами» была отмечена в итоговом документе НК как сильная сторона Губ. РКИ (п. 10). Это проявлялось не только в привлечении людей к сотрудничеству с РКИ, но и в грамотной постановке работы Бюро жалоб (БЖ). Деятельность этой структуры предполагала выявление ошибок и недочетов как государственного аппарата, так и других структур, отслеживание фактов бюрократизма, волокиты, пренебрежения к нуждам трудящихся и, соответственно, принятие оперативных мер по исправлению ситуации.

В итоговом документе НК РКИ представлена статистика (и динамика) поддержания коммуникации с людьми в этой, достаточно конфликтной, сфере социальной жизни. Вот некоторые цифры: в 1924 г. в бюро обратились 581 чел., в 1925 – 1003, в 1926 – 1618 чел. По сравнению с предыдущим периодом, сократилось число «неразобранных дел» – 12% против 16% в 1925 г. [5, л. 2].

К сожалению, по имеющимся документам довольно трудно отследить эффективность ответной реакции этой структуры на жалобы людей, но можно предположить, что рост числа обращений является опосредованным показателем ее признания в обществе. Конечно, нельзя при этом забывать, что речь шла не только о соблюдении формальной советской законности, но и классовом существе обжалуемых действий в условиях классового противостояния. Так или иначе, работа Саратовского БЖ была признана «удовлетворительной» [5, л. 2].

На этом фоне весьма высокой выглядела оценка работы «инспектуры», основного рабочего ядра РКИ. С точки зрения столичных проверяющих «инспекторская группа превратилась в руководящий методический центр по саморационализации учреждений Саратова» [5, л. 2]. Отмечалось, что в течение года состоялось 62 заседания коллегии с рассмотрением более 200 вопросов [5, л. 2].

Важным направлением работы РКИ стала реализация курса советской власти в сельскохозяйственной сфере с учетом того, что Саратовская губерния – это прежде всего аграрный регион.

Во второй половине 20-х гг. повышенное внимание уделялось вопросам аренды земли и применения наемного труда в крестьянском хозяйстве. Судя по архивным источникам, в ходе проводимых обследований особый интерес вызвали условия сдачи земли в аренду и наличие кабальных сделок, положение батрачества, работавшего как в индивидуальных хозяйствах, так и по найму в обществе (пастухи, сторожа), соответствие законодательства о земельной аренде местным условиям и, наконец, эффективность деятельности местной власти в осуществлении политики партии и правительства.

Проведенное в 1926 г. обследование 12 сел Саратовской губернии показало следующие результаты: 18% хозяйств сдают землю, при этом зарегистрировано 140 договоров, что составило лишь 1,5% от общего числа. Таким образом, абсолютное большинство сделок не регистрировалось, что «создавало трудности в наблюдении за правильным проведением закона» [6, л. 9].

Выяснилось, что сдатчиками в аренду являются преимущественно бедняцкие хозяйства (73,3%), меньше середняцкие (26%), в единичных случаях – кулаки (0,85%). Причины аренды различались. У бедняков, как правило, это отсутствие рабочего скота, у середняков – уход на заработки, у кулаков – занятость другими делами.

Арендаторами земли по преимуществу являлись середняки (78%), небольшую долю составляли бедняки (17,5%) и кулаки (4,5%). Размер арендуемой в среднем на хозяйство земли был следующим: кулацкое – 9,2 десятины; середняцкое – 3,9; бедняцкое – 1, 2 десятины [6, л. 9].

В ходе проведенных РКИ обследований выяснилось, что земельная аренда способствует расширению применения наемного труда. Его использовали до 49 % арендующих хозяйств, как правило – поденных рабочих. Это позволило разработать систему мер по приведению ситуации в соответствие с партийно-государственной доктриной. На особый контроль была взята работа в этом направлении местных органов власти – ВИКов и сельсоветов, которые, как позже будет указано в отчете о годовой (октябрь 1925 – октябрь 1926 гг.) деятельности Губернской Контрольной Комиссии ВКП(б) и РКИ, «совершенно не занимались вопросами земельной аренды и регистрации договоров» [6, л. 9].

Следует отметить, что работа саратовского Рабкрин во второй половине десятилетия стала приобретать все более системный характер. Как правило, задача оптимизации деятельности предприятий промышленности, сельского хозяйства, торговли, сферы образования вбирала в себя три взаимосвязанных компонента: постановка конкретной цели, проведение всестороннего обследования состояния дел объекта внимания и, наконец, выработка рекомендаций.

Применительно к сельскому хозяйству это вполне просматривается на примере решения проблемы освоения заволжских земель. Включение РКИ в эту работу предполагало реализацию конкретной цели – «изучение вопросов переселения и колонизации, выяснение современного положения этого дела, организационных форм и техники переселения в связи с дальнейшими перспективами» [6, л. 17]. Следующим шагом в реализации указанной цели стало обследование, охватившее, в частности, Новоузенский уезд Саратовской губернии. Специалисты РКИ выяснили, что площадь «колфонда» будет составлять 17,5% Новоузенского уезда, однако перспективного и даже оперативного плана работы у Поволжской Колонизационной Мелиоративной Экспедиции (ПКМЭ), организации, занимавшейся освоением заволжских земель, не было.

Выяснились еще целый ряд проблем, препятствовавших «сдвигу с мертвой точки»:

разногласия ПКМЭ и земорганов по вопросу выявления территории «колфонда»;

недостаточное материальное и денежное обеспечение переселенцев со стороны государства (НКЗ РСФСР);

обратное движение переселенцев («обратничество»), связанное с тяжелыми санитарно-гигиеническими условиями, плохой постановкой школьного дела, слабым обводнением земли и др.

Проведенное РКИ обследование со всей очевидностью показало, что реализация советских планов на данной территории находится под большим вопросом. Например, крайне сложная ситуация сложилась в области кооперативного строительства. В Новоузенском уезде прекратили свое существование или находились на грани распада до 40% переселенческих колхозов, а из числа так называемых вселенных хозяйств объединены в коллективные хозяйства лишь 11%.

По результатам проделанной работы специалистами Рабкрин были выработаны предложения по улучшению ситуации. Рекомендации касались корректировки норм имущественного минимума для переселенцев, изменения кредитной политики и ссудопомощи, системы организационно-перспективного планирования ПКМЭ, упорядочения снабжения, агрономической, медицинской и ветеринарной помощи. Было указано на необходимость правильной постановки переселенческой статистики.

Пристальное внимание уделялось соблюдению финансовой дисциплины и экономии средств. По настоянию губернской РКИ операционная смета ПКМЭ на 1926–1927 гг. была сокращена на 5 172 108 руб., о чем был поставлен в известность НК РКИ [6, л. 18].

Аналогичная работа была проведена РКИ в губсельтресте и подконтрольных ему совхозах. Предпринятое обследование позволило выявить как положительные, так и отрицательные стороны совхозного строительства, выработать

рекомендации по изменению к лучшему в этой отрасли сельского хозяйства.

Среди положительных сторон были отмечены следующие:

увеличение размеров посевных площадей. В 1926 г. прирост составил 2950 десятин, что на 36% больше в сравнении с 1924 г. Частично улучшились способы обработки земли. Организована селекционная работа;

наметился «сдвиг» в сторону механизации производства. За 2 последних года куплено 30 тракторов в дополнение к восьми, имевшихся в 1924 г.;

осуществлена рационализация аппарата, упразднены ненужные управленческие «настройки» в виде «групп управления» и др. Усовершенствовалась постановка счетоводства как в совхозах, так и в самом тресте;

увеличилась зарплата рабочих и служащих, стала проводиться работа по улучшению их быта.

Вместе с тем специалисты РКИ обнаружили серьезные упущения в совхозном строительстве и выработали рекомендации по исправлению ситуации. Выяснилось, что большинство совхозов малорентабельны, что в значительной степени увязывалось с отсутствием оборотных средств. Было рекомендовано выстроить систему специального кредитования через Сельхозбанк с задачей восстановления животноводства и дальнейшей индустриализации.

В запущенном состоянии находилась система планирования «трестированных» совхозов. Производственные планы составлялись с большим опозданием, плохо увязывались с финансовыми возможностями и, как правило, не выполнялись. Исходя из этого все попытки планирования в головной организации – губсельхозтресте трудно согласовывались с реальным положением вещей на местах.

В совхозах в больших количествах не хватало пользовательского скота: крупного рогатого скота – до 60%, овец – до 80%, свиней – 55%. В сравнении с 1924 г. уменьшение поголовья скота составило соответственно – 47%, 85% и 77% [6, л. 19]. Как правило это увязывалось с недоходом 1924 г., однако сотрудники РКИ, проведя скрупулезное исследование, выявили еще ряд причин сложившейся ситуации, среди них:

нехватка рабочего скота в среднем на 50%, причем до 30% имеющегося также подлежат выбраковке;

сильный износ машин, оборудования, садового инвентаря, транспортных средств. Как минимум половина из перечисленного требовало срочной замены;

слабая организация строительства и ремонта объектов как для рабочих, так и для рационального содержания скота и оборудования;

агронимические ошибки в организации полевых работ (например, неправильный севооборот), приводящие к снижению урожайности

и нерациональному использованию земельных угодий.

Не меньшее внимание со стороны Губернской РКИ уделялось поиску путей совершенствования промышленности. В середине 20-х гг. Рабкрин приступил к обследованию этой важнейшей отрасли народного хозяйства на уровне уездов.

В 1924–1925 гг. в уездной промышленности губернии, находившейся в ведении УИКов (Уездные Исполнительные Комитеты), трудилось 1275 рабочих и 738 служащих. Основную массу предприятий составляли мельницы – 53% от общего числа. Далее шла маслобойная промышленность. В этот период в уездах Саратовской губернии работало 8 маслобойных предприятий с общей мощностью силовых установок 345 л. с. Кроме того, функционировали металлзаводы, лесозаводы, кожевенные и кирпичные предприятия, ремонтные мастерские и т. д. [6, л. 12].

Основанием для обследования ситуации в уездной промышленности со стороны РКИ послужил низкий процент выполнения плановых заданий. Несмотря на то, что в 1924–1925 гг. было произведено продукции на сумму 5 734 331 руб., намеченные программы были недо выполнены. Себестоимость продукции в уездной промышленности была выше губернской, несмотря на более низкую заработную плату.

В ходе проверки РКИ выяснилось, что 52% уездных предприятий бездействуют. Амортизационный фонд слаб и начал накапливаться только с 1923 г. Оборотный капитал уездных промышленных предприятий, подконтрольных УИКа, на 1 октября 1924 г. составлял 17,5% от основного, а в 1925 г. – и того меньше.

Особенно проблемной выглядела ситуация в мукомольной и маслобойной промышленности. Предприятия этих отраслей были загружены в среднем на две трети, при этом на 60% использовали чужую сырьевую базу – производственные ресурсы уездной промышленности значительно превышали сырьевые возможности губернии.

Уездная промышленность с трудом выдерживала конкуренцию с частным и кустарным производством. Например, по приблизительным подсчетам в 1924–1926 гг. частные маслобойки сумели переработать около 2 300 тыс. пудов подсолнуха, в то время как уездные комбинаты лишь 1 550 тыс. пудов [6, л. 13].

Остро стояли вопросы производительности труда, выплаты зарплаты, согласования деятельности с местными и губернскими властями.

В итоговой справке ГубРКИ серьезной критике подверглось руководство ГСНХ. Отмечалось, что управление уездной промышленностью со стороны этой организации носило формаль-

ный характер и не соответствовало нуждам и запросам общества.

Специалистами РКИ были выработаны конкретные предложения и рекомендации по оптимизации ситуации в этой сфере экономической деятельности. В частности, предлагалось изменить систему производственного планирования с учетом сырьевых и финансовых возможностей местных предприятий; пересмотреть сложившийся порядок взаимодействия и координации губернских трестов, местных предприятий и структур власти разного уровня; принять действенные меры в направлении увеличения оборотного капитала за счет отчисления от прибыли и т. д.

Проведенный анализ показывает, что 20-е гг. советской истории стали временем поиска оптимальных форм контроля разных сфер общественной жизни в условиях разворачивавшегося социалистического строительства. Это был период проб, ошибок и, конечно, успехов, что вполне наглядно просматривается на примере работы Саратовской ГубРКИ.

Губернский Рабкрин, выполняя указания Народного Комиссариата РКИ, проделал действительно гигантскую работу по преобразованию практически всех сфер социальной деятельности региона под нужды нового общественного строя. Судя по архивным материалам, в первую очередь это касалось управления и экономики. Именно на рационализацию управления государственных, административных и хозяйственных органов были направлены основные усилия сотрудников и активистов ГубРКИ. Но не только.

Решались и политико-воспитательные задачи. Формирующаяся новая политическая система предполагала массовое задействование людей в государственном строительстве. Как следствие – вовлечение рабочих, крестьян, служащих и даже учащихся в работу ячеек РКИ и тем самым участие в осуществлении государственно-общественного контроля. Следует отметить, что во второй половине 20-х гг. эта работа приобрела по-настоящему масштабный характер, а деятельность самих структур РКИ становилась все более системной и профессиональной.

Без сомнений в процессе работы Рабкрин реализовывал и идеологическую функцию. По сути своей это была наглядная демонстрация преимуществ пролетарского государства, отличительной чертой которого должно было стать становление демократии нового типа.

Список литературы

1. Ленин В. И. Главная задача наших дней // Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1974. Т. 36. 731 с.
2. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-338. Рабоче-Крестьянская инспекция. Оп. 1. Д. 154.
3. Кожухина К. И., Невский А. И., Зеленский Б. А., Праздников А. П. Народный контроль. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1967. 112 с.
4. ГАСО. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 185.
5. ГАСО. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 220.
6. ГАСО. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 219.

Поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 27.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 250–255

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 250–255

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-250-255>

Научная статья

УДК 614.2/4(470.45)|19|

Становление и развитие государственной системы здравоохранения в Царицынской – Сталинградской губернии в 1920-е годы

Т. В. Юдина

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, д. 100

Юдина Таисия Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, taisiyudina@volsuru, <https://orcid.org/0000-0003-0526-6484>, Author ID: 487075

Аннотация. В статье анализируются вопросы организации медицинского обслуживания населения Царицынской – Сталинградской губернии в 1920-е гг. Отмечены трудности органов здравоохранения по снижению инфекционных заболеваний, улучшению качества медицинской помощи, а также предпринятые ими действия и меры по развитию государственной медицины. Использованы архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: здравоохранение, лечебные учреждения, медицинское обслуживание, эпидемическая обстановка

Для цитирования: Юдина Т. В. Становление и развитие государственной системы здравоохранения в Царицынской – Сталинградской губернии в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 250–255. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-250-255>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Formation and development of the state healthcare system in Tsaritsyn – Stalingrad province in the 1920s

T. V. Yudina

Volgograd State University, 100 Universitetsky Ave., Volgograd 400062, Russia

Taisiya V. Yudina, taisya.yudina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0526-6484>, Author ID: 487075

Abstract. The article analyzes the issues of organization of medical care for the population of Tsaritsyn – Stalingrad province in the 1920s. The difficulties of the health authorities in reducing infectious diseases, improving the quality of medical care, as well as the actions and measures taken by them to develop state medicine were noted. The article is based on archival materials introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: healthcare, medical institutions, medical care, epidemic situation

For citation: Yudina T. V. Formation and development of the state healthcare system in Tsaritsyn – Stalingrad province in the 1920s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 250–255 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-250-255>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Экстремальная ситуация пандемии актуализирует обращения к различным аспектам отечественного здравоохранения прошлого, в том числе и на региональном уровне.

Быстрое развитие медицины в нашей стране связано, прежде всего, с появлением государственной системы здравоохранения в 1917–1918 гг. Государственная программа по охране здоровья трудящихся предусматривала проведение широких санитарно-оздоровительных мероприятий и организацию общедоступной бесплатной квалифицированной лечебной и лекар-

ственной помощи населению. Для ее реализации в Царицынской губернии (с 1925 г. – Сталинградской), как и в целом по стране, в 1920 г. при исполнительном комитете был организован губернский отдел здравоохранения (губздрав).

Для оказания медицинской помощи населению на территории губернии с 1922-го по 1930 г. сформировали 4 уездных здравотдела: Ленинский, Николаевский, Царицынский и Камышинский и 3 окружных здравотдела: Хопёрский, 2-й Донской и Усть-Медведицкий.

В связи с территориальной реорганизацией уездные и окружные здравотделы в июле 1930 г. были ликвидированы, а с августа 1930 г. в области начали функционировать городские и районные здравотделы.

В начале 1920-х гг., несмотря на то, что сотрудники Царицынского губздрава приступили к формированию сети лечебных учреждений, которую предполагалось создать из амбулаторий, больниц, «Домов матери и ребёнка», «Домов ребёнка», детских больниц и амбулаторий, аптек, вопрос обеспечения губернии лечебными учреждениями оставался самым сложным в реализации программы медицинского обслуживания населения.

Существовавшие районные амбулатории практически не выполняли свои функции из-за нехватки медицинских кадров и отсутствия медицинского оборудования. В целом все обязанности этих учреждений были сведены лишь к контрольно-распределительной роли.

Единственным в губернии медицинским учреждением, где оказывалась всесторонняя поликлиническая помощь, считалась врачебная амбулатория № 13. Больницей «общегубернского значения» в 1921 г. стала бывшая Городская Александровская, переименованная в 1-ю Советскую, рассчитанная на 300 мест, но она была не благоустроена и располагалась за городом. Из транспортных средств лечебному учреждению принадлежала только лошадь. Это вызывало определенные трудности, связанные с прибытием в больницу медицинского персонала, несвоевременной доставкой перевязочного материала, продуктов и других необходимых средств [1, л. 32 об.].

Кроме больниц общего профиля, губернии необходимы были и лечебные учреждения с узкой специализацией, такие как ЛОР, офтальмологическая, гинекологическая больницы, открытие которых не представлялось возможным.

Особенно остро ощущался дефицит стоматологической помощи.

Тем не менее в г. Царицын, а также Ленинском и Николаевском уездах зубные амбулатории были открыты, однако в Царицынском уезде вместо трех открылась только одна, в Красноармейском – вместо четырех – две [1, л. 33].

Безусловно, заслуживает внимания позиция руководителей губздрава по улучшению качества медицинского обслуживания населения. По их мнению, достичь этого можно было при увеличении количества врачебных участков и разбивке их на более мелкие. На каждом участке должна быть своя больница, рассчитанная на 25–40 коек [2, л. 102]. При этом в Царицынской – Сталинградской губернии увеличение стационарных мест осуществлялось за счет расширения существующих больниц и использования непригодных помещений, строительство новых лечебных учреждений велось медленными темпами.

В существующих больницах проводили ремонты, лечебные учреждения пополняли медикаментами. Например, к марту 1923 г. по Царицынскому уезду имелось: амбулаторий – 61, фельдшерских пунктов – 59, зубных амбулаторий – 11, скорой помощи – 8. В Царицыне был приведен в порядок городской дезинфекционный отряд, закончилось обустройство дополнительных 2-х карет скорой помощи, открыта малярийная станция [3, л. 23]. Однако выделение средств на ремонты, снабжение медикаментами привели к сокращению стационарных мест в Царицынской губернии – одно на 1 445 чел., в отдельных районах, например Хопёрском округе – на 1 койку приходилось 3 000 чел. [4, л. 79 об.].

Несмотря на то, что в 1920-е гг. лечебных учреждений по-прежнему не хватало в губернии, их сеть все же расширялась.

Количество лечебных учреждений, судя по данным табл. 1, в губернии увеличивалось,

Таблица 1

Сеть лечебной базы Царицынской – Сталинградской губернии

Название лечебных учреждений	Количество, шт.	
	1924 год	1925 год
Врачебные пункты	64	71
Фельдшерские пункты	47	52
Больницы	36	55
Врачебные амбулатории	78	88
Станции скорой помощи	4	4
Малярийные станции	1	2
Венерологические диспансеры	1	1
Туберкулезные диспансеры	1	2

Составлено по: [5, л. 36 об. – 37].

но довольно медленными темпами. В связи с их недостаточностью сложно было в полной мере оказывать необходимую медицинскую помощь, особенно в вопросах снижения инфекционных заболеваний.

Огромный рост числа инфекционных заболеваний в Царицыне – Сталинграде и губернии был связан, прежде всего, с Первой мировой и Гражданской войнами и их последствиями: голодом, отсутствием элементарных навыков гигиены населения, неудовлетворительным санитарным состоянием. В городе и губернии свирепствовали брюшная, сыпная и возвратная тифы, холера, малярия, сифилис, дизентерия, туберкулез, скарлатина и другие, опасные для жизни болезни.

За 1920–1923 гг. в Царицынской губернии зафиксировано 375 982 случая инфекционных заболеваний, из них 91 332 – заболевания тифом, что составляло 24,29% от всех инфекций. Медицинские работники констатировали: «Тифы занимали одно из первых мест в общем ряду заразных заболеваний» [6, с. 79].

Учитывая катастрофическую эпидемическую ситуацию, местные власти пытались ее ослабить путем выделения средств на открытие инфекционных больниц в уездах. Но их было недостаточно, поэтому руководство губздрава потребовало от уездных отделов здравоохранения срочно открыть избы-изоляторы и временные бараки для приютов бездомным больным, а также красноармейцам, заболевшим разными видами тифа [7, л. 1].

Кроме открытия изоляторов, была предпринята еще одна мера предупреждения распространения инфекционных заболеваний, носящая больше профилактический характер. Поскольку государственные организации не в состоянии были выделить достаточное количество средств для борьбы с эпидемиями, они учредили дополнительный орган для контроля за соблюдением санитарно-гигиенических норм – окружные санитарные комиссии, контролировавшие эпидемическую обстановку региона и по необходимости принимавшие меры для предотвращения возникновения и развития инфекционных болезней. Так, 30 июля 1920 г. Хопёрская окружная санитарная комиссия приняла постановление об улучшении санитарного состояния округа. Для предупреждения развития заболеваний желудочно-кишечного тракта и холеры всем организациям необходимо было установить емкости с кипяченой водой, которые должны быть плотно закрытыми, оснащены кранами и надписью «кипячёная вода». Запрещалась торговля семечками, которые могли стать причиной желудочно-кишечных заболеваний. С этой же целью нельзя было покупать и продавать незрелые фрукты. Всем учреждениям приказывали срочно очистить занимаемые ими дворы от мусора и навоза. Запрещалось купание лошадей и водопой

скота в р. Хопёр в районе станицы Урюпинской. За нарушения виновники привлекались к крупному денежному штрафу [8, л. 66].

Проведенные меры, безусловно, дали положительный результат. В губернии все еще сохранялась тяжелая эпидемическая обстановка, но многие опасные для жизни инфекционные болезни стали постепенно исчезать. С начала весны 1922 г. волна эпидемии холеры начала падать, и к началу 1923 г. болезнь была практически ликвидирована. Так, в 1921 г. было зарегистрировано 520 случаев холеры, к февралю 1923 г. – ни одного случая заболевания этой болезнью в Хопёрском округе [3, л. 25].

К 1924 г. снизилась заболеваемость тифами. За 1924 г. в Царицынской губернии было зарегистрировано: сыпного тифа – 117 случаев, брюшного тифа – 144, возвратного тифа – 189, скарлатины – 181, дизентерии – 1143, легочного туберкулеза – 1052, сифилиса – 1044 случаев [9, л. 23].

Несмотря на улучшение эпидемической обстановки, к середине 1920-х гг. продолжали болеть многие дети, преимущественно в Урюпинском, Ново-Аннинском, Ново-Николаевском районах. Увеличилось количество людей, больных малярией. До 1924 г. больных малярией особенно много было зарегистрировано в Урюпинском, Михайловском и Ново-Аннинском районах Хопёрского округа. Это объяснялось не только специфическими природными условиями: болотистой и низкой местностью данных участков, но и практически полным отсутствием медикаментов, в частности хинина [10, л. 2].

В целом, несмотря на некоторый рост численности отдельных инфекционных заболеваний, в результате проводимых мероприятий органами здравоохранения в Царицынской – Сталинградской губернии во второй половине 1920-х гг. стало наблюдаться снижение эпидемий.

Эпидемическая обстановка в данный период улучшилась не только в Сталинградской губернии, но и в целом в РСФСР (табл. 2).

Снижение эпидемий инфекционных заболеваний на протяжении 1920-х гг. в РСФСР не повлияло на уменьшение роста венерических болезней. Низкий культурный уровень населения, отсутствие необходимых методов гигиены и профилактики социально-опасных болезней привели к росту заболеваний сифилиса, борьба с которым осуществлялась в 1926–1927 гг. 159 венерологическими диспансерами РСФСР: 82 губернскими и 77 уездными, в сельских местностях – 144 отрядами и пунктами [11, с. 163] и участковой врачебной сетью.

В Царицыне, как и в РСФСР, наблюдался рост заболеваемости этой болезнью, который с 1920 г. по 1923 г. составил 318,1 случай

Таблица 2

Заболееваемость инфекционными болезнями по РСФСР

Заболевания	Количество зарегистрированных больных, тыс. чел.	
	1925 г.	1926 г.
Сыпной тиф	5,9	4,2
Возвратный тиф	1,7	1,2
Оспа	1,7	1,4
Брюшной тиф	12,2	8,7
Дизентерия	24,8	17,7
Корь	44,2	29,7
Скарлатина	19,4	20,8
Малярия	407,3	322,1

Рассчитано по: [11, с. 162].

на 10 000 населения (за 1907–1914 гг. – 154,3 случая на 10 000 населения) [6, с. 85]. Учитывая катастрофическую эпидемическую ситуацию, местные власти пытались ее ослабить. Сотрудниками венерологического диспансера началось обследование очагов венерических болезней. Они начали применять новые методы диагностики и лечения, которые до этого не использовали. В 1922 г. впервые в губернской санитарно-бактериологической лаборатории была поставлена реакция Вассермана, что позволило проводить диагностику сифилиса на уровне достижений науки того времени.

Однако в губернии почти отсутствовали специальные здания под диспансеры, если имелись, то не были снабжены медикаментами, соответствующими специалистами. Поэтому говорить об эффективном лечении больных не приходится. И невольно встает вопрос: так что же делали, как выходили из создавшегося положения? В данном случае оставался лишь один выход – это надежда на сотрудников отрасли здравоохранения – санитарного просвещения, занимавшихся распространением медицинских знаний в области личной и общественной гигиены.

Первое упоминание о санитарном просвещении царицынского населения относится к апрелю 1921 г. В газете «Борьба» указывалось, что были открыты 2-годовалые курсы сестер-милосердия, 3-месячные курсы санитарных сиделок. В уезды отправлена санитарная литература. В 1922 г. в Царицыне было прочитано 5 лекций, которые прослушали 580 чел. [12, с. 242]. Были созданы венерологические отряды, одна из задач которых состояла в просветительной работе среди населения в вопросах личной и общественной гигиены. Санитарное просвещение пользовалось популярностью среди сельских жителей. Вот как об этом упоминал заведующий губздравом Н. П. Кривошеев: «Эти

беседы были каким-то откровением для крестьянского населения с его знахарством, верой в чудеса и надеждой на свои примитивные и подчас очень вредные лекарственные средства» [13, л. 50].

Несмотря на отсутствие специальных зданий, больничного оборудования, постельных принадлежностей, медикаментов, осложнявших работу с инфекционными и венерическими болезнями, усилия местных органов здравоохранения способствовали снижению числа инфекционных заболеваний, распространению медицинских знаний, укреплению материально-технической базы здравоохранения губернии.

Появление новых лечебных учреждений, увеличение штата медицинского персонала в условиях недостаточных материальных ресурсов происходили в основном за счет выделения из бюджета государства средств на медицинское обслуживание населения. Однако и такие предпринятые меры не могли удовлетворить потребности населения в медицинской помощи. Более того, в дальнейшем диспропорции между потребностями и возможностями оказания медицинской помощи возрастали. Если в 1926/27 г. на 10 000 жителей Сталинграда приходилось 5,3 коек, то через год – 5,1, по Саратову соответственно – 7,6 и 7,5 [14, с. 269]. Нетрудно представить огромные очереди на стационарное лечение и скученность больных, переживших годы Гражданской войны, голода и его последствий и их состояние здоровья.

Незначительное число амбулаторий в Сталинграде, как и нехватка врачей, вызывали большую нагрузку медицинского персонала, сказывались на качестве обслуживания. Больным нередко приходилось ждать в очереди целый день, они не всегда могли попасть на прием.

Отсутствие достаточного числа квалифицированных кадров, малое количество больниц, амбулаторий и фельдшерских пунктов, нехватка медикаментов, необходимых средств – наиболее

точно характеризуют состояние медицинской помощи населению Сталинграда в первой половине 1920-х гг., при том, что в этой сфере были достигнуты наиболее ощутимые успехи.

Со второй половины 1920-х гг. состояние медицинской помощи сталинградскому населению постепенно стало улучшаться. В 1927 г. на одну стационарную койку претендовали 1 329 чел. (в 1923 г. – 1 445 жителей губернии, как было упомянуто выше) [15, л. 129]. В 1927–1928 гг. количество стационарных мест возросло и в РСФСР на 5%, по сравнению с 1926–1927 гг., на одну стационарную койку приходилось 1 598 чел. [11, с. 54].

Таким образом, по количеству стационарных мест Сталинградская губерния не отставала от средних показателей по республике. Лечебная сеть развивалась, улучшалась материальная база отдельных медицинских учреждений, в том числе и по уездам. Например, в Сталинградском уезде одноименной губернии во второй половине 1920-х гг. был произведен ремонт в амбулатории Липовского фельдшерского пункта и больницах населенных пунктов: Малой Ивановки, Александровки, Ольховки, Балыклеи и Цацы. Особенно выделялась Цацынская больница, где был сделан капитальный ремонт с пристройкой нового помещения [16, л. 127].

В других уездах, в отличие от Сталинградского, большинство лечебных учреждений располагалось не в специально выстроенных, а в частных зданиях.

Вопрос расширения лечебных учреждений как в уездах, так и в самом губернском центре, продолжал оставаться актуальным. Большое внимание губернские органы власти уделяли проблеме строительства больниц.

1925–1928 гг. – это яркие страницы в истории развития сталинградского здравоохранения. Именно в этот период шло активное строительство больниц как в городе, так и в уездах губернии, особенно в промышленных районах

Сталинграда. В 1926 г. была открыта новая больница при заводе «Баррикады», в 1927–1929 гг. – в поселке им. Минина района Ельшанки, южной части города. Строительство каждой больницы превращалось в целое событие.

Вопросами обеспечения медицинской помощи населения занимались не только сотрудники Сталинградского губернского отдела здравоохранения, губернского исполнительного комитета, но и заводоуправлений. Постоянные просьбы Сталинградского губисполкома в Народный комиссариат здравоохранения, губздравотдела к хозяйственным организациям города с целью выделения средств на строительство больниц в Сталинграде не оставались без внимания.

В развитии медицины были заинтересованы не только руководящие органы и отделы здравоохранения, но и население губернии. Жители составляли наказа Сталинградскому окрздравотделу, где выражали свои пожелания в вопросах развития здравоохранения. Так, по подсчетам, в 1929 г. избиратели составили 73 наказа окрздравотделу. В 35 наказах содержались предложения по расширению сети лечебных учреждений, при этом 8 наказов были выполнены, намечалось исполнить еще 9. 18 наказов «ввиду отсутствия средств» разрешить не представлялось возможным. Отдельные неразрешенные наказа представлены в табл. 3.

Таким образом, развитие медицины было связано со становлением государственной системы здравоохранения, признанием того, что охрана здоровья является одним из основных прав человека. В Царицынской – Сталинградской губернии проводимые санитарно-медицинские мероприятия профилактического характера, расширение сети лечебных учреждений (больниц общего профиля и узкой специализации, амбулаторий, аптек) в 1920-е гг. являлись необходимыми мерами для предотвращения распространения инфекционных заболеваний и снижения

Таблица 3

Наказы избирателей Сталинградскому окрздравотделу

Номер пункта	Содержание наказа	Выполнение наказа
П. 4	Открыть детскую консультацию на Дар – Горе	Открытие детской консультации не произведено за отсутствием средств
П. 10	Расширить тубдиспансер и увеличить ассигнования на его оборудование и содержание	Расширение сети туберкулезных учреждений за отсутствием средств произвести не представилось возможным
П. 13	Открыть Дом для беспризорных женщин	Дом для беспризорных женщин открыть не удалось за отсутствием на это средств по бюджету
П. 69	В целях борьбы с венерическими заболеваниями создать два профилактических кабинета	Профилактический кабинет за отсутствием средств организовать не представилось возможным

Составлено по: [17, л. 249].

их числа, предоставления бесплатной квалифицированной лечебной и лекарственной помощи населению.

Список литературы

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-122 (Отдел управления Царицынского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов). Оп. 1. Д. 272.
2. ГАВО. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 122.
3. ГАВО. Ф. Р-71 (Царицынский (Сталинградский) городской совет рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 237.
4. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 1 (Царицынский (Сталинградский) губернский комитет РКП (б)). Оп. 1. Д. 42.
5. ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64.
6. Литвинов. Заразные заболевания Царицынской губернии 1920-23 гг. / санитарный врач Литвинов // Хозяйство на новых путях. 1925. № 3. С. 79-88.
7. ГАВО. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 174.
8. ГАВО. Ф. Р-1653 (Хопёрский окружной отдел здравоохранения). Оп. 1. Д. 2.
9. ГАВО. Ф. Р-180 (Царицынский (Сталинградский) уездный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 74.
10. ГАВО. Ф. Р-1653. Оп. 1. Д. 103.
11. Год работы правительства РСФСР. Материалы к отчёту правительства за 1926–1927 гг. / под ред. В. А. Смольянинова и А. В. Стоклицкого. М. : Издательство ВЦИК и СНК РСФСР, 1928. 208 с.
12. Воробьев А. Ф., Ежов Н. И. Развитие служб здравоохранения Царицына – Сталинграда – Волгограда и области. Волгоград : Упринформпечать, 1994. 384 с.
13. ГАВО. Ф. Р-95 (Царицынское (Сталинградское) губернское отделение Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ)). Оп. 1. Д. 396.
14. Нижне-Волжский край. Материалы к 1-му краевому съезду советов. Саратов : Нижне-Волжский краев. орг. ком-т, 1928. 309 с.
15. ГАВО. Ф. Р-1706 (Общий отдел Усть-Медведицкого окружного исполнительного комитета). Оп. 1. Д. 44.
16. ГАВО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 235.
17. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 470.

Поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 25.01.2022; approved after reviewing 28.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 256–268

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 256–268

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-256-268>

Научная статья

УДК 94(470.44–222)|1941/1945|

Саратовская деревня в годы Великой Отечественной войны: мобилизационная политика государства и практика выживания

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, daniilovwik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, Author ID: 308190

Аннотация. В статье состояние сельского хозяйства и материального положения сельских жителей Саратовской области в годы Великой Отечественной войны рассматривается с точки зрения мобилизационной модели советской экономики. Анализируются конкретные показатели и способы реализации политики государства в регионе по максимальной мобилизации в интересах армии людских, материально-технических, продовольственных и финансовых ресурсов деревни, влияние этого фактора на жизнедеятельность населения. Формулируется вывод о том, что мобилизационная политика при отсутствии компенсационных мер и депортации немцев-колхозников привела к крайнему ослаблению производительных сил колхозной деревни области. В условиях войны личное подсобное хозяйство стало не только основным резервом выживания сельского населения, но и оказалось важным мобилизационным ресурсом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратовская область, село, мобилизационная политика, ресурсы, колхозное крестьянство

Для цитирования: Данилов В. Н. Саратовская деревня в годы Великой Отечественной войны: мобилизационная политика государства и практика выживания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 256–268. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-256-268>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Saratov village during the Great Patriotic War: The mobilization policy of the state and the practice of survival

V. N. Danilov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Victor N. Danilov, daniilovwik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, Author ID: 308190

Abstract. The article examines the state of agriculture and the financial situation of rural residents of the Saratov region during the Great Patriotic War from the point of view of the mobilization model of the Soviet economy. The specific indicators and ways of implementing the state policy in the region to maximize the mobilization of human, logistical, food and financial resources of the village in the interests of the army, the impact of this factor on the livelihoods of the population are analyzed. It is concluded that the mobilization policy in the absence of compensatory measures and the deportation of German collective farmers led to an extreme weakening of the productive forces of the collective farm village of the region. In the conditions of war, personal subsidiary farming became not only the main reserve for the survival of the rural population, but also turned out to be an important mobilization resource.

Keywords: The Great Patriotic War, Saratov region, village, mobilization policy, resources, collective farm peasantry

For citation: Danilov V. N. Saratov village during the Great Patriotic War: The mobilization policy of the state and the practice of survival. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 256–268 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-256-268>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сформированный в предшествующие полтора десятилетия и продолжавший действовать в последующем мобилизационный тип функционирования экономики, да и в це-

лом советского общества, приобрел максимально выраженный характер. Это проявилось в предельной концентрации на решающих участках обеспечения вооруженной борьбы с агрессором людских, материальных и финансовых ресурсов,

в жестко централизованной структуре государственного управления и категоричных политико-моральных установках. Данная общая схема мобилизационной модели советской экономики, получившей распространение в современной историографии, при всей ее логичности и обоснованности, безусловно, требует исторической конкретики, в первую очередь относительно проявления в мобилизационных процессах секторальных и региональных особенностей, а также их влияния на жизнь тех людей, кто в них непосредственно был задействован. Именно в таком ракурсе предполагается посмотреть на историю саратовской деревни военного времени.

Впервые объективная картина колхозной действительности 1941–1945 гг. была представлена в монографии Ю. В. Арутюняна, вышедшей в 1963 г., что позволило преодолеть имевшуюся до этого в литературе ошибочную концепцию развития сельского хозяйства СССР в военное время по законам расширенного воспроизводства [1]. Эта линия, с одной стороны, на подчеркивание преимуществ колхозного строя, а с другой стороны, на показ огромных трудностей в сельском хозяйстве была продолжена в работах В. Т. Анискова [2], Н. Н. Шушкина [3], А. Ф. Каревского [4] и др. Основательный анализ состояния производительных сил саратовской деревни и труда сельских тружеников, не потерявший своего научного значения и в настоящее время, был предпринят Д. П. Ванчиновым [5]. Современная региональная историография аграрной проблематики по периоду Великой Отечественной войны отмечена исследованиями Г. Е. Корнилова [6], Р. Р. Хисамутдиновой [7], В. А. Бондарева [8] и др.

К настоящему времени относительно мотивации труда колхозного крестьянства в годы войны выявились две крайние позиции: М. А. Вылцана [9], который считает, что он обуславливался исключительно государственным принуждением, и В. Н. Земскова, продолжающего настаивать на доминировании патриотических устремлений крестьянства [10]. Взвешенная и более аргументированная позиция, на наш взгляд, была продемонстрирована на этот счет в многотомном издании «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» [11], основой которого послужил подход к рассматриваемой проблеме В. Т. Анискова в его последних работах, где труд советского крестьянства охарактеризован как социальная жертва во имя победы [12].

В последние годы в отечественной историографии стала разрабатываться проблема моделей догоняющей модернизации России и СССР, одна из которых была мобилизационной. А. Г. Фонов, рассматривая экономику в условиях мобилизационного типа развития, доказывает, что она ориентирована в первую очередь на реализацию чрезвычайных целей, функционирует,

независимо от критерии экономической целесообразности и эффективности, и подобная экономика не является таковой, поскольку формируется под влиянием внеэкономических факторов [13]. В. В. Седов дал развернутую характеристику мобилизационной модели и выделил ее признаки [14]. На прошедших в 2009 и 2012 гг. в Челябинске всероссийских научных конференциях под общим названием «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в.» не удалось достичь научного консенсуса, что позволяет говорить о незавершенности дискуссии по проблеме мобилизационной модели развития России и свидетельствует о необходимости ее дальнейшего изучения.

Создание в 1930-е гг. колхозно-совхозного строя позволило сформировать в СССР надежный механизм мобилизации продовольственных ресурсов, поскольку в руках государства теперь была сосредоточена основная часть производства и поставок важнейшей сельскохозяйственной продукции. Накануне Великой Отечественной войны на территории Саратовского Поволжья (Саратовская область и АССР Немцев Поволжья) насчитывалось 1926 колхозов, которые обслуживали 190 МТС, и 110 совхозов. Численность же единоличников составляла всего 1269 хозяйств (из более чем 300 тыс.), и они практически уже не играли никакой роли [5, с. 30].

Принятые в течение двух последних предвоенных лет партийно-правительственные постановления по введению обязательного минимума выработки трудодней колхозниками, изъятию «излишков» земель, находящихся в личном пользовании, и изменение системы заготовок сельскохозяйственной продукции усиливали административные рычаги воздействия на выполнение обязательств колхозов перед государством. Показательно в этом отношении выступление на пленуме Саратовского обкома ВКП (б) в декабре 1940 г. прокурора области Князева, который заявил, что «когда речь идет относительно невыполнения плана хлебопоставок, люди думают, что в первую очередь в этом повинны райЗО, во-вторых, прокурор, а в-третьих, судья. РайЗО за то, что не обеспечил как следует организацию уборки, а прокурор и судья – за то, что не привлекает людей к уголовной ответственности» [15, л. 202.]. Сами же объемы требуемых поставок с каждым годом увеличивались. В 1940 г., например, по Саратовской области было сдано хлеба государству на 1,6 млн пудов больше, чем в более урожайном 1937 г., хотя и этого не хватило до выполнения плана (67,8 млн пудов вместо 70,8 млн) [15, л. 79].

Вместе с тем получение дешевого продовольствия из деревни государство стремилось компенсировать оснащением сельского хозяйства новой техникой, выдачей кредитов и ссуд, развитием системы здравоохранения и всеобщего обязательного образования. Крестьяне имели

возможность реализовывать на рынках имевшиеся у них продукты и свободно пользоваться розничной сетью кооперативной и государственной торговли. Несмотря на рост военных расходов в 1938–1940 гг., только Саратовская область получила более 3 тыс. тракторов и 500 комбайнов [16, л. 66]. Не наблюдалось здесь и нехватки механизаторских кадров, как и в целом рабочих рук в сельскохозяйственном производстве. Подготовку за последние четыре предвоенных года в области более 5 тыс. женщин-трактористок можно считать мерой превентивной на случай войны, поскольку в 1940 г. из них стали работать по специальности только 905 чел. [17, л. 106].

С началом Великой Отечественной войны мобилизационные требования по отношению к деревне значительно расширились, теперь это касалось не только изъятия производимого продовольствия, но и имевшихся людских и материальных ресурсов. Сельская местность становится основным источником комплектования Красной Армии, что объясняется как отсутствием здесь сколько-либо заметной системы бронирования от призыва, так и значительным превалированием сельского населения над городским. По переписи 1939 г. в Саратовской области с учетом отошедших к ней районов бывшей АССР Немцев Поволжья проживало всего 2273 тыс. чел., из них городское население составляло 778 тыс., а сельское – 1485 тыс. человек [5, с. 148]. Объявленная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. массовая мобилизация резервистов в армию была проведена организованно и в сжатые сроки. Подсчеты по учетным данным райвоенкоматов Саратовской области свидетельствуют о том, что число мобилизованных в июне – июле 1941 г. из сельской местности Саратовской области составляло более 50 тыс. чел. Не менее масштабной была осенняя призывная кампания. Уже тогда деревня лишилась наиболее трудоспособной и квалифицированной рабочей силы, в том числе до 60% механизаторских кадров. В 1941 г. из Духовницкого района было мобилизовано и призвано 21% довоенного населения, Базарно-Карабулакского района – 18%, Романовского – 16%, Турковского – 15%, Ивантеевского – 14%, Аркадакского – 13%, в то время как аналогичный показатель в самом населенном, но не самом промышленном Кировском районе Саратова составил 11% (11687 чел. от более чем 98 тыс.). В последующем цифры призванных по городу и селу стали выравниваться, поскольку мобилизационный потенциал деревни уже в 1942 г. был сведен к самому минимуму, а в городе он еще оставался. Это можно проследить на примере Духовницкого района, отдавшего в 1941 г. в армию самую большую часть своего населения – 5665 человек, в 1942 г. – 1885, в 1943 г. – 943, в 1944 г. – 535, в 1945 г. – 78 чел. Всего же в годы войны, как показывают подсчеты

по указанным данным, мобилизовано и призвано в армию из Саратовской области более 530 тыс. чел., что составляло около 20% от всего проживавшего здесь не немецкого населения (1925 тыс. чел. по переписи 1939 г., 2/3 из них составляло сельское население).

Особо ощутимым для сельскохозяйственного производства был уход в армию значительной части механизаторов-мужчин. Восполнение этой категории квалифицированных работников МТС и совхозов также решалось в мобилизационном режиме. По соответствующим разнарядкам райисполкомов уже с июля 1941 г. МТС стали готовить на ускоренных курсах трактористов и комбайнеров из числа женщин и подростков. К весне 1942 г. в Саратовской области насчитывалось около 9 тыс. женщин-механизаторов (почти половина всего состава), часть из которых объединилась в 93 женские тракторные бригады [5, с. 63]. Всего же за период войны по области было подготовлено более 65 тыс. новых механизаторских кадров [18, л. 182–261]. Понятно, что далеко не все они вошли в штаты МТС (среднесписочная численность работников МТС составляла от 37,5 тыс. чел. в 1942 г. до 32,2 тыс. в 1944 г.), а их квалификация значительно уступала профессионализму довоенных кадров трактористов и комбайнеров.

В течении всего военного периода продолжался так называемый оргнабор сельской молодежи в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища для последующей работы на городских предприятиях. Хотя и в меньших масштабах, но существовала также практика прямого привлечения кадров из деревни на промышленные предприятия, в первую очередь эвакуированные, которые в наибольшей степени испытывали недостаток в рабочей силе. Так, например, в 1942 г. почти треть работников размещенного в Базарном Карабулаке ленинградского завода «Электровыпрямитель» составляли набранные в окрестных селах девушки и юноши [19, с. 22].

Большое распространение, особенно в первый период войны, получила практика временных мобилизаций колхозников на различные оборонные работы: строительство оборонительных рубежей, полевых аэродромов и железнодорожных веток, расчистку от снега дорог, подвоз боеприпасов и горючего к фронту и т. д. Наиболее масштабным была мобилизация местного населения на сооружение оборонительных укреплений осенью и зимой 1941–1942 гг., которая повлияла на завершение в полном объеме в колхозах уборки урожая. Из 92 тыс. чел., привлеченных в Саратовской области к оборонительным работам, более половины составляли колхозники [20, л. 100]. Причем мобилизовали не только из близлежащих к трассам правобережных сел, но и отдаленных заволжских районов.

Как вспоминал председатель колхоза им. Ворошилова Новоузенского района М. И. Китаев, «уехали почти все женщины старше 18 лет. В селе остались лишь те, у кого были малые дети» [21, с. 120].

Изъятие рабочей силы из сельского хозяйства для нужд фронта и военной экономики было типичным для всех российских регионов, находившихся в европейской части страны. Убыль трудоспособного сельского населения в Саратовской области носила специфический характер в связи с депортацией в сентябре 1941 г. немцев Поволжья. Из всех городов и сел Саратовской области в новых ее границах (к области отошли 15 районов АССР НП) было выселено лиц немецкой национальности 338 215 чел. (74 856 семей), в том числе из города Саратова – 11 330 чел. (3427 семей), из «старых районов» – 35 063 чел. (7958 семей), «новых районов» – 291 822 чел. (63 471 семья) [22, л. 47]. Мобилизационный ресурс депортированного взрослого немецкого населения будет использован через несколько месяцев в трудармии на строительстве крупных промышленных объектов Урала и Западной Сибири.

Для завершения уборочных работ, содержания скота и охраны имущества в «новые районы» временно было послано 30 тыс. колхозников из соседних русских сел. Первоначальный расчет на полное и быстрое целевое заселение бывших немецких кантонов эвакуированными из западных районов страны не оправдался, поэтому основным каналом восполнения рабочей силы в бывших немецких колхозах стало внутриобластное и межобластное переселение колхозников. В общей сложности в 1941–1945 гг. в колхозы «новых районов» направлялось в качестве переселенцев из различных категорий населения около 38 тыс. хозяйств, что примерно было равно количеству довоенных немецких хозяйств (40968), но лишь чуть более половины из них закрепилось здесь, остальные возвратились уже в ходе войны на прежнее место жительства [23, с. 117].

Этот процесс затрагивал все категории мигрантов в тот период, поэтому, несмотря на внушительную цифру размещенного в селах края эвакуированного населения (почти 200 тыс. чел.), они не могли стать равноценной заменой мобилизованным и депортированным колхозникам. Помимо того, что значительная их часть не обладала навыками сельскохозяйственного труда, начиная с лета 1943 г., по мере продвижения Красной Армии на запад, эвакуированные стали покидать колхозы и совхозы Саратовской области, ставя тем самым в трудное положение руководителей хозяйств. В письме первого секретаря обкома П. Т. Комарова в ЦК ВКП (б) от 10 июля 1943 г. недостаток рабочей силы в колхозах Саратовской области определялся в 190 тыс. чел. трудоспособных, из них

62 тыс. падало на «новые районы». На одного трудоспособного здесь приходилось 31 га пахотных земель [24, л. 21], тогда как в целом по области 17 га. Но и эта последняя цифра свидетельствовала о более высокой нагрузке на одного работающего, по сравнению с другими областями Юго-Востока. Примечателен и тот факт, что доля женского труда в колхозах области превышала 85%, тогда как в целом по стране она составляла 80%.

Не менее тяжелые последствия для сельского хозяйства региона имела мобилизация из колхозов, МТС и совхозов на нужды армии транспортных средств и живого тягла. В первые же недели только в Саратовской области в войска было мобилизовано около 17 тыс. лучших лошадей, т. е. 1/3 часть конского состава, а к январю 1943 г. – 34 тыс. голов и около 5 тыс. лучших тракторов [25, л. 88]. Кроме того, было поставлено до 1 мая 1942 г. более 9,5 тыс. конских повозок, в 2,5–3 раза уменьшился парк грузовых автомобилей в МТС [26, л. 104]. Колхозы и МТС потеряли также часть привлеченных на строительство оборонительных рубежей тракторов, автомашин и лошадей. Так, только по 55-му Управлению военно-полевого строительства было выведено из строя 4 трактора и пало от истощения 28 лошадей [27, л. 3]. Примерно такая же картина наблюдалась и в других 11 управлениях 7-й саперной армии. В 1943–1944 гг. из МТС и совхозов области трактора и автомашины направлялись в освобожденные от немецкой оккупации районы РСФСР и Украины.

Оценивая потери энергетических ресурсов в первые годы войны, Д. П. Ванчинов писал, что количественно тракторный парк в МТС, казалось бы, уменьшился незначительно, примерно на 3,5 тыс. единиц. В переводе же на 15-сильные трактора сокращение становится значительным: с 23 тыс. в 1940 г. до 18 тыс. в 1943 г., сокращение произошло в основном за счет гусеничных типов машин (ЧТЗ-С-60, СТЗ-С-65) [5, с. 115–166]. Что касается тягловой силы, роль которой в условиях сокращения тракторного парка заметно возросла, то в справке областной плановой комиссии за 1943 г. приводились следующие данные. Почти 700 колхозов Саратовской области имели не более, чем по 20 лошадей, а встречались и такие, в которых не было ни одной. В Новобурасском районе, например, в 10 колхозах насчитывалось не более 10 рабочих лошадей, в хозяйствах Бакурского района – колхозы имели в среднем по 15 лошадей [28, л. 110]. В этой ситуации от колхозов стали требовать использовать не только волов и верблюдов (юго-восточные районы), но и весь крупный рогатый скот. Уже осенью 1941 г. коровы из подсобных хозяйств колхозников привлекались на вывозку зерна, а в следующем году крупный рогатый скот из обще-

ственного и личного стада использовался и для обработки полей.

Компенсировать значительную утрату деревней трудовых и энергетических ресурсов в создавшихся тогда в стране условиях можно было только за счет уже апробированных мобилизационных рычагов: увеличения напряженности труда занятых в сельском хозяйстве работников и придания ему всеобщего характера. Для этого использовались в первую очередь методы внеэкономического плана. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» обязательный минимум членов сельхозартелей увеличивался почти в полтора раза и впервые он распространялся на подростков 12–16 лет. Колхозники, не выработавшие установленного минимума, должны были исключаться из сельхозартели и лишаться приусадебного участка, с последующим наказанием исправительно-трудовыми работами [29, с. 310–311]. В. В. Кондрашин считает, что повышение минимума трудодней подчеркивает превалирование страха наказания за невыполнение своего «долга» в структуре мотивации в годы войны крестьян к труду. «Если было вообще воодушевление колхозников, то зачем было вводить обязательный минимум трудодней?» – задается он вполне резонным вопросом [30, с. 292]. По мнению же В. Н. Земскова, данное постановление было направлено в первую очередь против лодырей и асоциальных элементов, чтобы заставить их работать, потому как этого требовала чрезвычайная обстановка [10, с. 40]. С последним трудно не согласиться, поскольку о сознательном отношении к своему труду основной массы колхозников в военные годы свидетельствуют не столько примеры передовиков и стахановцев (этот факт тоже не следует игнорировать), сколько значительное перевыполнение членами артелей установленного годового минимума трудодней – 150 единиц. В 1942 г. среднегодовая выработка трудодней в Саратовской области мужчинами-колхозниками составила 378 единиц, женщинами – 237, в 1943 г. – соответственно 385 и 230, в 1944 г. – 413 и 248 трудодней. По всем тыловым областям СССР за годы войны выработка на одного трудоспособного выросла на 25% [31, л. 54–56]. Рост числа колхозников, не выработавших минимума трудодней в 1942 г., по сравнению с 1940 г. (с 8% до 13,5%), объясняется главным образом притоком в артели временных членов из числа эвакуированного населения [32, л. 5]. Все это, однако, ни в коей мере не исключает того, что администрирование и командование по отношению к деревне в годы войны еще более усилились в мобилизационной политике государства, а соответственно, ужесточились и меры воздействия за нарушение приказов руководящих инстанций,

что вполне адекватно осознавалось крестьянством.

Государство в военный период для восполнения нехватки трудовых ресурсов на селе было вынуждено в административном порядке широко привлекать ко всем видам полевых работ (сев, прополка и особенно уборка урожая) население городов и районных центров. Только в 1942 г. в помощь колхозам и совхозам в Саратовской области было направлено 150 тыс. рабочих, служащих и учащихся [33, л. 47]. Характерно, что в вузах Саратова ввиду занятости студентов на осенних сельхозработах учебный год раньше ноября не начинался.

Массовый призыв в армию привел к тому, что властно-управленческая система лишилась в лице коммунистов и депутатов сельских советов значительной части проводников на низовом уровне государственной мобилизационной политики на селе. В первый год войны из 1926 колхозов Саратовской области парторганизации остались в 960 хозяйствах, в 241 – имелись партийно-комсомольские группы. В 847 сельхозартелях не было ни первичных парторганизаций, ни партийно-комсомольских групп [5, с. 208]. Проводившийся в течение всей войны прием в партию новых членов лишь в малой степени количественно и качественно восполнил состав сельских парторганизаций. Такое положение было типичным для всех российских регионов. В связи с этим центр решил вновь, как и в период проведения массовой коллективизации, прибегнуть к чрезвычайным формам партийно-государственного руководства селом. 17 ноября 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) восстанавливались политотделы в МТС и совхозах. Укомплектование их штатов (начальник, заместитель, помощник по комсомольской работе) в Саратовской области завершилось уже в начале 1942 г. Перед политотделами ставилась задача повышения политической работы в МТС, совхозах и колхозах, а также укрепление дисциплины в хозяйствах. 2 июля 1942 г. Политуправление Наркомзема СССР направило на места телеграмму, где указывалось, что работа политотделов МТС будет оцениваться в зависимости от «обеспечения привлечения к общественному труду всех трудоспособных колхозников». Отмечалось что недопустимо, когда политотделы «не интересуются причинами невыхода на работу части колхозников, не помогают колхозам в принятии мер, обеспечивающих выработку всеми колхозниками минимума трудодней, мирятся с запущенностью учета труда, несвоевременным заполнением трудовых книжек колхозниками» [34, л. 44].

За полтора года своей деятельности политотделы, безусловно, сыграли свою роль в мобилизации трудовых ресурсов деревни на выполнение планов сельскохозяйственных работ и поставок

государству хлеба, но не могли изменить к лучшему положение в сельском хозяйстве в целом, к тому же по кадровым и другим вопросам они вступали в конфликт с райкомами и райисполкомами. Именно политотделы МТС чаще всего выступали инициаторами замены руководителей сельхозартелей. За два военных года в 1149 колхозах Саратовской области сменилось 1513 председателей колхозов, а с 1940 г. работало на этой должности всего 203 чел. [32, л. 5]. Были и такие колхозы, в которых за год поменялось несколько председателей. В конечном итоге это привело к ликвидации политотделов МТС в мае 1943 г., что в свою очередь вызвало увеличение количества посылаемых в села в период полевых работ и заготовительных кампаний разного рода уполномоченных из районных и областных организаций.

В сельских советах Саратовской области в годы войны насчитывалось более 6 тыс. депутатов. От них тоже требовалось активное участие в реализации директивных установок в области сельского хозяйства. О роли местных советов в руководстве производственными процессами на селе «всесоюзный староста» М. И. Калинин недвусмысленно написал в своем письме председателю Алексеевского сельсовета Базарно-Карабулакского района, опубликованном в областной газете «Коммунист»: «Председатель сельсовета не может заменить председателя колхоза, бригадира, директора МТС или совхоза... он является оком Советской власти, он должен наблюдать, все ли делается для лучшего проведения весеннего сева... В особенности надо зорко смотреть за разгильдяями, людьми беспечными, их надо понукать, понуждать, чтобы люди поменьше потягивались и зевали, поэнергичнее работали» [35]. Однако следует признать, что авторитет депутатского корпуса на селе был не так высок. Выступая на областном совещании в марте 1945 г., председатель Гановского сельсовета Ершовского района Шлеенкова с горечью отмечала: «Приехал в колхоз т. Андреев (секретарь ЦК ВКП (б) по сельскому хозяйству. – В. Д.). Он в сельсовет не пошел, а пошел в правление колхоза. Там собрался народ, пришла и я. Но меня не пустили в правление, якобы мне там делать нечего» [36, л. 97].

Прежде всего, от деревни в годы Великой Отечественной войны требовалась максимальная поставка сельскохозяйственной продукции. С довоенных лет деревня оказалась опутанной огромной, обремененной безоговорочной властью армией заготовителей. Наркомат заготовок представлял собой нечто вроде государства в государстве, работники которого на селе были обязаны, независимо от их личных качеств, неукоснительно выполнять спущенные сверху планы обязательных поставок. В конце 1942 г. в области работало более 5 тыс. заготовителей, т. е.

почти по 3 чел. на каждый колхоз [37, л. 13]. Заготовительные организации при «выколачивании» из колхозов хлеба исходили из установившегося еще перед войной ущербного по своему характеру так называемого «видового» метода определения урожайности на корню, который не соответствовал реальному намолоту хлебов. Размеры заготовок по видам продукции определялись соответствующими плановыми органами, но практическое их выполнение зависело от результатов работы колхозов и совхозов в тот или иной сельскохозяйственный год, каждый из которых в военный период имел свои особенности.

Уже первые месяцы войны создали невероятные трудности для сельского хозяйства края. Хотя на полях зрел не менее богатый урожай, чем в 1940 г., валовой сбор зерна в 1941 г. был почти на 20% меньше – 2,92 млн т [38, л. 29]. Уборка затянулась до зимы, почти 140 тыс. га колосовых ушло под снег [39, л. 171]. И это несмотря на то, что к уборке урожая было привлечено 40 тыс. рабочих, служащих и домохозяек из городов области. Кроме того, в полевых работах участвовали 200 тыс. учащихся школ и студентов [40, л. 59]. Но они не смогли, разумеется, компенсировать убыль в армию и на военные предприятия, в результате депортации квалифицированных сельских работников, изъятия из МТС значительной части техники. К тому же использование наличной рабочей силы и техники в условиях дождливых лета и осени было крайне плохо организовано. Средняя выработка на один комбайн, например, составила 234 га против 352 га в 1940 г. [41, л. 3]. Особенно значительные потери были в «новых районах». План поставок зерна государству, несмотря на неоднократные предупреждения из ЦК партии о персональной ответственности областного руководства, Саратовская область выполнила только на 70% [5, с. 66].

Результаты уборочной кампании 1942 г. были predeterminedены ходом осеннего и весеннего сева, сроки которых сильно затянулись. Весной 1942 г. вместо 2590 тыс. га по плану колхозы посеяли всего 2300 га, что составило 88%. Правда, сама уборка прошла организованнее и быстрее, и 23 района и 24 совхоза даже провели ее в установленные сроки. Но валовой сбор оказался намного ниже, чем в 1941 г. – 2,2 млн т, сдано же было только 0,54 млн т (37% от плана).

Самым тяжелым сельскохозяйственным годом был 1943 г. К тому времени дефицит в деревне рабочей силы и тягла, исправной техники достиг критической отметки, а поставки горючего МТС сократились в 2 раза, составив в 1943 г. 74,5 тыс. т против 144,7 тыс. т в 1941 г. [42, л. 24, 25]. Крайне ухудшилась агротехника земледелия. Область почти полностью перестала производить яблечную вспашку. Сроки сева яровых с каждым военным годом все более увеличивались: весной 1941 г. сеяли 41 день, весной

1942 г. – 51 день, а весной 1943 г. – уже 55 дней. И поскольку этот год выдался весьма засушливым, то средняя урожайность зерновых составила 3,3 ц с га, а валовой сбор – 0,65 млн т [38, л. 29].

В результате объем хлебосдачи Саратовской области государству в 1943 г. оказался почти в 3 раза меньше, чем в 1942 г., и почти в 5 раз меньше, чем в 1941 г. (152 тыс. т) [32, л. 4; 43, л. 122]. Все усилия партийных и советских органов хотя бы на две трети выполнить план хлебозаготовок, в том числе путем освобождения от работы секретарей ряда райкомов, сдачи части семенного зерна, не принесли успеха. Это стало причиной рассмотрения в октябре 1943 г. на оргбюро ЦК ВКП (б) вопроса о работе Саратовского обкома, в ходе которого вносились даже предложения о замене первого секретаря. В конце осени поисками «припрятанного» хлеба занялась прибывшая в Саратов комиссия партийного контроля ЦК ВКП (б). Так, в колхозах Куриловского района было выявлено в зерновых отходах и в необмолоченных скирдах 430 ц зерна, что дало ей основание сделать вывод: «Хлеб, подлежащий сдаче государству, в колхозах, правда немного, но есть. Председатели колхозов под всякими предлогами скрывают его с целью использования на внутриколхозные нужды». Однако результаты этих поисков не были впечатляющими. В декабре 1943 г. удалось доставить из глубинных пунктов дополнительно еще 1645 т, а в январе – всего 256 т [44, с. 119]. В то же время в 1943 г. было засыпано семян на 1944 г. зерновых – 40,6%, подсолнечника – 58,2%, картофеля – 34,3%, овощей – 20% [45, л. 17]. Такое положение отмечалось практически во всех тыловых районах страны.

Несколько выправить ситуацию удалось в 1944 г., чему в немалой степени способствовали благоприятные погодные условия. К тому же были предприняты меры по своевременному ремонту техники, обеспечению колхозов, совхозов и МТС семенным материалом, горючим и запасными частями. В частности, заводы области в порядке шефской помощи передали запасных частей на сумму 11,5 млн руб. и послали в районы в составе ремонтных бригад более 200 рабочих [43, л. 123]. Все это позволило получить в 2 раза больше урожай зерновых культур, подсолнечника, в 1,5 раза – картофеля и сахарной свеклы, чем в предшествующий год. В частности, валовой сбор зерновых культур составил 1,25 млн т. В целом план хлебопоставок Саратовская область выполнила в 1944 г. на 90,7%, а с учетом скидок и зачетов почти достигла плановых показателей [5, с. 137].

В последний военный год посевные площади впервые не сократились, а увеличились, хотя на 1,7 млн га они еще не достигли довоенного уровня. Однако к уборочной кампании летом – осенью 1945 г. область в целом подготовилась хуже, чем в предыдущий год. Чувствовалось

некоторое ослабление напряжения народа, поскольку война уже закончилась, да и сказывалась изношенность техники. Урожай зерновых не превышал 6,4 ц с га, а валовой сбор был чуть более 1 млн т.

В целом колхозы и совхозы области по обязательным поставкам отдавали государству менее половины собранного урожая. В 1941 г. было сдано 32,5% от общего объема произведенного зерна, в 1942 г. – 27%, в 1943 г. – 33%, в 1944 г. – 47%, в 1945 г. – 39%. Однако это не означает, что остальной частью урожая хозяйства могли свободно распоряжаться. Помимо обязательных поставок продовольствия СНК СССР и ЦК ВКП (б), ссылаясь на патриотическую инициативу колхозников ряда областей страны, своим постановлением от 10 июня 1942 г. вводят дополнительные заготовки в хлебный фонд Красной Армии. Его формирование также носило мобилизационный характер, но исходило, прежде всего, из производственных возможностей колхозов. Поэтому мы видим довольно значительную дифференциацию норм сдачи зерна в фонд Красной Армии, утверждаемых обкомом и облисполкомом в начале каждой уборочной кампании. Так, например, в 1942 г. Аткарский, Бакурский и Петровский районы должны были поставить с гектара пашни 1 кг зерна, Аркадакский – 5 кг, Марковский – 10, Озинский – 15, а Новоузенский и Краснокутский – 45 кг [46, л. 2]. Одним словом, в отличие от обязательных заготовок в данном случае ориентировались в основном на сильные хозяйства, лишая их большей части своих доходов. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что на плечи колхозов ложилась обязанность обеспечивать учащихся расположенных на их территории школ горячими завтраками. Для этой цели, по данным областного отдела образования, засевалось 4,5 тыс. га полей [47, л. 121].

Значительную долю собранного урожая колхозы отдавали МТС в качестве натуральной оплаты за работу. В 1941 г. она составила по области 436 629 т (15% от урожая), в 1942 г. – 228 380 т (11%), в 1943 г. – 42543 т (6%), в 1944 г. – 180 494 т (14,4%) [42, л. 24–25]. Взаимоотношения колхозов с МТС были далеко не равноправными. Помимо взимания натуральной и денежной оплаты, МТС вынуждали колхозы передавать им якобы займы немалые денежные суммы, которые они потом редко когда возвращали. «Прибегая к незаконным поборам (позаимствованиям средств у колхозов) МТС не обеспечили погашение указанных задолженностей и остались должны колхозам на 1 января 1946 г. 1203 тыс. рублей», – указывалось в резюме Главка Юго-Востока Наркомзема к сводному отчету Саратовского облзо за 1945 г. [48, л. 34].

Государственные заготовки касались не только поставок из общественного хозяйств

зерновых культур, но и картофеля, овощей, мяса, молока, шерсти и другого продовольствия. В табл. 1 приведены данные по заготовкам некоторых видов сельскохозяйственной продукции в Саратовской области по ряду военных лет в сравнении с довоенным периодом.

Таблица 1

Заготовки важнейших видов сельскохозяйственной продукции в Саратовской в годы Великой Отечественной войны, тыс. т

Виды продукции	1940	1942	1943	1944
Зерновые	1474,8	548,7	152,2	569,3
в том числе пшеница	654,5	183,9	67,8	263,4
Картофель	26,4	38,2	11,2	30,1
Овощи	16,6	17,8	18,2	22,4
Сено	27,6	30,4	18,0	15,4
Мясо	20,8	26,2	29,2	25,2
Молоко	47,9	47,5	52,1	50,5
Шерсть	1,3	1,2	1,1	0,98

Составлено по: [5, с. 137].

Кроме снижения и нестабильности поставок зерновой продукции, обращают на себя внимание еще два показателя табл. 1. Во-первых, увеличение в годы войны заготовок картофеля и овощей, поскольку этого требовала возросшая в численности армия, да и посадки этих культур в колхозах и совхозах увеличились; во-вторых, стабильный характер поставок животноводческой продукции, что объясняется более устойчивым характером данного сектора сельскохозяйственного производства. В животноводстве не произошло резкого уменьшения численности работников (на фермах применялся в основном женский труд), широко использовались естественные корма и, по сравнению с полеводством, механизация была минимальной. Кроме того, до 1943 г. выполнение планов поставок животноводческой продукции происходило и за счет эвакуированного в область скота.

Снижение объемов сельскохозяйственного производства и жесткая политика изъятия продовольствия из общественных хозяйств в пользу государства привели к тому, что в период войны удельный вес распределяемых по трудодням доходов в колхозах резко уменьшился. Исключение составляли механизаторы, труд которых, как и до войны, оплачивался по гарантированному минимуму (3 кг зерна и 2,5 руб. на трудодень), в некоторых хозяйствах также использовалась система дополнительной оплаты, носившая по большей части символический характер. Гарантированный минимум хлебного пайка имели также рабочие совхозов. Начиная с 1942 г., они стали получать оплату натурой и за перевыполнение планов на хлебоуборке, что давало немалую по тому времени прибавку к пайку. Однако в связи со снижением фактической

выработки новым пополнением из женщин и подростков уменьшались среднегодовые денежные оплаты и основным категориям работников совхозов. И все же доходы от общественного хозяйства рабочих МТС и совхозов были выше, чем у колхозников. Поэтому не случайно, что в целях закрепления работников в «новых районах» в 1944 г. свыше 100 колхозов области были преобразованы в 41 совхоз.

О сокращении доходов колхозников от общественного производства свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

Цена трудодня в колхозах СССР и Саратовской области в годы Великой Отечественной войны

Виды доходов	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР						
Зерно, кг	1,600	1,400	0,800	0,650	н. д.	0,700
Картофель, кг	0,980	0,330	0,220	0,400	н. д.	0,260
Деньги, руб.	0,98	1,07	1,03	1,24	1,12	0,85
Саратовская область						
Зерно, кг	2,800	1,400	0,620	0,220	0,891	0,570
Картофель, кг	0,060	н. д.	н. д.	0,070	0,620	н. д.
Деньги, руб.	0,48	1,80	0,60	0,45	0,49	0,45

Рассчитано и составлено по: [5, с. 156; 49, л. 240].

Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют о том, что если в целом по стране выдача хлеба – основного вида распределяемых доходов – на трудодень сократилась вдвое за время войны, то в Саратовской области она упала почти в 5 раз. Уже в 1942 г. саратовские колхозники получили зерна вчетверо меньше, по сравнению с довоенным 1940 г., а общий объем распределяемого зерна сократился с 3928 тыс. ц до 718 тыс. ц [50, л. 7]. В следующем году ввиду неурожая в большинстве колхозов хлеб по трудодням фактически вообще не распределялся. Так как у колхозов постоянно образовывалась задолженность по обязательным поставкам государству, то и в урожайном 1944 г. цена трудодня тоже оказалась низкой.

Разумеется, эти усредненные данные не дают полного представления о размерах получаемых доходов от колхозов по всей крестьянской массе, поскольку, например в 1942 г., до 0,5 кг зерна было выдано на трудодень в 1235 колхозах, 0,5 кг – в 526 колхозах, от 1 до 2 кг – в 118, от 2 до 3 кг и выше – в 6, совсем не выдавали зерна в 31 колхозе Саратовской области [50, л. 7]. С другой стороны, не исключено, что до 1943 г. часть колхозников могла использовать для питания старые запасы хлеба, даже если они истратили до трети зерна на корм скоту. Так, в ряде левобережных районов области (Новоузенский,

Дергачевский, Перелюбский, Чапаевский, Новорепинский, Озинский) с 1938 по 1942 г. в среднем на едока колхозниками было получено от 25,5 до 31,5 кг зерна в месяц. В печеном виде это выражается до 1,5 кг в день на человека. Однако в последние 2 года войны мало у кого оставались довоенные хлебные запасы, а новые практически не делались, поэтому еще большую нужду крестьяне повсеместно испытывали в послевоенные неурожайные 1946–1947 гг. Что уж говорить о колхозниках таких районов, как Бакурский, Дурасовский, Ртищевский, Романовский, где в среднем на едока было получено за пять указанных лет от 6 до 10 кг в месяц. Для их выживания оплата за работу в колхозе имела минимальное значение.

Основным источником жизнеобеспечения крестьян стало личное подсобное хозяйство. Оно в среднем на 85–90% восполняло недостаток продуктов в общественном производстве. За годы войны личное подсобное хозяйство несколько расширилось. Так, если в 1940 г. в Саратовской области на один колхозный двор приходилось 0,17 га посевов, то в 1945 г. – 0,24. Значительную площадь сельчане отводили под картофель и овощи, но почти в 4 раза расширились и посевы зерновых культур [51, л. 2, 3]. Вызванные обстоятельствами стремление колхозников к увеличению площадей приусадебных участков в конце войны власти стали квалифицировать как «разбазаривание земель», отвлекающее от общественного производства. Особое беспокойство у них вызывало то, что пример «злоупотреблений» здесь показывали, прежде всего, сельские руководители – председатели сельсоветов и колхозов, бригадиры. В докладе председателя облисполкома П. С. Кузьмина на областном совещании председателей сельсоветов 20 марта 1945 г. приводились примеры нарушения устава сельхозартели по землепользованию. Так, в колхозах Терновского района более 520 колхозных дворов допустили самовольный захват колхозных земель. Такие же факты имели место в Лысогорском, Макаровском, Романовском, Ивантеевском и ряде других районов. В колхозах Духовницкого района «разбазарено» было 450 га общественных земель. «Эти факты, – констатировал оратор, – приводят к тому, что приусадебные участки теряют значение подсобного хозяйства и превращаются в основной источник дохода колхозника» [36, л. 52].

Поистине кормилицей для крестьян стала корова и за нее они крепко держались, несмотря на все перипетии военных лет. Не случайно, скажем, если поголовье свиней, овец и коз у колхозников, как видно из табл. 3, сокращалось значительно из года в год, то уменьшение общего количества коров и телят главным образом происходило по причине сокращения числа крестьянских дворов. Если в 1940 г. в Саратовской области на 100 колхозных дворов приходилось

85 голов крупного рогатого скота, то в 1945 г. – 112 голов [52, л. 8; 53, л. 1]. По сути приусадебный участок и подворье давали в 10–20 раз больше продукции для личного потребления, чем колхоз на трудодни.

Таблица 3

Численность скота в хозяйствах колхозников Саратовской области в годы Великой Отечественной войны, тыс. голов

Вид скота	1941	1942	1943	1944	1945
Крупный рогатый скот	213,4	184,2	184,8	189,8	210,8
Свиньи	36,0	17,7	12,5	4,2	4,4
Овцы и козы	533,1	379,7	342,9	333,7	341,4

Рассчитано и составлено по: [54, с. 104].

Как утверждает М. С. Зинич, в целом по стране личное потребление колхозников снизилось в 1943 г., по сравнению с 1939 г., по хлебопродуктам на 35%, по мясу и салу – на 66%. По картофелю оно повысилось на 100%, по овощам – на 24%. Лишь потребление молочных продуктов в деревне осталось на том же уровне [55, с. 75]. Примерно на таком уровне личное потребление колхозников находилось и в Саратовской области. Однако в отличие от ряда других российских регионов (Татарская АССР, Вологодская, Свердловская, Челябинская, Томская и Читинская области) в Саратовской области за годы войны не было отмечено ни одного локального очага массового голода в сельской местности. И в этом основную роль сыграли личные хозяйства крестьян, которые обеспечили им выживание. Особое значение в питании деревни имел сбор дикорастущих плодов, ягод, грибов, лов рыбы. Относительно потребления промтоваров жители деревни во многом перешли на самообеспечение: распространилось плетение лаптей, возродилось домашнее ткачество, прядежные шерсти и т. д.

Личные подсобные хозяйства колхозников стали основным источником поступления продовольствия для продажи на рынках городов и районных центров. В условиях дефицита товаров цены на основные продукты питания здесь постоянно росли до 1943 г. Так, стоимость 1 кг картофеля за два года войны выросла с 2 до 25 руб., капусты – с 2 до 40 руб., говядины – с 28 до 280 руб., свинины – с 28 до 250 руб., животного масла – с 32,5 до 800 руб., литра молока – с 2,2 руб. до 70 руб. В среднем цены на городских базарах были выше довоенных в 13 раз и превышали уровень цен на продукты, продававшиеся по карточкам, в 20 с лишним раз. К 1945 г. цены упали, но все равно превышали довоенный уровень в 6–8 раз [5, с. 171]. Казалось бы, в этих условиях колхозники от продажи продуктов личного хозяйства имели возможность

сосредоточить в своих руках значительные денежные суммы, но этого не произошло по целому ряду причин.

Одной из таких причин стало увеличившееся налогообложение колхозного крестьянства. Помимо денежного сельскохозяйственного налога (его размеры в 1943 г. были увеличены), и единого военного налога, которые распространялись на всех сельских жителей (на 1 января 1943 г. в сельской местности Саратовской области насчитывалось 94 тыс. дворов неколхозного населения)¹ крестьянский двор облагался натуральным государственным налогом в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, картофеля и др. Норма сдачи (за символическую оплату) мяса определялась в пределах 40–60 кг и молока – 100–280 кг, 100 штук яиц, 1,5 овчины. Поставки взимались независимо от наличия скота и птицы. Если колхозник не держал животных, он обязан был любыми путями приобрести эти продукты (купить на рынке, занять, заработать и т. д.) и сдать государству [56, с. 264].

В то же время к взиманию натуральных поставок государство подходило дифференцированно: от них полностью или частично освобождались семьи фронтовиков. Так, например, в 1944 г. из более 190 тыс. хозяйств саратовских колхозников вручено обязательств по мясоставкам 110136 хозяйствам, по молокопоставкам – 89469 хозяйствам [57, л. 3]. В целом за годы войны доля налогового обложения сельского населения увеличилась в 5 раз, а в расчете на один колхозный двор, не имевший льгот, – в 6 раз. Именно необходимость выплаты всех видов налогов заставляла в первую очередь крестьян вывозить на рынок имевшиеся у них сельскохозяйственные продукты, даже если они не представляли излишков. Крестьяне шли на это при том, что они теряли ощутимые суммы на доставку продуктов на рынок. Выступая на одном из заседаний облисполкома, первый секретарь обкома ВКП (б) П. Т. Комаров возмущался: «Для колхозников не организована возможность продать с.х. продукты на рынке, если он едет на рынок, с него шофер возьмет 100 р. за проезд, да за перевозку картошки он должен заплатить 100 р.» [58, л. 289].

Не менее значительным каналом мобилизации денежных средств сельского населения в годы Великой Отечественной войны являлись поступления в виде государственных военных займов и денежно-вещевых лотерей. В мероприятиях по их распространению были задействованы практически все звенья партийно-советского аппарата, хозяйственных и общественных организаций. Для решения всех организационных вопросов в области, городах и районах были образованы специальные комиссии во главе с председателями соответствующих исполкомов

советов. В период подписных кампаний на военные займы только информационно-справочных столов в области действовало более 3 тыс. [59, л. 67]. Подписка на Первый военный заем (1942 г.) среди колхозников Саратовской области составила 86,6 млн руб., на Второй (1943 г.) – уже 186,8 млн руб., на Третий военный заем (1944 г.) – 140,6 млн руб. [59, л. 25, 67]. Сами же подписные кампании на военные займы на селе, как, впрочем, и в городе, сопровождались высоким патриотическим подъемом, о чем свидетельствуют все виды источников – от официальных документов до устных воспоминаний свидетелей тех событий. Было немало колхозников, которые отдавали по займам значительные суммы. В 1943 г. в Саратовской области более 20 чел. подписались по 100 тыс. руб., а средняя сумма подписки колхозников на Второй военный заем, по сравнению с предыдущим, выросла в 3 раза (с 335 до 1000 руб.) [59, л. 25]. Следует иметь в виду, что в покупке займов участвовали непосредственно и сами колхозы, но назвать точные суммы по ним не представляется возможным, поскольку они учитывались вместе с промышленными артелями. Единственное, что можно сказать относительно этих количественных показателей: они были значительно ниже сумм индивидуальной подписки (21,5 млн руб. по Второму займу и 22,8 млн руб. по Третьему займу) [60, л. 78].

Реализация же денежно-вещевых лотерей вообще происходила в основном в селах, где их распространением, помимо сотрудников районных сберкасс, занимались уполномоченные сельских советов и налоговые агенты. С целью стимулирования их труда только в 1944 г. было выплачено в качестве вознаграждений более 689 тыс. руб. [61, л. 112]. По этой статье доходов государственный бюджет получил от Саратовской области за годы войны более 211 млн руб. [62, л. 253; 63, л. 83; 64, л. 172]. Подписка на военные займы и денежно-вещевые лотереи, а тем более реальная их оплата, выявили одну из характерных тенденций: их общие суммы росли в первые 2 года войны, а затем они стали снижаться, что свидетельствовало о произошедшем в это время истощении наличных денежных ресурсов у сельского населения. Действительно, если до 1943 г. доля колхозников в общей сумме подписки на госзаимы увеличивалась, по сравнению с рабочими и служащими: заем 3-й пятилетки – 15%, Первый военный госзаим – 30%, Второй военный госзаим – 42%, то по Третьему займу (июнь 1944 г.) она снизилась до 33%. За полгода на Третий военный заем удалось от колхозников получить лишь 56,5% оплаты суммы их подписки, а по Четвертому займу (лето 1945 г.) вообще произошло невыполнение плановых заданий по подписке среди этой категории населения [59, л. 66; 60, л. 3; 63, л. 79–80; 65, л. 104; 66, л. 4], в то время как

подписка на этот заем по Саратову по-прежнему осуществлялась в течение одного дня. Подобные процессы можно было наблюдать и в отношении покупки сельским населением денежно-вещевых лотерей.

Сокращение доходов, получаемых сельскими жителями от свободного рынка, начиная с 1944 г., происходит по причине снижения цен на реализуемые ими здесь продукты, что было обусловлено главным образом увеличением объемов продукции, получаемой горожанами от подсобных хозяйств предприятий и учреждений и индивидуальных огородов, ростом поголовья скота в городах. При этом уровень обложения сельского хозяйства в городах был в среднем в 10 раз ниже, чем на селе. Поскольку к 1945 г., как уже говорилось, цены упали, денежные остатки городского населения начали расти быстрее денежных остатков села. Этому же способствовало развитие продаж промтоваров городским населением сельскому и увеличение в городах числа лиц, занимающихся перекупкой продовольствия у колхозников.

Значительные денежные суммы сельские жители Саратовской области в коллективном и индивидуальном порядке жертвовали в годы Великой Отечественной войны в фонд обороны страны, активно участвовали в сборе средств на строительство танковых колонн и авиационных эскадрилий. До конца войны на эти цели в области было собрано 351 млн руб. [67, с. 186] – сумма, сопоставимая с местным годовым бюджетом. Наибольшее распространение это патриотическое движение получило в период Сталинградской битвы. Всей стране тогда стало известно имя колхозника Новопокровского района Ф. П. Головатого, внесшего в фонд обороны 100 тыс. рублей и заказавшего на них самолет для Сталинградского фронта. Позднее он купил еще один самолет. Три самолета приобрела колхозница из Куриловского района А. С. Селиванова. Как писал Д. П. Ванчинов, «в движении по сбору средств на боевую технику для фронта приняли участие все слои населения – рабочие, служащие, воины и даже школьники. Тем не менее, это движение – преимущественно колхозное, поскольку большую часть денежных сумм на строительство самолетов дала деревня» [5, с. 200]. К этому следует добавить то, что основная масса колхозников все-таки жертвовала не самые большие суммы денег, а те, кто отдавал по 100 и более тыс. руб., как правило, занимались каким-либо промыслом, прежде всего пчеловодством, в их числе были и Головатый, и Селиванова.

В конечном итоге передача в руки государства денежных накоплений крестьянством будь то налоги, оплата займов и лотерей, сбор средств в фонд обороны, какими бы мотивами это не было обусловлено – искренними индивидуальными патриотическими чувствами, коллективными

устремлениями или же морально-административным нажимом, что тоже было – выравнивала материальное положение основной массы крестьянства в годы Великой Отечественной войны. Такова была суровая действительность, практически всем жилось тогда тяжело. Сложнее всего приходилось колхозникам артелей, имевших плохие производственные показатели. Вряд ли можно позавидовать участи председателей колхозов, которые находились в ситуации как бы между молотом и наковальней. С одной стороны, необходимо было исполнять указания всех руководящих и контролирующих инстанций, а, с другой стороны, как-то поддерживать жизнедеятельность людей и хозяйств, не допуская их полного краха. Отсюда и имевшее место под угрозой уголовного наказания утаивание зерна от заготовителей, неправомерное списание якобы погибших от вредителей и болезней посевов, чтобы что-то иметь для раздачи колхозникам по трудодням и сева на следующий год, забой скота на внутривоспроизводственные нужды и на продажу до выполнения обязательных поставок.

Зачастую председатели колхозов игнорировали требования о расширении посевных площадей, понимая, что наличным составом колхозников, где, как уже говорилось, преобладали женщины и подростки, техники и тягла с этим не справиться. Шли на всевозможные хитрости при выполнении предписаний «сверху» о сроках сельскохозяйственных работ и методов их выполнения. Председатель уже упоминавшегося колхоза им. Ворошилова Новоузенского района М. И. Китаев на совещании в Москве, состоявшемся в январе 1945 г., прямо заявил на этот счет: «В колхозе допускается ранний сев вразброс семян, который дал 24 ц с га. Сев этот ведется крадучи: когда идет машина – мужики ложатся в балку; машина прошла – опять сеют» [68, л. 116]. Опытные сельские руководители сопротивлялись, как могли, неправомерным требованиям по агротехнике. Вот что говорил по этому поводу председатель колхоза им. Калинина Воскресенского района Марьин на сессии Облсовета 6 января 1944 г.: «В 1942 г. нас заставляли сеять под культиваторы, тогда как культиватор берет 5–6 см. Меня лично под угрозой снятия и исключения из партии заставляли сеять под культиватор. Но я сказал, что не буду» [45, л. 72]. Не от хорошей жизни приходилось им организовывать в своих хозяйствах непрофильные виды работ. Отмечая в 1945 г. неповоротливость местной промышленности области, П. Т. Комаров указывал: «Я был в колхозах Ершовского и Вязовского районов, колхозы имеют производственные предприятия: делают телеги, колеса, говорят – сами все делаем, достаем. А разве наша местная промышленность так работает. Здесь все в том, что председатель колхоза предприимчивый. И в том же районе райпромкомбинат ничего не делает» [58, л. 289].

Такова была сложная диалектика положения этой категории сельского населения. Вместе с тем приведенные факты говорят о том, что практике выживания деревни в военный период следует рассматривать в более широком плане: она касалась не только личного потребления населения, но и общественного производства, в результатах которого в тех условиях также было заинтересовано само крестьянство.

Из проведенного анализа материалов по Саратовской области совершенно очевидно, что село в годы Великой Отечественной войны как источник мобилизационных ресурсов (людских, материальных, продовольственных и финансовых) использовалось в максимально возможных размерах, а крестьянству приходилось приспосабливаться к создавшимся условиям трудовой деятельности и обеспечения своего выживания, воспринимая это как вклад в общее дело победы над врагом. В результате мобилизационной политики государства и отсутствия с его стороны таких компенсационных мер, как снабжения новой техникой и потребительскими товарами, усугубленной депортацией поволжских немцев-колхозников, сельское хозяйство региона вышло из войны в крайне истощенном состоянии. Посевные площади сократились почти в 1,5 раза, урожайность упала в 2 раза, поголовье общественного стада уменьшилось на одну треть, рабочих лошадей на 60%. В этом смысле можно с уверенностью говорить, что использование мобилизационных методов в экономике далеко не всегда означает рост производства, тем более в такой зависимой от внешних факторов отрасли, как сельское хозяйство. При ослаблении общественных хозяйств в военные годы личное подсобное хозяйство сельских жителей оказалось не только основным резервом выживания колхозного крестьянства, но и важным мобилизационным ресурсом. Вместе с тем усиление роли личных подсобных хозяйств затормозило начавшийся экономически и ментально в 1930-е гг. процесс пролетаризации крестьянства, завершившийся уже в «хрущевский период».

Примечания

¹ Решениями облисполкома освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога 29 руководящих районных работников, если их хозяйства не имели задания по посевам на полевых участках и если в личном их пользовании имелся скот, не превышавший количество, предусмотренное уставом сельхозартеля для колхозников данного района (ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 80. Л. 145).

Список литературы

1. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. 459 с.

2. Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945 гг. Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1966. 371 с.

3. Шушкин Н. Н. Во имя Победы : Организаторская работа партии в годы Великой Отечественной войны : в 2 ч. Петрозаводск : Карелия, 1970. Ч. 1. 333 с. ; 1974. Ч. 2. 438 с.

4. Каревский А. Ф. Колхозное крестьянство Куйбышевской области в Отечественную войну. Куйбышев : Куйбышевское книжное издательство, 1970. 136 с.

5. Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1976. 304 с.

6. Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург : Уралагропресс, 1993. 174 с.

7. Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург : Издательство ОГПУ, 2002. 300 с.

8. Бондарев В. А. Селяне в годы Великой Отечественной войны : Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Ростов н/Д : Издательство СКНЦ ВШ, 2005. 192 с.

9. Вылцан М. А. Крестьянство России в годы большой войны, 1941–1945. Пиррова победа. М. : РНФ, 1995. 79 с.

10. Земсков В. Н. Патриотический подвиг советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны // Политическое просвещение. 2011. № 2 (61). С. 33–58.

11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 7 : Экономика и оружие победы. М. : Кучково поле, 2013. 864 с.

12. Анисков В. Т. О бедной деревне замолвите слово... Социальная жертвенность и судьбы крестьянства. Ярославль : Ярославский государственный университет, 1996. 206 с.

13. Фонов А. Г. Россия от мобилизационного общества к инновационному. М. : Наука, 1993. 271 с.

14. Седов В. В. Мобилизационная экономика : советская модель. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2003. 177 с.

15. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский обком КП РСФСР). Оп. 1. Д. 1848.

16. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1890.

17. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-2163 (Саратовский областной отдел земледелия). Оп. 3. Д. 86.

18. ГАСО. Ф. Р-2052 (Саратовское областное статистическое управление). Оп. 4. Д. 67 а.

19. Данилов В. Н. «В Баразном Карабулаке абсолютно никаких предпосылок для развития завода нет...» Начальный этап истории Саранского завода «Электровыпрямитель» // Центр и периферия. 2020. № 2. С. 19–24.

20. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 343 (7-я саперная армия). Оп. 5438. Д. 4.

21. Китаев М. И. Трудный хлеб войны // Война. Народ. Победа. 1941–1945 : в 4 кн. Кн. 3 / сост. И. М. Данишевский, В. И. Радин. М. : Политиздат, 1980. С. 119–127.

22. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1, особая папка. Д. 4.
23. *Данилов В. Н.* Изменения в составе населения Саратовского Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Известия Саратовского университета. Серия : История. Международные отношения.* 2014. Т. 14, вып. 3. С. 114–120.
24. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3180.
25. ГАСО. Ф. Р-1738 (Исполком Саратовского областного совета народных депутатов). Оп. 1. Д. 1067.
26. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2747.
27. ГАСО. Ф. Р-1656 (Управления 7-й саперной армии). Оп. 2. Д. 4.
28. ГАСО. Ф. Р-3070 (Саратовская областная плановая комиссия). Оп. 1. Д. 71.
29. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М. : Сельхозгиз, 1948. 640 с.
30. *Кондрашин В. В.* Крестьянство и сельское хозяйство в годы Великой Отечественной войны // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2005. Т. 7, № 2. С. 289–300.
31. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486 (Наркомат земледелия СССР). Оп. 7. Д. 212.
32. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный комитет КПСС). Оп. 88. Д. 592.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 7.
34. РГАСПИ. Ф. 112 (Политуправление Наркомата земледелия). Оп. 4. Д. 2.
35. Письмо т. Калинина // *Коммунист.* 1945. 16 февр.
36. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1580.
37. ГАСО. Ф. Р-2871 (Уполномоченный Наркомата заготовок по Саратовской области). Оп. 1. Д. 248.
38. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4.
39. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 256.
40. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 439.
41. ГАСО. Ф. Р-2163. Оп. 2. Д. 446.
42. ГАСО. Ф. Р-2163. Оп. 2. Д. 1303.
43. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 640. Л. 122.
44. *Лобанов В. Я.* К вопросу о продовольственном кризисе в Саратовской области зимой 1943–1944 гг. // *Великая Отечественная война в контексте российской истории : сборник научных трудов / под ред. Ю. Г. Голуба, В. Н. Данилова.* Саратов : Издательство Саратовского университета, 2000. С. 119–122.
45. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1245.
46. ГАСО. Ф. Р-2613. Оп. 2. Д. 60.
47. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1247.
48. ГАСО. Ф. Р-2163. Оп. 3. Д. 290.
49. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 169.
50. ГАСО. Ф. Р-2163. Оп. 2. Д. 899.
51. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 28.
52. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 4. Д. 21.
53. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 4. Д. 26.
54. *Данилов В. Н.* Доходы и потребление населения Саратовской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения.* 2015. Т. 15, вып. 1. С. 98–106.
55. *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья : в 2 вып. М. : ИРИ РАН, 1994. Вып. 1. 125 с.
56. *Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы : аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М. : Энциклопедия российских деревень, 1995. 573 с.
57. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 11. Д. 125.
58. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 263.
59. ГАСО. Ф. Р-3351 (Саратовское областное управление гострудсберкасс и госкредита). Оп. 1. Д. 112 ж.
60. ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 131.
61. ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 1.
62. ГАСО. Ф. Р-2283 (Саратовский областной финансовый отдел). Оп. 1. Д. 18.
63. ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 98.
64. ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 217.
65. ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 118.
66. ГАСО. Ф. Р-3351. Оп. 1. Д. 148.
67. *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту : о патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. М. : Воениздат, 1985. 319 с.
68. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 218.

Поступила в редакцию 03.01.2022; одобрена после рецензирования 06.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 03.01.2022; approved after reviewing 06.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 269–274
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 269–274
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-269-274>

Научная статья
УДК [711.433:332.83](470.44–25)|1956/1960|

Влияние на развитие пространства крупного советского города применения «горьковского» метода жилищного строительства во второй половине 1950-х годов (на примере Саратова)

А. А. Ванин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ванин Александр Андреевич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, vaninaa987@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5142-9702>, Author ID: 1049060

Аннотация. В статье анализируется реализация практики жилищного строительства «горьковским» методом в Саратове в период хрущевской жилищной реформы. Формулируется вывод о том, что жилищное строительство данным методом было временной мерой по смягчению жилищного кризиса, существовавшего тогда в СССР и в Саратове в частности. Здания строились по типовым проектам и имели минимум декора, однако были сомасштабны человеку, формировали довольно комфортную городскую среду и, несмотря на аскетичный вид, в отдельных случаях даже внесли некоторое разнообразие в облик города.

Ключевые слова: Саратов, городское пространство, «горьковский» метод жилищного строительства, метод народной стройки, жилищный кризис, хрущевская жилищная реформа, советская архитектура, советское градостроительство

Для цитирования: Ванин А. А. Влияние на развитие пространства крупного советского города применения «горьковского» метода жилищного строительства во второй половине 1950-х годов (на примере Саратова) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 269–274. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-269-274>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The impact of the “Gorky” method of housing construction on large Soviet city space development in the second half of the 1950s (On the example of Saratov)

A. A. Vanin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vanin, vaninaa987@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5142-9702>, Author ID: 1049060

Abstract. The article analyzes the implementation of the practice of housing construction by the “Gorky” method in Saratov during the Khrushchev housing reform. It is concluded that housing construction using this method was a temporary measure to mitigate the housing crisis that existed then in the USSR and in Saratov in particular. The buildings were built according to standard designs and had a minimum of decor, but they were human-sized, formed a rather comfortable urban environment and, despite the ascetic appearance, in some cases even brought some variety to the city’s appearance.

Keywords: Saratov, urban space, “Gorky” method of housing construction, public construction method, housing crisis, Khrushchev housing reform, Soviet architecture, Soviet urban planning

For citation: Vanin A. A. The impact of the “Gorky” method of housing construction on large Soviet city space development in the second half of the 1950s (On the example of Saratov). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 269–274 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-269-274>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В 1950-е гг. в СССР одной из главных проблем был острейший жилищный кризис. Новое руководство государства, пришедшее к власти после смерти И. В. Сталина, начало решать ее посредством индустриализации стро-

ительства и более жесткой типизации проектов, чем в предшествующие годы. Однако процесс реформирования жилищного строительства требовал времени – необходимо было значительно расширить производственную базу строитель-

ных организаций, разработать новые типовые проекты жилых домов и апробировать их на опытных участках, каковым стала, например, строительная площадка 9-го микрорайона Новых Черемушек в Москве. В то же время в условиях ограниченных финансовых возможностей советское государство старалось поддержать инициативы снизу, способные значительно снизить остроту жилищной проблемы в стране.

Одним из путей увеличения объемов жилищного строительства и ускорения ввода жилых домов в эксплуатацию во второй половине 1950-х гг. являлось движение по строительству жилых домов методом народной стройки, инициаторами которого стали рабочие горьковского автозавода (ГАЗ), вследствие чего он стал называться «методом горьковчан» или «горьковским» методом. Конечно же, это было вынужденное решение рабочих, уставших от невыносимых условий жизни в бараках, подвалах и коммунальных квартирах. Строительство жилья методом народной стройки предприятия осуществляли по-разному, используя многообразные формы и методы организации труда. Параллельно с достигнутыми успехами в развитии нового метода строительства существовали острые проблемы и серьезные недостатки: народные стройки не в полной мере обеспечивались материалами и оборудованием, многие организации нарушали порядок оплаты труда застройщиков. Руководство некоторых цехов и предприятий проявляло безразличие к нуждам людей, допускало бесхозяйственность. Хотя качество вводимого таким способом жилья значительно уступало жилью, которое возводили строительные организации [1, с. 19, 21], тем не менее это было уже шаг вперед в плане его комфорта. В свете данных противоречий крайне интересно рассмотреть, как эта практика реализовывалась в Саратове.

Точкой отсчета в применении метода народной стройки при возведении жилья в Саратове, как и в г. Горьком [2, с. 199], стала середина 1950-х гг. Пионерами в этом отношении выступили трудящиеся Соколовгорского нефтепромысла, которые с одобрения руководства, весной 1955 г. в свободное от основной работы время стали перестраивать под коммунальный дом старую деревянную водокачку. Заведующий нефтепромыслом взял на себя ответственность за поставку стройматериалов. В итоге к 7 ноября 1955 г. рабочими было торжественно справлено новоселье. Дом был оснащен электричеством и газом, а рядом были выстроены сараи и вырыты погреба. Через год трудовым коллективом промысла было завершено строительство еще одного жилого дома. Оба этих здания были сооружены поблизости от Соколовгорского нефтепромысла [3].

Новый импульс практика строительства жилья методом народной стройки получила после

декабрьского 1956 г. Пленума ЦК КПСС, делегаты которого приняли решение «... активно поддерживать инициативу широких масс рабочих и служащих, направленную к ускорению жилищного строительства» [4, с. 148]. Местная пресса постоянно пропагандировала эту установку, способствуя тем самым широкой поддержке трудящимися г. Саратова инициативы горьковских рабочих. Действительно, уже с конца 1956 г. строительство жилых домов указанным методом началось силами трудовых коллективов государственного подшипникового завода № 3 (ГПЗ-3; ныне Саратовский подшипниковый завод), нефтеперерабатывающего завода им. С. М. Кирова, саратовской гидроэлектростанции (СарГРЭС). Выделенные руководством саратовского горисполкома участки под строительство планировалось застраивать жилыми домами в 1–2 этажа на 8 и 16 квартир [5, 6]. Благодаря активной помощи, оказанной строителям работниками Саратовского филиала института «Гипросельэлектро» в начале 1957 г. был сдан в эксплуатацию 3-этажный жилой дом, в котором 28 служащих этого филиала смогли улучшить свои жилищные условия. Дом был оснащен водопроводом, канализацией, электричеством и центральным отоплением, радиофицирован, а во дворе его был построен хозяйственный сарай. В начале 1957 г. филиалом было начато строительство второго жилого дома [7]. Тогда же аналогичную инициативу ряда предприятий Ленинского района, в частности предприятий нефтяной и газовой промышленности, поддержало бюро Ленинского райкома КПСС [8]. В целом к этому моменту строительство жилья «горьковским» методом планировалось развернуть на территории пяти районов города. В основном малоэтажное строительство силами рабочих и служащих намечалось вести на Соколовой горе в Волжском районе, где предполагалось создать большой жилой поселок. В остальных районах города для такого строительства были выделены лишь отдельные участки площадью до 500 га [9].

Однако директора далеко не всех промышленных предприятий города поддерживали инициативу трудовых коллективов по возведению своими силами жилых домов. Именно так поступило руководство треста «Саратовгазнефтепроводстрой» [10]. Поэтому к 1 марта 1957 г. к сооружению жилых домов силами рабочих приступили только 17 предприятий из 100 [11], по другим данным строительство «народным» методом к 20 апреля было развернуто лишь десятью предприятиями (таблица).

Анализ данных таблицы показывает, что в основном строились малоэтажные (1–2 этажа) дома, за исключением коллективов ГПЗ-3 и завода п/я № 214, которыми было развернуто сооружение соответственно 3-этажного и 5-этажного домов. Из всех образцов народной стройки в городе наиболее интересным является

Жилищное строительство «горьковским» методом в г. Саратове (по состоянию на 20 апреля 1957 г.)

Наименование предприятия	Количество жилых домов	Общая жилая площадь, кв. м.	Примечания
Завод п/я № 1 (завод № 292 Министерства авиационной промышленности СССР, Саратовский авиационный завод)	16	4439	Семь 1-этажных 4-квартирных домов, три 2-этажных 16-квартирных, четыре 2-этажных 8-квартирных и два 2-этажных 12-квартирных
Государственный подшипниковый завод № 3	19	1132	Восемнадцать 1-этажных домов и один 3-этажный на 18 квартир
Завод п/я № 214 (Саратовский агрегатный завод)	1	2329	5-этажный жилой дом
Завод п/я № 128 (вероятно, в источнике была допущена опечатка и имелось в виду предприятие п/я № 28 – Саратовский НИИ машиностроения (СНИИМ-28))	8	472	Одноэтажные жилые дома
Завод п/я № 68 (Завод № 338, Саратовский завод приемно-усилительных ламп, «Рефлектор»)	20	1000	Одноэтажные 2-квартирные жилые дома
Завод п/я № 447 (Завод № 375, Саратовский завод электронного машиностроения)	15	750	
Завод п/я № 122 (завод «Тантал»)	10	500	
Завод п/я № 465 (Саратовский радиоприборный завод)	2	Нет данных	2-этажные жилые дома на 12 и 15 квартир
Завод п/я № 96 (ныне производственное объединение «Корпус»)	80	3500	Шестьдесят 2-квартирных 1-этажных жилых домов и двадцать 1-квартирных
Геофизтрест	2	676	2 жилых дома на 8 и 12 квартир
Итого	173	> 14798	

Составлено по: [12, л. 34–35].

группа одноэтажных жилых домов ГПЗ-3, расположенных на юго-западной окраине Саратова. На этом месте в итоге сформировался полноценный поселок, состоящий из более чем ста домов с небольшими остекленными верандами, а также здания магазина, об отношении которого к указанному заводу ныне напоминают такие топонимы, как ул. Подшипниковая и 1-й Подшипниковый проезд, а также название остановки общественного транспорта – «Жилучасток ГПЗ». Это был наиболее интересный пример народной стройки в городе, так как, во-первых, каждый дом предназначался для одной семьи, а во-вторых, сами дома в поселке были размещены в основном довольно плотно, не разбросанно, в абсолютном большинстве оштукатурены, покрашены в единый цвет (белый) и, несмотря на весь аскетизм оформления (на домах выделяются лишь верхние полукруглые окна с декоративной расстекловкой и в простейших обрамлениях), составили единый ансамбль [13, 14, 15, с. 9; 16, л. 52–63; 17, 18].

За первые 5 месяцев 1957 г. методом народной стройки в Саратове было возведено 600 кв. м жилой площади [19]. В то же время, например, только в Кировском районе города жилищное строительство «горьковским» мето-

дом вели лишь семь предприятий из 39 [20]. К началу августа 1957 г. так и не развернули строительство жилья «горьковским» методом заводы электротермического оборудования (ныне ОАО «Электротерм-93»), зубострогальных станков, электротехнический Министерства путей сообщения СССР, жировой комбинат [15, с. 10], неудовлетворительно решался этот вопрос на нефтеперерабатывающем и станкостроительном заводах [14, 21]. Осенью 1957 г. этот список дополнили комбикормовый завод, мельзаводы № 2 и № 3, завод № 2 «Росглавлеспродтара», хлебозавод № 1 (ныне АО «Знак хлеба»), саратовское отделение Приволжской железной дороги [22].

Чтобы повысить результативность применения указанного метода жилищного строительства, еще в январе 1957 г. председатель комиссии содействия жилищному строительству СарГРЭС А. Дьячков предложил создать единый штаб для координации действий предприятий промышленности стройматериалов и строительных трестов по снабжению народныхстроек [23]. В какой-то мере эта идея нашла отражение в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР». Инициатива

рабочих и служащих промышленных предприятий и организаций г. Горького в нем была охарактеризована как «начало всенародного движения за скорейшее улучшение жилищных условий» и подчеркнута необходимость ее всемерной поддержки со стороны партийных, советских и профсоюзных органов. Жилищное строительство, осуществляемое с трудовым участием рабочих и служащих предприятий и организаций, документ предписывал производить как за счет плановых ассигнований на жилищное строительство, так и за счет средств из фонда предприятия, директорского фонда, фонда ширпотреба, премий по итогам Всесоюзного социалистического соревнования и т. д. [24].

Данная директивно-законодательная инициатива Центра, получив полную поддержку региональных властей [25], дала новый импульс строительству жилья «горьковским методом» в городе. В сентябре 1957 г. в одном только Сталинском районе данным методом строительство велось 12 предприятиями, озвучивались планы построить к концу года 15800 кв. м, а в целом на ближайшую перспективу – 19296 кв. м [26, л. 48–50]. К началу ноября 1957 г. в районе было построено уже 125 домов общей площадью 7156 кв. м [26, л. 116]. В целом же по городу коллективами 58 (по другим данным – 59) промышленных предприятий и организаций своими силами велось сооружение 590 (по другим данным – 536) жилых домов общей площадью свыше 55 тыс. кв. м (по другим данным – 60 тыс. кв. м) [15, с. 8; 16, л. 52–63]. Особенно активно осуществляли строительство рабочие ГПЗ-3, авиационного завода, заводов № 328, 338, 375 Министерства радиотехнической промышленности СССР, завода тяжелого машиностроения, управления трамвая и троллейбуса и др. [16, л. 52–63].

В целом в 1957 г. коллективами промышленных предприятий Саратова было взято обязательство построить 50 тыс. кв. м [15, с. 7; 16, л. 52–63], из которых в итоге было введено в эксплуатацию только 28 тыс. кв. м [27, с. 9]. В основном это были одноэтажные дома. В 1958 г. предполагалось развернуть преимущественно 2-х и 3-этажное строительство, доведя общую площадь жилых домов, построенных по этому методу, до 100 тыс. кв. м. К 1960 г. планировалось сдать в эксплуатацию уже 400 тыс. кв. м малоэтажного жилья [16, л. 52–63], доля которого, по сравнению с генеральным планом 1950 г., должна была вырасти в 3 раза [12, л. 7–8]. Поэтому в 1958 г. строительство «горьковским» методом продолжало активно практиковаться в городе. Предприятия и организации, как и прежде, по-разному относились к этой инициативе.

Саратовский нефтеперерабатывающий завод им. С. М. Кирова взял на себя обязательство построить методом народной стройки и ввести в эксплуатацию в 1958 г. 3 тыс. кв. м жилья [28, с. 5]. Достигнутые к весне этого года его

коллективом результаты на указанном поприще были позитивно оценены активом хозяйственных организаций города (положительную оценку получил и опыт жилищного строительства указанным методом заводами п/я № 68, 96, 122, 447, управлением трамвая и троллейбуса) [29, л. 20]. Работниками вспомогательных цехов саратовского завода технического стекла велись отделочные работы на 2-этажном 16-квартирном жилом доме [30]. Рабочими отдела производственных предприятий треста «Стройиндустрия» был построен 8-квартирный дом. В мае 1958 г. 70 работников предприятия изъявили желание продолжить строительство, однако к сентябрю так и не получили помощи в организации работы, несмотря на обещания управляющего трестом [31]. В начале июня этого же года был достроен и заселен рабочими геофизического треста 12-квартирный дом в пос. Мирный [32]. Там же, на ул. Городской, ими сооружалось еще несколько домов, строительство двух из них по состоянию на начало сентября 1958 г. задерживалось из-за волокиты с переносом высоковольтной линии [31]. В итоге, судя по всему, и эти дома были достроены (ныне они располагаются на ул. Танкистов). В июне 1958 г. приступили к сооружению четырех жилых домов сотрудники завода «Серп и молот» [33]. В начале сентября был заселен третий по счету 8-квартирный дом, возведенный рабочими Саратовской ТЭЦ-1. Жилплощадь была распределена в соответствии с отработанным временем на стройплощадке: отработавшие 800 ч получали ордер на квартиру, 300 час. – на комнату [31]. Активное строительство 2-х, 3-х и 8-квартирных жилых домов велось на 6-й Дачной остановке [34]. Все эти здания были построены по типовым проектам, внешний вид их предельно аскетичен. На фасадах выделяются в основном простейшие карнизы, на центральных частях фасадов зданий – спаренные лопатки, на столбах в торцах зданий – балконы. По всей видимости, одноэтажные жилые дома возводились работниками заводов п/я № 68 и 447 (см. таблицу). Построенные в обозначенные годы жилые здания в центре города (работниками СарГРЭС, завода эмалированных изделий и т. д.) [5, 23, 35] были украшены неглубокой рустовкой, профилированными тягами, карнизами; выделялись также профилированными входными порталами и сложным карнизом с геометрическим орнаментом. Все эти постройки довольно гармонично вписались в городскую среду.

С началом массового жилищного строительства и увеличением мощностей строительных организаций метод народной стройки трансформировался в одну из разновидностей индивидуального жилищного строительства. Именно так строительство данным методом трактуется в постановлении Совмина РСФСР от 9 июля 1959 г. «О мерах содействия коллективному

строительству многоквартирных и одноквартирных индивидуальных жилых домов», в которое в 1963 и 1972 гг. вносились изменения и дополнения. Утвержденное этим документом положение «О жилищно-строительных коллективах индивидуальных застройщиков» давало право рабочим и служащим объединяться по месту работы, при предприятиях, учреждениях и организациях в жилищно-строительные коллективы индивидуальных застройщиков для совместного строительства своими силами на началах трудовой взаимопомощи многоквартирных жилых домов по типовым проектам с сохранением прав личной собственности одного застройщика на одну квартиру и одноквартирных жилых домов на праве личной собственности жилой площадью не более 60 кв. м; рабочим и служащим мелких предприятий, учреждений и организаций, а также пенсионерам – в жилищно-строительные коллективы индивидуальных застройщиков при органах коммунального хозяйства исполкомов местных советов депутатов трудящихся (после 1977 г. – советов народных депутатов) [36].

В целом жилищное строительство «горьковским» методом, или методом народной стройки, было временной мерой по смягчению острейшего жилищного кризиса, существовавшего тогда в СССР и в Саратове в частности. Руководство различных предприятий и организаций города, как было отмечено, по-разному относилось к данной инициативе: одна часть энергично поддерживала ее, другая – менее активно, а порой и безразлично относилась к ней. Тем не менее эта инициатива в определенной степени повлияла на развитие городского пространства Саратова. Городская застройка стала в некоторой степени более разнообразной по форме – в основном это были 2-этажные жилые дома или небольшие одноэтажные коттеджи с приусадебным участком, однако некоторыми предприятиями и организациями строились и 3–5-этажные здания. Что касается архитектуры построек, то все жилищное строительство методом народной стройки в городе осуществлялось по типовым проектам, и дома, как правило, имели минимум декора, однако были сомасштабны человеку и формировали довольно комфортную городскую среду. В основном строительство велось в окраинных районах города – в Сталинском, Ленинском, периферийных частях Волжского, Кировского районов, однако некоторые организации осуществляли его и в центральной части Саратова. Несмотря на аскетичный облик, постройки, возведенные «горьковским» методом, в некоторых случаях даже внесли определенное разнообразие в облик города (по большей части его окраин). Те из них, что были построены в центре города, не диссонировали с исторической застройкой. Главным же итогом применения данного метода строительства в Саратове является то, что он позволил частично разрешить сложную жилищную

ситуацию в городе, особенно в его периферийных промышленных районах.

Список литературы

1. Курикова Г. В. Основные направления и противоречия политики массового жилищного строительства в Горьковской области (1954–1965 годы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2007. 23 с.
2. Гордин А. А., Абаимова А. А., Варакин С. А. «Строительство ведите на задворках» – метод народной стройки (по материалам Автозаводского района г. Горького) // Приволжский научный журнал. 2013. № 4. С. 198–201.
3. Растегаев Е. Дома, построенные руками рабочих // Коммунист. 1956. 30 дек.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. М. : Политиздат, 1986. Т. 9. 574 с.
5. Народной инициативе в жилищном строительстве – активную поддержку // Коммунист. 1957. 6 янв.
6. По почину горьковчан // Коммунист. 1956. 29 дек.
7. Воронов А. В новом доме // Коммунист. 1957. 10 янв.
8. Райком КПСС одобрил ценную инициативу // Коммунист. 1957. 5 янв.
9. Аралов В. Большие возможности // Коммунист. 1957. 25 янв.
10. Народной инициативе – широкую дорогу // Коммунист. 1957. 25 янв.
11. Решительно поднять темпы жилищного строительства // Коммунист. 1957. 1 марта.
12. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский обком КПСС). Оп. 2. Д. 3890.
13. Аболин К. Вот какие дома начинают строить подшиповцы // Коммунист. 1957. 3 марта.
14. Всенародное дело. Обзор писем читателей // Коммунист. 1957. 29 авг.
15. Герасимов В. Боевые задачи строителей // Блокнот агитатора. 1957. Специальный выпуск, посвященный строительству. С. 3–15.
16. ГАНИСО. Ф. 30 (Саратовский горком КПСС). Оп. 28. Д. 368.
17. Ярцев В. Новоселье // Коммунист. 1957. 18 авг.
18. III сессия Саратовского городского совета депутатов трудящихся // Коммунист. 1957. 30 авг.
19. Строительству жилищ – ударные темпы! // Коммунист. 1957. 28 июня.
20. Пленум Саратовского горкома КПСС // Коммунист. 1957. 23 июня.
21. Дягилев, Палагин. Не помощь, а тормоз в строительстве // Коммунист. 1957. 28 авг.
22. Байкалов Ф. Решения и дела. В Октябрьском районе проваливают сооружение жилищ // Коммунист. 1957. 26 сент.
23. Дьячков А. С чего мы начали // Коммунист. 1957. 25 янв.
24. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5213.htm (дата обращения: 04.12.2019).

25. Больше хороших квартир для трудящихся. С собрания актива партийной организации Саратова // Коммунист. 1957. 10 авг.
26. ГАНИСО. Ф. 972 (Заводской райком КПСС г. Саратова). Оп. 25. Д. 109.
27. Кажлаев Н. Г. Итоги 3-го Всесоюзного совещания по строительству и задачи строительных организаций Саратовской области. Саратов : ЦБТИ Саратовского совнархоза, 1958. 52 с.
28. Социалистические обязательства рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий и строек Саратовского экономического административного района на 1958 год в честь внеочередного XXI съезда КПСС // Вестник Саратовского совета народного хозяйства. 1958. № 3. С. 3–6.
29. ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 28. Д. 447.
30. В поселке и на заводе технического стекла // Коммунист. 1958. 28 мая.
31. Всемерно содействовать строительству жилищ методом народной стройки. По письмам в редакцию // Коммунист. 1958. 4 сент.
32. Степаненко М. В поселке Мирном // Коммунист. 1958. 9 июля.
33. Строить быстро, дешево, хорошо. Обзор писем о строительстве жилья // Коммунист. 1958. 1 июля.
34. Михайлов А. В Ленинском районе. Репортаж // Коммунист. 1958. 11 окт.
35. Бурындин Г. Неправильное отношение к строителям жилья // Коммунист. 1958. 29 апр.
36. Постановление Совета Министров РСФСР от 9 июля 1959 г. № 1184 «О мерах содействия коллективному строительству многоквартирных и одноквартирных индивидуальных жилых домов» (с изм. и доп., внесенными постановлениями Совмина РСФСР от 30.12.1963 № 1474). URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5426.htm (дата обращения: 25.12.2020).

Поступила в редакцию 22.11.2021; одобрена после рецензирования 00.12.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 22.11.2021; approved after reviewing 00.12.2021; accepted for publication 31.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 275–280
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 275–280
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-275-280>

Научная статья
УДК [338.45:622.276/279](470.44)|19|

Советский опыт повышения эффективности производства в организациях нефтегазового комплекса Саратовской области в 1950–1980-е годы

Р. В. Грибов

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Энгельсский технологический институт (филиал), 413100, Саратовская область, г. Энгельс, площадь Свободы, д. 17

Грибов Роман Викторович, соискатель кафедры отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, gribovrv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0419-1591>, Author ID: 36402107

Аннотация. В статье проанализирован советский опыт по налаживанию эффективного производства и трудовой деятельности на примере производственного объединения «Саратовнефтегаз». Изучены такие факторы повышения производительности труда, как совершенствование системы руководства и управления отраслью, выбор методов организации труда, усвоение и распространение передового опыта, модернизация производства, финансовое и нематериальное стимулирование работников.

Ключевые слова: нефтегазовая организация, эффективность, производительность труда, стимулирование, передовой опыт, модернизация

Для цитирования: Грибов Р. В. Советский опыт повышения эффективности производства в организациях нефтегазового комплекса Саратовской области в 1950–1980-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 275–280. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-275-280>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Soviet experience of increasing production efficiency in the organizations of the oil and gas complex of the Saratov region in the 1950–1980s

R. V. Gribov

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Engels Institute of Technology (branch), 17 Freedom Square, Engels Saratov region 413100, Russia

Roman V. Gribov, <https://orcid.org/0000-0002-0419-1591>, gribovrv@list.ru, Author ID: 36402107

Abstract. The article analyzes the Soviet experience in establishing efficient production and labor activity on the example of the production association “Saratovneftegaz”. Such factors of labor productivity increase as the improvement of the system of management and management of the industry, the choice of methods of labor organization, the assimilation and dissemination of best practices, modernization of production, financial and non-material inc.

Keywords: oil and gas organization, efficiency, labor productivity, stimulation, best practices, modernization

For citation: Gribov R. V. Soviet experience of increasing production efficiency in the organizations of the oil and gas complex of the Saratov region in the 1950–1980s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 275–280 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-275-280>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На сегодняшний день углеводородные ресурсы являются фактором острой экономической и политической борьбы между крупными мировыми державами. Сложившаяся геополитическая обстановка обязывает нефтегазодобывающую отрасль России сохранять лидирующие позиции в мире, так как средства, получаемые от реализации энергоресурсов, формируют

значительную часть государственного бюджета страны. Чтобы обеспечить постоянный экспорт углеводородов необходимо совершенствовать технический арсенал и степень эффективности производства, бороться за высокое качество продукции. Кроме того, нефтегазовое производство является локомотивом всей российской экономики, обеспечивая промышленность не только

топливными ресурсами и сырьем, но и заказами на инструменты, оборудование и сопутствующие материалы, стимулируя к развитию металлургические, станкостроительные и другие предприятия. Особая значимость нефтегазодобычи требует от руководства предприятий постоянно поддержания производственного потенциала на высоком уровне. В этой связи своевременным является обращение к советскому опыту поиска и реализации эффективных методов производства и технологий, которые позволят нефтегазовому сектору остаться важным связующим звеном отечественной экономики.

Массовое использование нефти как важной составляющей хозяйственной структуры начинается во второй половине XIX в., а рождение газовой промышленности в полном масштабе произошло гораздо позже, и связан этот процесс во многом со строительством первого в СССР магистрального газопровода «Саратов – Москва» [1].

Открытие нефтегазовых месторождений в Поволжье повлекло за собой создание мощного хозяйственно-экономического комплекса, основу которого составляла сеть добывающих и транспортирующих предприятий. Историко-графический анализ позволяет заключить, что результаты деятельности регионального нефтегазового сектора не привлекли к себе внимания со стороны местных историков. Большинство из опубликованных работ посвящены отдельным проблемам отрасли и разбросанным по территории страны нефтегазовым регионам [2, 3, 4, 5, 6].

Цель настоящей статьи выявить, каким образом в рамках советской социалистической экономики шел поиск способов повышения эффективности нефтегазового комплекса Саратовской области и тех факторов, которые влияли на производственный процесс в 1950–1980-е гг., когда эта отрасль экономики бурно развивалась в регионе.

Следует сказать, что само по себе открытие углеводородных месторождений в Поволжье и переход на потребление газа в качестве энергоносителя уже давало производственный и социальный эффект. Население с нескрываемым удовольствием отказывалось от использования дров и угля в бытовых целях ради голубого топлива. В 1961 г. потребителям Саратовской области было поставлено 1783 млн м³ газа, при себестоимости 1,0 коп. за м³. При этом следует учесть, что себестоимость угля на тот момент была в 4,77 раза выше. Таким образом, каждый кубический метр газа давал 3,77 коп. экономии за м³. По сравнению с себестоимостью дров эта цифра увеличивалась в разы и за 15 лет могла составить экономию в 550 млн руб. [7, л. 54].

Специфика деятельности добывающих предприятий состоит в том, что поиск и разработка месторождений разворачиваются буквально с нуля, на пустом месте. Лишь в ходе хозяйственного

освоения к месторождению прокладываются линии дорог и электропередачи, сооружаются временные, а затем постоянные производственные базы, позже возводятся поселения промышленников. По мере вовлечения в промышленный оборот территорий, где ведется добыча углеводородов, производственная и социальная инфраструктура разрастается, процесс принимает перманентный характер. Все это указывает на то, что результативность во многом зависит от слаженности руководящих органов по управлению деятельностью комплекса предприятий добывающей отрасли как в центре, так и на местах.

В силу технологических особенностей организационная деятельность нефте- и газодобычи в Саратовской области осуществлялась параллельными структурами. Так, трест «Саратовгаз», подчинявшийся Главнефтегазу Министерства нефтяной промышленности с 1943 г. по 1951 г. управлял газовым хозяйством области. По данным на 1950 г. эксплуатационный фонд «Саратовгаза» состоял из 72 скважин, которые обслуживал коллектив из 900 чел. Руководство разведочными и буровыми работами, связанными с нефтью, осуществляло объединение «Саратовнефть», созданное в г. Саратове в 1949 г. [8, л. 36].

По мере приобретения самостоятельности в структуре органов управления газовой отраслью происходили многочисленные трансформации, цель которых состояла в повышении эффективности производства. В апреле 1964 г. Управление нефтяной и газовой промышленности было ликвидировано. Произошло это, по всей видимости, в связи с тем, что совнархозы, куда входило Управление, не справились с задачами, поставленными перед ними при их создании. Вместо Управления было учреждено Государственное производственное объединение нефтяной и газовой промышленности «Саратовнефтегаз», основными функциями которого являлись работы по разведочному и эксплуатационному бурению и созданию производственных мощностей, необходимых для увеличения добычи ресурсов [8, л. 36]. В таком виде с небольшими внутренними перестановками производственное объединение просуществовало вплоть до ликвидации Советского Союза.

Еще одним фактором стабильного роста в добывающей промышленности являлось безоговорочное соблюдение технологии производства и техники безопасности. Добывающая промышленность ассоциируется с наличием всевозможных механизмов, техники, станков и оборудования. Сложность технологических процессов в поиске и добыче нефти и газа предполагала высокую степень ответственности всех категорий работников, строгое соблюдение техники безопасности и должностных инструкций, а также тщательный контроль со стороны высшего руководства. Любое нарушение технологии могло

привести к необратимым последствиям, в том числе человеческим жертвам, травмам, нарушениям экосистемы, а также дополнительным финансовыми затратам и, как следствие, к снижению эффективности производства. Следует признать, что негативные примеры в «диалоге» человек – техника чаще всего происходили на первых этапах разработки саратовских недр, когда у персонала буровых не хватало опыта и образования, не сформировался достаточный уровень ответственности. Отдельные геофизические партии при проведении сейсмических полевых работ могли нарушить правила землепользования, не согласовать с руководством колхозов и совхозов отвод земельных участков и сроки проведения изыскательских работ, что приводило к потере посевов и порче пашни. В частности, сейсмологическая партия № 9/62 при прокладке трассы в Ершовском районе протяженностью 80 км оставила после себя 16 воронок диаметром 10 м и глубиной 15 м. Работы на землях совхоза «Ершовский» велись без согласования с руководством хозяйства, что обусловило потерю 3 га посевов и последующее финансовое возмещение ущерба со стороны геологоразведочной организации [9, л. 46].

Нарушения технологического процесса в бурении вызывали потери углеводородов и финансовых средств, выделенных на их добычу. Так, в период с 1955 по 1961 г. затраты на ликвидацию открытых фонтанов, в которых было утрачено более 4,8 млрд м³ газа, составили около 2,5 млн руб. Авария, произошедшая вследствие человеческого фактора только на одной скважине в 1959 г., принесла убытков на 5,6 млн руб. и потери около 20% первоначальных запасов [10, л. 154].

Анализ причин травматизма, проведенный на предприятии, выявил, что травмы происходили чаще всего из-за отсутствия системного контроля со стороны руководителей работ, нарушения технологической дисциплины, неудовлетворительной подготовки рабочих, стаж которых варьировался от одного года до трех лет.

Преодолеть негативные тенденции можно было путем улучшения условий труда, усовершенствования техники безопасности и повышения уровня ответственности работников. С этой целью в 1970-е гг. на предприятиях нефтегазовой отрасли была внедрена Единая система охраны труда, которая представляла собой своеобразную вертикаль инженерно-технического контроля в рамках одного объединения, состоящая из трех уровней, начиная от мастера участка, бригадира буровой бригады и службы охраны труда, заканчивая службой главного инженера.

На первом уровне проходила проверка техники безопасности, качества инструмента, оборудования и различных вспомогательных приспособлений, находящихся на вверенных объектах. Как правило, в тех подразделениях, где ответственные лица добросовестно относились

к своим обязанностям, работа складывалась без аварий и производственного травматизма.

На втором и третьем этапах за контроль над технологическими процессами отвечали специально созданные комиссии, главные специалисты нефтегазодобывающих управлений, а также главный инженер по труду и технике безопасности объединения. Они осуществляли анализ результатов деятельности первого этапа и делали соответствующие выводы, направленные на повышение эффективности труда низовых коллективов. Они же планировали графики проверки основных действующих производственных объектов, организовывали недели и дни качества, оформляли протоколы выявленных нарушений. Результатом всей этой, казалось бы, рутинной, являлись доклады о текущей ситуации в адрес вышестоящих партийных организаций и собраний трудовых коллективов, оформление приказов о наказании или поощрении работников [11, л. 115].

Внедрение в объединении «Саратовнефтегаз» данной модели контроля охраны труда и безопасности позволило повысить производительность труда, снизить уровень аварийности и травматизма на производстве, а в отдельных случаях сформировать позитивный образ руководства предприятия.

Одним из ключевых направлений повышения эффективности буровых работ было активное распространение опыта передовых бригад. Следует заметить, что организация мероприятий по налаживанию взаимодействия между трудовыми коллективами в производственном объединении «Саратовнефтегаз» выстраивалась по восходящей линии. Если в конце 1950-х гг. обмен знаниями и умениями носил эпизодический характер, то приблизительно с середины 1960-х гг. ситуация кардинально изменилась. Немалая заслуга в этом принадлежала Саратовскому обкому КПСС, на заседаниях бюро и пленумах которого неоднократно ставился вопрос о неудовлетворительной работе по распространению передового опыта в данной отрасли. В адрес коллективов нефтегазовых организаций звучали упреки в том, что умения по скоростному бурению, наработанные местными буровиками, не стали всеобщим достоянием. В качестве примера приводился опыт ряда производственных подразделений. Так, бригада Кобышева при годовом плане 5125 м пробурила 8355 м, а бригада Семионова при плане 5800 м пробурила 7111 м. Более того, бригада Богачёва достигла рекордной для Саратовской области коммерческой скорости бурения 2189 м на станок в месяц [12, л. 231–232]. Партийное руководство области потребовало не только активнее распространять собственный положительный опыт, но и заимствовать успешные наработки коллег из других добывающих регионов. В частности, стали проводиться семинары по обмену опытом, а также

был организован выезд бригад для обмена опытом в иные нефтяные районы Поволжья [13, л. 118; 14, л. 70].

Передовой опыт распространялся не только директивным способом. В руководстве «Саратовнефтегаза» прекрасно осознавали положительную перспективу от внедрения новых технологических идей и старались задействовать внутренние ресурсы. Для этого в середине 1970-х гг. при нормативно-исследовательской станции была создана инструкторская служба по текущему и капитальному ремонту бурового оборудования. В нее вошли мастера, руководители среднего звена, рядовые буровики, прошедшие повышение квалификации в давно освоенных нефтяных районах и районах, работавших по новой системе планирования и экономического стимулирования. С целью оперативного распространения опыта в объединении было учреждено научно-техническое общество, состоявшее из 40 первичных организаций, участники которого на общественных началах занимались сбором, анализом и распространением технологических новшеств по всем профильным направлениям деятельности объединения. Также взаимнообмену содействовали крупномасштабные коллективные мероприятия (съезды, слеты, форумы), получившие к тому времени широкое распространение не только в Саратовской области, но и на всей территории Советского Союза [14, л. 90; 15, л. 120; 16, л. 104].

Безусловно, определяющую роль в достижении эффективности любого предприятия играют новации как в оборудовании, так и в технологии производства. «Саратовнефтегаз» в советские годы входил в число лидеров отрасли в этом направлении. Занимать передовые позиции объединению удавалось благодаря тому, что на его месторождениях проходили апробацию многочисленные инновации, осуществлялся переход на новейшие технологии разведки, поиска и добычи углеводородов, предложенные отраслевыми научно-исследовательскими институтами. Исторический аспект модернизации технологических процессов отражен в наших предыдущих работах по данной теме, поэтому нет необходимости возвращаться к этому вопросу [17, 18].

Важной составляющей производственного процесса, от которой во многом зависит его эффективность, выступает кадровый потенциал. Но в отличие от рыночной экономики, где персонал, прежде всего, материально мотивирован на выполнение работы, в социалистической системе хозяйствования главным фактором являлись методы организация труда, основанные на развитии трудовых установок и материальном стимулировании. Ставка делалась на сознательность, формировавшуюся в процессе идеологической работы в коллективах, пропаганду и агитацию, а также повседневный

контроль со стороны партии и комсомола. Трудовая деятельность каждого работника увязывалась с достижениями всей страны. Подтверждением тому являлись регулярная партийная учеба, организованная на предприятиях объединения «Саратовнефтегаз», просветительская деятельность общества «Знание», всевозможные месячники или декады, посвященные важным юбилейным датам по тематике, утвержденной обкомом КПСС. В конторах, цехах, полевых вагончиках оформлялись «Ленинские уголки», издавались стенгазеты, сатирические журналы, комсомольские прожекторы, боевые листки и молнии. О размахе кипучей деятельности под контролем партии говорит отчет «О работе парторганизации за период подготовки и проведения 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» на 18 листах, направленный от имени секретаря парткома Государственного Заволжского геологоразведочного треста в отдел агитации и пропаганды Саратовского обкома КПСС [19, л. 28–46].

Практическое воплощение общественно-политическая агитация получила в социалистическом соревновании, направленном на достижение высоких скоростей проходки, повышения производительного времени в бурении, увеличения добычи и снижения стоимости нефти и газа, за присвоение различных почетных званий («Лучший по профессии», «Бригада коммунистического труда», «Мастер золотые руки»). На уровне всех производственных единиц оформлялись Доски Почёта. Например, наилучших показателей в социалистическом соревновании в объединении «Саратовнефтегаз» за 1971 г. достигла буровая бригада мастера Н. А. Колесникова, пробурившая 5900 м со скоростью 789 м на станкомесяц. Бригадир был удостоен права занесения на Доску Почёта ВДНХ [20, л. 28–46; 21, л. 27–29].

Вместе с тем, анализируя документы и воспоминания работников советского периода, невольно приходишь к выводу о том, что чрезмерное обилие идеологических мероприятий не только подстегивало, но порой и негативно сказывалось на непосредственных обязанностях персонала, отвлекая его от основной работы на собрания и летучки, написание лозунгов и хвалебных статей. Кроме того, постоянное подталкивание к выполнению и перевыполнению планов сказывалось на качестве проводимых работ.

Немаловажное значение в повышении производительности и качества труда, увеличении скорости выполнения технологических задач имела стабильность трудовых коллективов на всех уровнях объединения. Многие зависело от особого социально-психологического климата, когда каждый работник четко выполнял свои должностные обязанности, обладал навыками смежных профессий, нес персональную ответственность за выполненную операцию, мог

спокойно трудиться, зная, что после изнурительного рабочего дня он сможет спокойно отдохнуть. Анализ фактического материала показал, что для того, чтобы построить стабильный коллектив в «Саратовнефтегазе» ушли десятилетия. Так, в 1959 г. в организацию было принято на работу 5066 чел., а уволено 4362 чел., из них за нарушения дисциплины –185 чел. При этом 30 чел. были отданы под суд [22, л. 33]. В 1970-х гг. в некоторых подразделениях «Саратовнефтегаза» текучесть кадров достигала 30%, и лишь в дальнейшем наметилась тенденция к ее снижению [23, л. 50].

С проблемой текучести кадров можно было справиться путем изменения кадровой стратегии, проведения грамотной социальной политики, а также планомерного повышения оплаты труда. Стабильный рост заработков наблюдался на протяжении периода 1970 – середины 1980-х гг. В 1967 г. средняя заработная плата одного промышленного рабочего нефтегазового сектора составляла 95 руб., в 1971 г. – 119 руб., в 1976 г. – уже 147 руб. В целом доходы работников нефтегазовой отрасли Саратовской области были сопоставимы со средними доходами промышленного сектора экономики страны [24, л. 39; 25, л. 58].

Все обозначенные направления в стратегии повышения эффективности производства объединения «Саратовнефтегаз» имели положительный результат по отдельности, а в совокупности позволили предприятию занять ведущее место в добывающей отрасли. Это было отражено в отчете бюро Саратовского обкома КПСС от 16 апреля 1986 г., в котором отмечался высокий уровень эффективности работы структур объединения «Саратовнефтегаз» не только на территории области, но и за ее пределами. Так, «Ершовское управление буровых работ» вахтово-экспедиционным методом в одиннадцатой пятилетке пробурило в Западной Сибири 3480,1 тыс. м горных пород и сдало в эксплуатацию 1319 скважин, что превышало контрольные задания пятилетки, соответственно, на 320,1 тыс. м и на 12 скважин. В целом объединение «Саратовнефтегаз» выполнило поставленную перед ним задачу по стабилизации добычи нефти на территории Саратовской области. Сверх контрольного задания одиннадцатой пятилетки добыто 517,6 тыс. т нефти и 221,2 млн м³ газа, наметилась устойчивая тенденция к наращиванию разведанных запасов [26, л. 6–7].

Таким образом, на повышение эффективности работ в нефтегазовом секторе влияли самые различные факторы. Во-первых, это совершенствование системы руководства и управления отраслью, вызванное необходимостью разграничить производственные предприятия нефтяной и газовой промышленности. Во-вторых, это поиск оптимальных методов организации труда

на основе улучшения его условий и усовершенствования техники безопасности. В-третьих, это усвоение и распространение опыта лучших бригад и научных достижений среди всего коллектива объединения, позволявшие остальным специалистам овладевать скоростными и безопасными приемами труда. Практические результаты от распространения новаторских решений выражались в экономии материалов, времени, росте производительности труда. В-четвертых, это повышение заработной платы, формирование благоприятного климата в трудовом коллективе и социальная забота со стороны руководства, которые в совокупности помогали преодолеть текучесть кадров. В-пятых, центральные органы и местное руководство широко применяли моральные и идеологические стимулы к труду.

Вместе с тем нельзя признать абсолютной действенность всех перечисленных факторов. На протяжении исследуемого периода в объединении «Саратовнефтегаз» сохранялась текучесть кадров, что было характерно для всех предприятий советской экономики. Не удалось полностью изжить травматизм, так как процесс добычи углеводородов связан с использованием весьма тяжёлого оборудования, и даже переход на новейшие технологии не избавил тружеников от ручного труда. Если говорить о зарплате, то повышение её уровня отмечалось, как правило, у промышленных работников, в то время как оплата труда персонала администрации и смежных структур была несколько ниже.

Список литературы

1. Быков В. Ю. Из истории становления газовой индустрии страны : газопровод «Саратов – Москва» // Наука и общество. 2015. № 1. С. 10–14.
2. Быков В. Ю., Демидова Е. И., Ефимова Е. А., Захаров А. В. Этапы развития газовой отрасли // Газовый бизнес. 2015. № 2. С. 54–63.
3. Быков В. Ю., Демидова Е. И., Ефимова Е. А., Захаров А. В. Из истории Астраханского газового комплекса // Научный журнал Российского газового общества. 2016. № 1. С. 71–82.
4. Демидова Е. И., Ефимова Е. А., Захаров А. В. Бованенково – территория больших возможностей // Газовый бизнес. 2016. № 2. С. 71–75.
5. Демидова Е. И., Ефимова Е. А., Захаров А. В. Из истории освоения газовых месторождений Средней Азии // Научный журнал Российского газового общества. 2016. № 4. С. 59–64.
6. Демидова Е. И., Ефимова Е. А., Захаров А. В. К истории строительства экспортного газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород» // Научный журнал Российского газового общества. 2016. № 2. С. 69–78.
7. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. (ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский обком КПСС). Оп. 1. Д. 4738.

8. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-3677 (Производственное объединение «Саратовнефтегаз»). Оп. 1. Д. 122.
9. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4816.
10. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4630.
11. ГАНИСО. Ф. 2405 (Заволжское нефтегазодобывающее управление объединения «Саратовнефтегаз»). Оп. 1. Д. 88.
12. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 5. Д. 36.
13. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4395.
14. ГАНИСО. Ф. 8 (Партком производственного объединения «Саратовнефтегаз»). Оп. 1. Д. 66.
15. ГАСО. Ф. Р-3677. Оп. 1. Д. 36.
16. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 12. Д. 59.
17. Грибов Р. В. Модернизация предприятий нефтегазового сектора на материалах предприятия «Саратовнефтегаз» // Бенцманские чтения. Развитие управления качеством продукции и конкурентоспособностью предприятий в условиях цифровых трансформаций экономики : материалы VIII Международной научно-практической конференции (Энгельс, 17 ноября 2020 г.) / отв. ред. Е. Г. Жулина. Энгельс : Институт научных исследований и развития профессиональных компетенций (ИНИРПК), 2020. С. 141–146.
18. Грибов Р. В. Исторические аспекты производства газоперекачивающего оборудования и обеспечение энергетической безопасности // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 3. С. 57–61.
19. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 10. Д. 186.
20. ГАНИСО. Ф. 2405. Оп. 1. Д. 100.
21. ГАНИСО. Ф. 2405. Оп. 1. Д. 74.
22. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4395.
23. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 71.
24. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 39. Д. 29.
25. ГАСО. Ф. Р-3677. Оп. 1. Д. 266.
26. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 39. Д. 29.

Поступила в редакцию 03.12.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 03.12.2021; approved after reviewing 07.12.2021; accepted for publication 31.01.2022

ISSN 1819-4907

22002

9 771819 490702

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2022.
Том 22, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

